

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ПРАВА

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ,
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ОСНОВ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием**

Уфа, 19 ноября 2020 г.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СОЮЗ «ПАЛАТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ
ИМЕНИ Ю.Г. КОРУХОВА (СУДЭКС),
БАШКОРТОСТАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН**

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРАВОВЫХ, НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ ОСНОВ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Уфа, 19 ноября 2020 г.)*

**Уфа
РИЦ БашГУ
2020**

УДК 347.9+340.6
ББК 67.410+67.53
Т33

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, профессор **Ф.Г. Аминев**(*отв. редактор*);
канд. юрид. наук, доцент **А.Б. Галимханов**;
канд. юрид. наук, доцент **Р.И. Зайнуллин**;
канд. юрид. наук, доцент **Н.С. Латыпова**;
канд. юрид. наук, доцент **Е.А. Егорышева**

Т33 Теория и практика совершенствования правовых, научно-методических и информационных основ использования специальных знаний в судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 19 ноября 2020 г.)/ отв. ред. Ф.Г. Аминев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – 168 с.

ISBN978-5-7477-5181-1

В сборнике рассмотрены проблемы и пути совершенствования законодательства о судебно-экспертной деятельности, проблемы и пути повышения эффективности научно-методического и информационно-технологического обеспечения использования специальных знаний в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе; современные проблемы повышения уровня профессиональной подготовки судебных экспертов и специалистов и пути их решения, а также правовые и этические аспекты применения генетических технологий ДНК-идентификации личности в ДНК-регистрации всего населения России с внедрением разрабатываемых импортозамещающих научных методов и технических средств в интересах граждан и государства.

Сборник предназначен для сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов, студентов и судебных экспертов.

Тексты воспроизводятся с представленных авторами оригиналов.

УДК 347.9+340.6
ББК 67.410+67.53

ISBN 978-5-7477-5181-1

© БашГУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллин Р.Р. По вопросу реформирования деятельности негосу-дарственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов	5
Белодед Д.Р., Енгальчев В.Ф. О перспективности обучения судебного эксперта-психолога психологическому анализу	8
Варданян А.В. К вопросу о дискуссионности термина «специальные знания» в уголовном судопроизводстве	13
Гарафутдинов Р.Р., Чемерис Д.А., Аминев Ф.Г., Чемерис А.В. Микродиплотипы – новые потенциальные маркеры для ДНК-идентификации человека	17
Горелов М.В. Судебные расходы при проведении судебной экспертизы в гражданском процессе	20
Гумеров И.Р. К вопросу о независимости судебно экспертной деятельности в контексте общественного запроса на справедливость судебного правосудия	21
Григорян С.А. Особенности использования специальных знаний в процессе расследования преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости	25
Давыдов С.И. О роли оперативно-розыскных органов в формировании доказательств по делам о дистанционном мошенничестве на основе экспертных исследований	29
Демин К.Е., Дедова М.И. О возможностях современных методов обнаружения и фиксации следов рук	35
Дьяконова О.Г. руководитель судебно-экспертной организации как субъект судебно-экспертной деятельности и участник судопроизводства	39
Жаворонков В.А. об использовании технологических возможностей заводов-изготовителей в целях противодействия неправомерному изменению идентификационной маркировки транспортных средств	41
Колотушкин С.М. Цуканов А.С. Скрытое маркирование огнестрельного оружия по стреляным гильзам: новые задачи и возможности	55
Комиссарова Я.В., Котова О.А., Семенов В.В. Новое в методическом обеспечения деятельности полиграфологов Следственного комитета Российской Федерации	63
Кучин О.С. Проблемы назначения судебных экспертиз при расследовании морского браконьерства	74
Лифанова М.В. К вопросу о понятии специальных знаний	82

Маилян А.В. Общие положения использования помощи специалистов при проведении следственных действий в процессе расследовании хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа	84
Мамонтов А.В. К вопросу о сохранности документов на бумажной основе: современные тенденции развития СТЭД	89
Mete Korkut Gulmen The importance of standardization in sexual violence cases for criminal trials	
Мете Коркут Гюльмен. Важность стандартизации в делах, связанных с сексуальным насилием для уголовного судопроизводства	93
Моисеева Т.Ф. Проблемы правового обеспечения судебно-экспертной деятельности	96
Назырова Н.А. Проблемы эффективности обеспечения использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве на примере расследования преступлений по фактам незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица	101
Першин А.Н., Иванов В.В. К вопросу о качестве заключений судебных экспертов	108
Поваров Ю.С. Уничтожение геномной информации, полученной в ходе добровольной государственной геномной регистрации	115
Савенко А.С. Применение общенаучных методов при производстве судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности	119
Сейтенов К.К. О современных подходах организации профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации	125
Соклакова Н.А., Вострова Д.Н. Некоторые возможности криминалистического исследования подписей, изготовленных путем технического воспроизведения их с использованием плоттера	131
Суденко В.Е. Специальные знания, применяемые при расследовании транспортных преступлений	134
Хрусталеv В.Н. Какой вектор развития Российской Академической подготовки судебных экспертов определяет новый образовательный стандарт по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»?	141
Чемерис А.В., Аминев Ф.Г., Анисимов В.А., Гарафутдинов Р.Р., Сагитов А.М. Криминалистические генетические базы данных	151
Чеснокова Е.В. Понятие, принципы и место в системе судебной экспертологии частной теории стандартизации в судебно-экспертной деятельности	159

Абдуллин Руслан Рамилевич,
аспирант кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
судья Орджоникидзевского районного суда г. Уфы,
г. Уфа, Россия

ПО ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ЧАСТНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация: Цель исследования – В статье рассмотрены выявленные в ходе исследования проблемы деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и показаны пути их решения.

Материалы и методы – Методологической основой послужили методы сравнительно-юридического анализа, статистические, социологические и иные методы исследования

Результаты – Практическое значение исследования заключается в использовании результатов исследования судами, специалистами, экспертами при подготовке, назначении судебных экспертиз экспертами, не являющимися государственными судебными экспертами.

Заключение – Представлены перспективы применения результатов совершенствования учеными Института права БашГУ правового, научно-методического, организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, реформирование, частный эксперт, судебно-экспертная организация.

В современный сложный для Российской Федерации период сохраняется высокий уровень преступности. Так, согласно статистике МВД Российской Федерации по состоянию преступности, за период с января по август 2020 года совершено 1 367 400 преступлений, что на 0,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений: их удельный вес от общего числа зарегистрированных преступлений увеличился с 24,5% до 27,4% [1]. Тревогу вызывает дальнейший подъем уровня интеллектуализации и технологизации криминальной деятельности. Соответственно такой ситуации, имеется настоятельная необходимость в мобилизации всех сил и средств для сбора и исследования доказательств, качественного раскрытия и расследования преступлений. Одной из действенных мер по работе в этом направлении является использование возможностей судебных экспертиз и исследований.

Как известно, на территории Российской Федерации судебно-экспертной деятельностью профессионально заняты экспертные подразделения в 8 государственных ведомствах (МВД, ФСБ, МЧС РФ, Министерстве обороны, Министерстве юстиции, Министерстве здравоохранения, Федеральной таможенной службе, Следственном комитете РФ), негосударственные

судебно-экспертные организации, частные эксперты, а также лица, работающие в учреждениях, не являющихся экспертными. И в условиях проводимого в стране в последние годы реформирования всех видов судопроизводства, в ходе которого «продолжается введение ... новелл, ориентированных на гуманизацию уголовного процесса, равноправие и состязательность сторон» [2, с. 7], вполне логичным является активизация процессов реформирования судебно-экспертной деятельности. Причем о правовой регламентации работы государственных судебно-экспертных организаций достаточно много пишут и ученые и практики.

Так, долгие годы на ее необходимость обращает внимание А.Ф. Волинский, утверждая, что ««необходимость реформирования системы судебно-экспертных учреждений, в том числе, если не прежде всего, ЭКП ОВД, не видит только тот, кто не хочет это видеть, кто не признает прописную истину: «Уровень развития техники определяет систему организации производства» [3, с. 121]. По нашему мнению, достойно внимания предложение Ф.Г. Аминова, который рекомендует в новом федеральном законе «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» «предусмотреть образование на базе судебно-экспертных организаций МВД и Министерства юстиции РФ единого вневедомственного государственного центра судебной экспертизы» [4, с. 142], в состав которого войдут эксперты МВД, Министерства юстиции, Следственного комитета, МЧС, ФТС РФ (без экспертов ФСБ и Минздрава РФ).

Представляется, что уделяя повышенное внимание совершенствованию деятельности государственных судебно-экспертных организаций, следует не забывать и о реформировании деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов. О том, что этому направлению необходимо приложить немалых усилий и в правовом, и в организационном и методическом аспектах, свидетельствуют многие факторы. Насколько велика значимость негосударственных судебно-экспертных организаций в судопроизводстве свидетельствует статистика, представленная Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации. Так, за 6 месяцев 2020 года судами 59,4% определений о назначении судебных экспертиз в гражданском судопроизводстве и 80,6% постановлений в административном судопроизводстве вынесены в адрес негосударственных экспертных организаций [5]. Вместе с тем, в настоящее время, в процессуальном законодательстве РФ отсутствует регламентация деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций. В Федеральном законе от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» имеется некоторое упоминание о том, что на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, распространяется действие статей 2, 3, 4, 6-8, 16 и 17, ч.2 ст. 18, ст. 24, 25 данного закона. По прошествии 19 лет в деле правового реформирования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций лишь «некоторым движением в исправлении этой ситуации является принятие в первом чтении Государственной думой Федерального собрания Россий-

ской Федерации в первом чтении проекта Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором учтены и исправлены многие замечания, высказанные относительно ныне функционирующего Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ» [6, с. 128].

Однако остаются нерешенными многие проблемы, имеющиеся в деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов, которые можно разделить на следующие основные блоки:

- 1) проблемы правовой регламентации деятельности;
- 2) проблемы научно-методического обеспечения деятельности;
- 3) проблемы организационного обеспечения деятельности;
- 4) проблемы информационно-справочного обеспечения деятельности;
- 5) проблемы финансово-хозяйственного обеспечения деятельности.

Ключевыми, на наш взгляд, являются проблемы правовой регламентации деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов. В решении этой проблемы большие надежды возлагаются на принятие Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором должны быть представлены положения, регламентирующие деятельность негосударственных судебно-экспертных организаций, частных экспертов и привлекаемых для проведения судебной экспертизы лиц, работающих в учреждениях, не являющихся экспертными.

В целях совершенствования организационного обеспечения деятельности мы поддерживаем предложение «создать единую всероссийскую организацию, членами которой должны стать все эксперты негосударственных судебно-экспертных организаций и частные эксперты» [7, с. 42]. Такая организация может быть создана на базе Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», на которую в законодательном порядке следует возложить организацию профессиональной подготовки и повышения квалификации, информационно-справочного обеспечения всех экспертов, не являющихся государственными судебными экспертами.

Крайне актуальными являются меры по повышению уровня владения экспертами современной экспертной техникой и методами. Полагаем, для этого негосударственным судебно-экспертным организациям необходимо повысить научно-технической оснащенность, качество готовности оборудования и расходных материалов и т.д.

Исследования проблем реформирования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов не ограничиваются вышеназванными, пути решения будут сформированы в дальнейших работах.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь-август 2020 года <https://мвд.рф/reports/item/21244698> (дата обращения 2 ноября 2020 г.)
2. Варданян А. В., Варданян Г. А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юрист-Правоведъ. 2015. № 6. С. 5-10.
3. Волинский А.Ф. Республика Беларусь реформировала систему судебно-экспертных учреждений. А Россия? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы V Международной научно-практической конференции (г. Москва, МГЮА, 22-23 января 2015 г.). Москва: Проспект, 2015. С. 119-124.
4. Аминев Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 272 с.
5. Данные судебной статистики/ Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения 3 ноября 2020 г.)
6. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2015. № 4 (42). С. 126-131.
7. Аминев Ф.Г., Хомутов С.В. О правовом обеспечении профессиональной подготовки экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций // Вестник криминалистики. 2019. № 2 (70). С. 38-48.

Белодед Диана Роландовна,
аспирант КГУ им. Циолковского,
г. Калуга, Россия;

Енгальчев Вали Фатехович,
доктор психологических наук, профессор кафедры Общей и
юридической психологии КГУ им. Циолковского
г. Калуга, Россия.

ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПОЧЕРКА

Аннотация: Развитие судебной экспертологии носит поступательный характер. В условиях изменчивости современной реальности перед экспертами всё чаще ставятся задачи, требующие поиска новых подходов к их решению. Обучение судебных экспертов, в том числе экспертов-психологов, требует тщательной и основательной подготовки опытными квалифицированными наставниками. Расширение возможностей судебной психологической

экспертизы позволит повысить эффективность производства экспертиз, объективность и достоверность заключений экспертов.

Ключевые слова: почерк, психологический анализ почерка, судебный эксперт-психолог, обучение эксперта-психолога.

Annotation: The development of forensic expertise is continuous. In the context of the changing reality of modern reality, experts are increasingly being challenged to find new approaches to their solution. The training of forensic experts, including expert psychologists, requires careful and thorough training by experienced qualified mentors. Expanding the capabilities of forensic psychological expertise will increase the efficiency of interaction between expert services and the law enforcement system.

Key words: handwriting, psychological analysis of handwriting, forensic psychologist, expert psychologist training.

Спектр экспертных задач, которые ставятся перед экспертом-психологом весьма широкий. Это обусловлено, с одной стороны, как специфичностью каждой отдельно взятой ситуации, так и, с другой стороны, расширением возможностей экспертной деятельности. Развитие СПЭ продиктовано временем и растущим спросом на специальные знания компетентных лиц. Потребность в квалифицированных специалистах служит причиной уделить особое внимание обучению экспертов. В первую очередь это касается тех направлений обучения, которые еще не имеют широкого распространения, но обладают достаточной научно-доказательной базой, чтобы стать востребованными.

К судебному эксперту предъявляются строгие требования, ведь от его экспертного мнения зачастую зависит ход процесса расследования преступления. С.Н. Муликов и С.В. Майоров полагают, что одним из важных критериев профессионализма следует считать «внутреннее убеждение» судебного эксперта, которое служит основанием для экспертных выводов в ходе решения идентификационных задач. А способность к внутреннему убеждению закладывается в процессе обучения экспертной деятельности [1]. Таким образом, мы понимаем, что помимо передачи специальных знаний в ходе обучения должны быть воспитаны и некоторые личностные качества, необходимые для успешного исполнения своих обязанностей.

Е.И. Галяшина в качестве главной цели подготовки судебного эксперта выделяет готовность «к квалифицированному выполнению процессуальных и профессиональных обязанностей, под которым понимаются система знаний, умений, навыков, личных качеств, обеспечивающих самостоятельное, всестороннее, полное выполнение поставленных перед экспертом задач по исследованию объектов судебной экспертизы» [2; 31]. Безусловно, с этим мнением можно согласиться, ведь автор указал истинно важные составляющие конечного результата обучения эксперта. А Т.Ф. Моисеева подчеркивает необходимость дополнительной подготовки по направлению судебной экспертизы помимо базового высшего образова-

ния, об этом она пишет в статье «Организационные и методологические аспекты подготовки судебных экспертов» [3].

При обучении такому важному и специфическому направлению закономерно встает вопрос о возможности дистанционного освоения навыков судебного эксперта. И.В. Киселевич отмечает, что дистанционные формы имеют право на существование и могут обеспечить качественное образование, особенно уделяя должное внимание практике и самостоятельному решению экспертных задач обучающимися [4]. Это расширяет возможности опытных наставников в подготовке молодых кадров.

Ряд авторов указывает на то, что минимальный период профессионального становления эксперта составляет 3–5 лет. Но при этом даже непрерывное ежедневное производство экспертиз вовсе не гарантирует адекватного решения всех проблем, возникающих перед экспертом [5].

В зависимости от решаемых задач бывают различные объекты исследования. Довольно часто в судопроизводстве в качестве объектов выступают письменные документы. Следует заметить, что помимо почерковедческой широкое распространение имеет и психолого-лингвистическая экспертиза. По рукописному тексту можно также провести психологический анализ почерка (ПАП), который пока еще не имеет широкого распространения в России, но обладает всеми шансами завоевать доверие и занять свое достойное положение в ряду психодиагностических методик, применяемых в судебной экспертологии [6].

В 2019 г. на базе КГУ им. К.Э. Циолковского состоялась представительная международная конференция, посвященная психологическому анализу почерка, где обсуждались перспективы научного и прикладного исследования почерка, в том числе и в сфере судебной психологической экспертизы [7].

Для эффективного обучения такому сложному умению как ПАП необходима программа поэтапного освоения данного направления, опытные наставники и большое количество самостоятельных практических исследований для повышения профессионального уровня. «Познание закономерностей, существенных для установления по почерку психологических свойств личности, представляет собой чрезвычайно сложную самостоятельную задачу» – подтверждает С.И. Петрова. [8, 230]. В качестве рекомендаций можно выделить следующие ступени профессиональной подготовки специалиста в области ПАП.

На начальном этапе следует изучить предпосылки возникновения психологического анализа почерка, его возможности, проблемы, пути решения, область применения.

После вводного этапа на второй ступени рекомендуется ознакомиться со становлением психологического анализа почерка как психометрического метода, изучить этапы развития, зарубежные школы и отечественный опыт в этом направлении исследований.

Имея теоретическое представление о ПАП и его сфере применения, можно перейти к третьей ступени освоения программы и рассмотреть основ-

ные элементы почерка, как совокупности движения, формы, пространства, нажима, структуры штриха.

Ознакомившись с основными элементами почерка как психомоторного следа, следует приступить к анализу более частных категорий почерка. Изучить такие параметры как распределение текста, пространство, форма, динамика, линии и штрихи, специальные буквы (начальные, конечные, заглавные, овалы), элементы букв и специальные знаки, специальные конструкции (подпись), общий вид. Этому этапу обучения нужно уделить особое внимание, так как каждая вышеупомянутая категории имеет свою группу частных признаков, в которую входят еще более детально разобранные особенности элементов почерка. Четвертая ступень обучения занимает большую часть времени, и зачастую будет возникать необходимость возвращаться к ней на протяжении долгого периода практики специалиста, так как именно правильное видение частных признаков позволит дать объективную оценку психологической черты личности.

Помимо успешного ориентирования в частных признаках почерка специалист должен учитывать влияние внутренних и внешних факторов на почерк. Если какой-то фактор искажает признаки почерка, то это обязательно должно быть учтено экспертом при оценке графических составляющих почерка.

После освоения частных признаков почерка, учета влияния внутренних и внешних факторов можно переходить к шестому этапу обучения, который заключается в умении соотносить группы индивидуальных особенностей почерка с оценкой психологических характеристик. В методике, предложенной В.Ф. Енгальцевым и Ю.Г. Черновым, выделено семь основных групп, в каждую из которых включены определенные психологические черты. К таким группам относятся эмоциональная сфера, социальная сфера, интеллектуальная сфера, характер (личные черты), самоощущение и самооценка, деловые характеристики, принятие решение [6].

Седьмым этапом исследования почерка является обзорное изучение возможностей автоматизации процесса анализа рукописного текста, развитие компьютерных систем исследования почерка, криминалистическая экспертиза документов.

Завершающим этапом должна стать длительная практика, в ходе которой эксперту необходимо многократно отрабатывать умения четвертой, пятой и шестой ступеней для выработки профессионального навыка объективной оценки психологических характеристик по индивидуальным признакам почерка. Даже после завершения обучения, желательно, чтобы у еще неопытного в этом направлении эксперта сохранялась возможность консультаций у опытного наставника.

Список литературы:

1. Муликов С.Н., Майоров С.В. Некоторые подходы и проблемы в обучении специалистов по направлению судебной экспертизы // Вестник Мо-

сковского университета МВД России. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-podhody-i-problemy-v-obuchenii-spetsialistov-po-napravleniyu-sudebnoy-ekspertizy> (дата обращения: 20.10.2020).

2. Галяшина Е.И. Компетентностный подход к подготовке судебных экспертов и стратегия развития специализации "Речеведческие экспертизы" (специальность 40. 05. 03 судебная экспертиза) в рамках юридического образования // Актуальные проблемы российского права. 2017. №12 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-k-podgotovke-sudebnyh-ekspertov-i-strategiya-razvitiya-spetsializatsii-rechevedcheskie-ekspertizy> (дата обращения: 23.10.2020).

3. Моисеева Т.Ф. Организационные и методологические аспекты подготовки судебных экспертов // Правосудие. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-metodologicheskie-aspekty-podgotovki-sudebnyh-ekspertov> (дата обращения: 24.10.2020).

4. Киселевич И.В. К вопросу о дистанционном обучении судебных экспертов // Вестник экономической безопасности. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-distantsionnom-obuchenii-sudebnyh-ekspertov> (дата обращения: 22.10.2020).

5. Енгальчев, В.Ф., Шипшин С.С. Судебная психологическая экспертиза в уголовном и гражданском процессах: вопросы теории и практики / Енгальчев, В.Ф., С.С. Шипшин, М: Московского социально-психологического университета, 2015. 456 с.

6. Енгальчев В.Ф., Чернов Ю.Г. Психологический анализ почерка. Методические рекомендации по формализованной оценке рукописного текста. М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, 2019, 172 с.

7. Актуальные вопросы судебно-психологической экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога. Перспективы научного и прикладного исследования почерка. Сборник материалов III международной научно-практической конференции // Под ред. В.Ф. Енгальчева, Е.В. Леоновой Калуга, 16–19 мая 2019 г. Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2019. 210 с.

8. Петрова С.И. Диагностика психологических свойств по почерку (криминалистический, физиологический и психологический аспекты) // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-psihologicheskikh-svoystv-po-pocherku-kriminalisticheskiiy-fiziologicheskiiy-i-psihologicheskiiy-aspekty> (дата обращения: 27.10.2020).

Варданян Акоп Варазатович,
начальник кафедры криминалистики и ОРД
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия

К ВОПРОСУ О ДИСКУССИОННОСТИ ТЕРМИНА «СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: автор обращается к проблеме регламентации института специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Среди множества пробелов уголовно-процессуального регулирования наиболее заметным представляется отсутствие дефиниции специальных знаний. Автор критически анализирует подход к формулировке многочисленных определений данного понятия, трактующего специальные знания как знания в области науки, техники, искусства и ремесла, полагая, что современный уровень развития наукоемкости, а также отраслевых наук, позволяет говорить о том, что специальным знаниям имманентно присуща принадлежность к определенной сфере (отрасли) науки, а также предлагает собственный вариант данной дефиниции.

Ключевые слова: специальные знания, уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, доказательства, уголовные дела, доказывание, эксперт, специалист.

Annotation: the author addresses the problem of regulation of the Institute of special knowledge in criminal proceedings. Among the many gaps in the criminal procedure regulation, the most noticeable is the lack of a definition of special knowledge. The author critically analyzes the approach to the formulation of numerous definitions of this concept, which treats special knowledge as knowledge in the field of science, technology, art and craft, believing that the current level of development of science, as well as branch Sciences, allows us to say that special knowledge is inherently inherent in belonging to a certain field (branch) of science, and also offers its own version of this definition.

Keywords: special knowledge, criminal proceedings, forensic examination, evidence, criminal cases, proof, expert, specialist.

Российское уголовно-процессуальное законодательство весьма лаконично регламентирует целый ряд аспектов, связанных с обращением к специальным знаниям, стимулируя исследователей к дальнейшему продолжению научной полемики, длящейся на протяжении десятилетий [1; 2, С. 390–393; 3, С. 50–54]. В рамках данного сообщения обратимся к такому базовому направлению, как, собственно, дефиниция понятия «специальные знания» в сфере уголовного судопроизводства.

С точки зрения УПК РФ принятие решения о назначении судебной экспертизы на этапе досудебного производства осуществляется субъектом расследования, исходя из его внутреннего убеждения. Исключением является исчерпывающий перечень случаев, требующих обязательного назначения судебной экспертизы, изложенный в ст. 196 УПК РФ. При этом в законе не сформулированы, как таковые, общие (универсальные) основания для назначения судебной экспертизы, в отличие, например, от оснований для производства обыска или выемки. Это закономерно способствует такому системному недостатку (и, как следствие, массовым конфликтным ситуациям) по уголовным делам о различных категориях преступлений, как отказ от назначения экспертиз, обуславливая пробелы в доказывании. В то же время, в п. 1 ч. 1 ст. 195 УПК РФ законодатель требует при формулировании постановления о назначении экспертизы указывать основания для ее назначения. Выполняя это условие, следователи, как правило, ссылаются на потребность в специальных знаниях в соответствующей сфере (документоведения, оружейведения, психологии, бухгалтерии и т.д.).

Термин «специальные знания» («специальные познания») упоминается в ряде корреспондирующих норм уголовно-процессуального закона, регулирующих деятельность эксперта или специалиста, а также определяющих требования к процессуальной форме доказательств, полученных посредством участия указанных лиц. Например, ч. 2 ст. 195 УПК РФ предписывает проведение судебной экспертизы лицами (государственными судебными экспертами и иными экспертами), обладающими специальными знаниями; в ч. 4 ст. 80 УПК РФ характеризуются показания специалиста, как сведения, сообщенные относительно обстоятельств, требующих специальных познаний и т.д. Кстати, многими исследователями признается нетождественность понятий «специальные знания» и «специальные познания». Последнее участниками научных полемик зачастую воспринимается более ёмким, поскольку по своему филологическому смыслу представляет собой не только информацию, как таковую, но и результат ее теоретического и практического освоения (то есть, наряду со знаниями, наработку соответствующих навыков). Однако, полагаем, что данное разграничение в достаточной степени условно, поскольку квалификация судебного эксперта предполагает как свободное владение этим лицом теоретическими и практическими знаниями в соответствующей сфере, так и их результативное применение.

Другое дело, что при столь выраженной роли специальных знаний для формирования доказательств по уголовным делам, уголовное судопроизводство лишь упоминает данный термин, не считая нужным формулировать его дефиницию. Принято считать, что суть специальных знаний раскрывает ст. 2 Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Фактически указанная норма регламентирует задачу государственной судебно-экспертной деятельности, заключающуюся в оказании содействия субъектам расследования в процессе доказывания, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в сфере науки, техники, искусства или ремесла.

Исходя из этого посыла, исследователями предлагаются различные варианты определения понятия «специальные знания» как знаний, прежде всего, в области науки, техники, искусства или ремесла. На наш взгляд, такая позиция неоднозначна по следующим причинам.

Безусловно, верным является упоминание относительно сферы науки, что говорит о научном подходе к исследованию, применению актуальных, апробированных и не вызывающих сомнения научных методик [4, С. 385 – 388]. Что касается иных сфер, то их упоминание, на наш взгляд, представляет собой элементы тавтологии, поскольку, во-первых, современный уровень развития научного знания охватывает все перечисленные направления, во-вторых, иная трактовка умаляет принцип научности знаний как критерий достоверности.

Так, сфера техники охватывается понятием «технические науки», сфера искусства – «искусствоведческие науки» (искусствоведение). Достигнутые в соответствующей отрасли технических и искусствоведческих наук новые результаты, по общему правилу, внедряются в содержание образовательных программ высшего либо дополнительного профессионального образования, программ повышения квалификации т.д. Под ремеслом обычно понимается мелкое производство, в ходе которого применяются ручные орудия труда (производство в кустарных условиях, будь это ювелирное, гончарное, ткацкое, кузнечное или прочее ремесло). В ходе расследования преступлений нередко актуализируются вопросы о том, в промышленных или кустарных условиях произведены те или иные объекты (продукты питания, алкогольные напитки, предметы, выдаваемые в качестве обладающих особой культурной, исторической или иной ценностью, различные предметы декоративно-прикладного искусства и пр.). Но при этом, в зависимости от особенностей объектов, подлежащих экспертному исследованию, их направляют не к кустарям как к обладателям лишь эмпирических знаний, а также навыков выполнения ручной работы, а именно к судебным экспертам, владеющим высшим образованием и необходимой квалификацией в области определенной отрасли науки (химии, физики, искусствоведения, минералогии и пр.).

Таким образом, современный уровень развития науковедения, а также отраслевых наук, позволяет говорить о том, что специальным знаниям имманентно присуща принадлежность к определенной сфере (отрасли) науки. Иначе утрачивается научный подход (научная основа) к изучаемому явлению, что существенно снижает достоверность полученных результатов. Другое дело, что упоминание не просто о знаниях, а именно о специальных знаниях в рамках уголовного судопроизводства, указывает на то, что сфера специального знания должна быть отлична от той, в рамках которой изначально возникла ситуация, побуждающая к обращению к специальным знаниям.

Традиционно специальные знания дифференцируются на процессуальные и непроцессуальные формы. Вариантами процессуальных форм специальных знаний выступают заключение эксперта, заключение специалиста, показания эксперта и специалиста, участие специалиста в проведении следственных действий. Непроцессуальными формами может выступать не вся-

кое произвольное использование специальных знаний, непосредственно не регламентированное УПК РФ, а именно не противоречащее УПК РФ. Так, УПК РФ не исключает возможности получения следователем различного характера консультативной помощи специалиста (например, при подготовке к проведению следственных действий), а также приобщение в уголовное судопроизводство материалов альтернативных (независимых) исследований. Но при этом, исходя из общих руководящих положений уголовного судопроизводства, недопустимо смешивание функций следователя и обладателя специальных знаний (эксперта и специалиста), даже если следователь имеет соответствующее дополнительное (по отношению к юридическому) образование (в области гуманитарных, технических, естественных наук и т.д.).

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что мы являемся сторонниками введения в уголовно-процессуальный закон дефиниции специальных знаний, хотя бы потому, что потребность в обращении к специальным знаниям традиционно выступает фактическим основанием для назначения судебной экспертизы как основной формы использования специальных знаний, согласно сложившимся представлениям в науке и в правоприменительной практике. Под специальными знаниями в уголовном судопроизводстве, согласно нашему варианту указанной дефиниции, следует понимать теоретически и практически апробированные знания в соответствующих отраслях наук (за исключением наук уголовного права, уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности), применяемые в процессе доказывания по уголовным делам в предусмотренных УПК РФ процессуальных формах, либо в порядке, не противоречащем уголовно-процессуальному закону.

Список литературы:

1. Аминев, Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения / Ф.Г. Аминев: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 52 с.
2. Аминев, Ф.Г. О проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и путях их решения / Ф.Г. Аминев // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 390-393
3. Айвазова, О.В. Заключение специалиста как специфическая разновидность реализации специальных знаний при расследовании по уголовным делам: некоторые дискуссионные вопросы / О.В. Айвазова // Юристъ-Правоведь. 2017. № 4 (83). С. 50-54
4. Макаренко, И.А. Роль судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / И.А. Макаренко // Вопросы экспертной практики. 2019. № S 1. С. 385–388.

Гарафутдинов Равиль Ринатович,
заведующий лабораторией физико-химических методов
анализа биополимеров Института биохимии и генетики -
обособленного структурного подразделения ФГБНУ Уфимский феде-
ральный исследовательский центр Российской академии наук,
кандидат биологических наук, доцент
Чемерис Дмитрий Алексеевич,
инженер ООО «Биоген Аналитика»,
кандидат биологических наук,
Аминев Фарит Гизарович,
профессор кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
доктор юридических наук, профессор,
Чемерис Алексей Викторович,
главный научный сотрудник лаборатории биоинженерии
растений и микроорганизмов Института биохимии и генетики -
обособленного структурного подразделения ФГБНУ Уфимский
федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
доктор биологических наук, профессор

МИКРОДИПЛОТИПЫ – НОВЫЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ДЛЯ ДНК-ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: Микродиплотипы - участки генома, несущие определенное количество однонуклеотидных замен (снийпов – SNP), которые могут стать новым типом маркеров для ДНК-идентификации человека. Основным методом анализа полиморфных нуклеотидов в микродиплотипах является массивное параллельное секвенирование. Микродиплотипам присуща более высокая дискриминирующая способность по сравнению с отдельными снийпами для семейного и предкового анализов и при анализе смешанных биологических образцов.

Ключевые слова: ДНК, однонуклеотидный полиморфизм, SNP, снийпы, микродиплотипы, ДНК-криминалистика, ДНК-идентификация

ДНК-криминалистика насчитывает уже более 30 лет, и за это время были предложены в качестве маркеров для ДНК-идентификации и внедрены в практику несколько разных типов полиморфизма ДНК [1, 2]. Однако считаем важным обратить внимание на новый тип – микродиплотипы, несущие множественные снийпы (SNP –однонуклеотидный полиморфизм) и претендующие на новое поколение маркерных признаков. Термин "микродиплотипы" предлагается нами по аналогии терминам "гаплотипы", "минигаплотипы" и "минигаплотипы". Впервые термин «гаплотип» (haplotype – haploid genotype) был предложен в 1967 года Р.Чеппеллини [3]. Позже понятие гаплотипа изменилось, и сейчас принято считать, что гаплотип – это совокуп-

ность аллелей, расположенных на одной из парных хромосом в пределах одного локуса. Локализация нескольких аллелей в пределах одного и того же локуса обеих парных хромосом оказалась крайне важна и для ДНК-криминалистики, однако эффективное выявление конкретных микродиplotипов стало возможным только в последнее время благодаря появлению методов секвенирования ДНК новых поколений.

Уже довольно давно была отмечена увеличенная предсказательная сила снийпов в составе гаплотипов по сравнению с отдельными снимидами [4]. Стали публиковаться результаты работ, показавших их пригодность для семейного и предкового анализов [5]. В развитие работ по гаплотипам было предложено использовать для анализа участки генома размером менее 200 п.н. с двумя или несколько большим числом снийпов, получивших название "микрогаплотипы" [6]. Растущее внимание к микрогаплотипам привело к необходимости выработки критериев для их выбора в геноме человека и номенклатуры [7, 8]. Нами предлагается вместо термина "микрогаплотип" использовать термин "микродиplotип", учитывая диplotидный набор хромосом в соматических клетках человека. Далее в тексте будет использоваться термин "микродиplotип". Опубликован целый ряд статей по результатам исследования множества разных микродиplotипов [9, 10]. Применению микродиplotипов для выявления в ДНК-криминалистике смешанных образцов, а также предкового анализа, посвящена целая серия статей других авторов [11-15].

Известно, что снийпы бывают би-, три- и тетрааллельными, которые теоретически способны обеспечить 3, 6 и 10 комбинаций полиморфных нуклеотидов соответственно. Присутствие в микродиplotипах не только биаллельных снийпов, как показано в одной из недавних работ, обеспечивает их увеличенную дискриминирующую способность [16], хотя на наш взгляд, любой снийп нужно считать потенциально тетрааллельным [17, 18].

Таким образом, за прошедшее десятилетие с момента первого упоминания об использовании микродиplotипов для ДНК-криминалистики, выяснения родства, семейного/предкового анализов достигнут заметный прогресс, выразившийся, прежде всего, в резком уменьшении размера микродиplotипов по крайним позициям выбираемых снийпов и увеличении количества последних. На это, несомненно, повлияло расширение знаний о полиморфизме ДНК человека и выявление большого числа новых снийпов. С учетом того, что капиллярный гелеэлектрофорез, пригодный только для определения числа повторяющихся элементов в STR-локусах, будет постепенно, но неизбежно вытесняться массивным параллельным секвенированием и то, что снийпы в составе микродиplotипов показывают более надежный характер наследования в отличие от быстро мутирующих STR-локусов, можно прийти к заключению, что через некоторое время основным методом в ДНК-криминалистике станет именно массивное параллельное секвенирование и анализ микродиplotипов [19].

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности» № 18-29-14076.

Список литературы:

1. Чемерис Д.А. и др. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. 2018. Т.10(1). С.85-140.
2. Анисимов В.А. и др. ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы // Биомика. 2019. Т.11(3). С. 282-314.
3. Ceppellini R. et al. Genetics of leukocyte antigens: a family study of segregation and linkage. In: Curtoni E.S., Mattiuz P.L., Tosi R.M., eds. Histocompatibility testing. Copenhagen, Munksgaard. 1967. P. 149–187.
4. Judson R. et al. The predictive power of haplotypes in clinical response // Pharmacogenomics. 2000. V.1(1). P.15-26.
5. Pakstis A.J. et al. Mini-haplotypes as lineage informative SNPs and ancestry inference SNPs // Eur. J. Hum. Genet. 2012. V.20(11). P. 1148-1154.
6. Kidd K.K. et al. Microhaplotype loci are a powerful new type of forensic marker // Forensic Science International Genetics Supplement Series. 2013. V. 4(1). e123-e124.
7. Kidd K.K., Speed W.C. Criteria for selecting microhaplotypes: mixture detection and deconvolution // Investig Genet. 2015. V.6:1.
8. Kidd K.K. Proposed nomenclature for microhaplotypes // Hum Genomics. 2016. V.10(1). P.16.
9. Kidd K.K. et al. Evaluating 130 microhaplotypes across a global set of 83 populations // Forensic Science International: Genetics. 2017. V. 29. P. 29.
10. Bulbul O. et al. Ancestry inference of 96 population samples using microhaplotypes // Int. J. Legal Med. 2018. V.132(3). P.703-711.
11. Chen P. et al. A microhaplotypes panel for massively parallel sequencing analysis of DNA mixtures // Forensic Sci. Int. Genet. 2019. V.40. P.140-149.
12. van der Gaag K.J. et al. Short hypervariable microhaplotypes: A novel set of very short high discriminating power loci without stutter artefacts // Forensic Sci. Int. Genet. 2018. V.35. P.169-175.
13. Voskoboinik L. et al. Facilitating complex DNA mixture interpretation by sequencing highly polymorphic haplotypes // Forensic Sci. Int. Genet. 2018. V.35. P.136-140.
14. Bennett L. et al. Mixture deconvolution by massively parallel sequencing of microhaplotypes // Int. J. Legal Med. 2019. V.133(3). P.719-729.
15. Pang J-B. et al. A 124-plex Microhaplotype Panel Based on Next-generation Sequencing Developed for Forensic Applications // Sci. Rep. 2020. V.10(1). P.1945.
16. Sun S. et al. Development and application of a nonbinary SNP-based microhaplotype panel for paternity testing involving close relatives // Forensic Sci. Int. Genet. 2020. V.46. P.102255.
17. Гарафутдинов Р.Р. и др. Генетическое штрих-кодирование родственных индивидов // Вестник биотехнологии и физико-химической биологии им. Ю.А. Овчинникова. 2015. Т. 11(2). С. 20-26.
18. Garafutdinov et al. A new digital approach to SNP encoding for DNA identification // Forensic Sci Int. 2020, V. 317, 110520.
19. Чемерис Д.А. и др. Микродиплотипы как новые маркеры для ДНК-идентификации личности // Биомика, 2020, Т. 12, №2, С. 300-317

Горелов Максим Владимирович,
доцент кафедры гражданского процесса Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент
г. Уфа, Россия

СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: В статье рассматриваются критерии распределения судебных расходов при назначении судебной экспертизы в гражданском процессе. Автор статьи приходит к выводу о значимости критерия «интереса» в распределении расходов между сторонами спора при назначении судебной экспертизы.

Ключевые слова: истец, ответчик, судебная экспертиза, материальный интерес, процессуальный интерес.

Актуальность вопроса распределения расходов при проведении судебной экспертизы

Иногда расходы на проведение судебной экспертизы составляют весьма значительные суммы, значит, вопрос с их распределения являются всегда актуальными.

Согласно гражданской процессуальной форме – Расходы по проведению судебной экспертизы возлагаются на лицо, заявившее соответствующее ходатайство.

Однако в судебной практике бывают случаи, когда ходатайство о проведении дополнительной экспертизы заявлено лицом, например соответчиком, который не участвовал при проведении первичной судебной экспертизы. Если следовать логике ГПК РФ, то по общему правилу суд возлагает расходы на лицо заявившее ходатайство о проведении дополнительной экспертизы и в данном случае суд возлагает расходы на ответчика.

Роль материального и процессуального интереса в распределении расходов по проведению судебной экспертизы.

Возможно, предполагать, что одним из признаков сторон в гражданском процессе является – противоположность интересов. Противоположность интересов истца и ответчиков активизирует действие принципа состязательности (ст.12 ГПК РФ). Интерес истца или ответчика проявляется в двух видах материальном и процессуальном. Значимость юридического интереса в гражданском процессе многогранно.

Например, юридический интерес в гражданском процессе разграничивает лиц участвующих в деле от, лиц содействующих осуществлению правосудия если эксперта обладает только процессуальным интересом то истец и ответчик имеют кроме процессуального интереса и материальный интерес.

Несение судебных расходов стороной гражданского процесса, в том числе по проведению экспертизы с одной стороны проявление процессуаль-

ного интереса стороны в процессе, которая проявляется в необходимости проведения экспертизы с целью доказывания существования обстоятельств входящих в основание иска. С другой стороны материальный интерес по проведению экспертизы наблюдается в несении убытков по проведению экспертизы истцом или ответчиком.

Возникает вопрос? Если только ответчик заявил о проведении дополнительной экспертизы, то применимо ли положение ст.96 ГПК РФ (расходы по проведению судебной экспертизы возлагаются на лицо, заявившее соответствующую просьбу).

Возможно, предположить, что в данном случае необходимо учитывать:

1) характер исковых требований 2) заинтересованность не только ответчика, но и истца в проведении судебной экспертизы.

Наличие заинтересованности в проведении судебной экспертизы истца так и ответчика может фиксироваться в протоколе судебного заседания, что в свою очередь является доказательством наличия интереса не только лица заявившее ходатайство о проведении экспертизы в письменном виде или устной форме но и лица который не заявил ходатайство о проведении экспертизы и не возражал о проведении судебной экспертизы.

Таким образом, наличие интереса у сторон в гражданском процессе в проведении судебной экспертизы является определяющим фактом в решении вопроса распределения расходов по проведению судебной экспертизы в равных долях.

Гумеров Ильдар Рамилевич,

аспирант кафедры теории государства и права Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

г. Уфа, Россия

Научный руководитель:

Тимонин Анатолий Николаевич

профессор кафедры теории государства и права Институт права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,

доктор юридических наук, профессор,

г. Уфа, Россия

К ВОПРОСУ О НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗАПРОСА НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ СУДЕБНОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация: В статье рассматривается продекларированный в законодательстве принцип независимости эксперта при производстве судебной экспертизы и те аспекты, которые оказывают прямое воздействие на независимость судебно-экспертной деятельности.

По результатам проведенного исследования предлагаются решения имеющейся проблематики, путем совершенствования системы, внедрения новых информационных технологий.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность; принцип независимости; справедливость; правосудие; судебные решения.

Annotation: The article deals with the independence principle of an expert proclaimed by the legislation, which is used in performance of court expert examination, as well as with the aspects that directly influence independence of forensic expert activity.

Based on the results of the research, solutions to the problem have been offered, the former include improvement of the system and implementation of new information technology.

Key words: forensic expert activity; principle of independence; justice; judiciary; court decisions.

Вопросы реализации принципов судебно-экспертной деятельности (принцип независимости эксперта; принцип научной обоснованности, объективности, всесторонности и полноты экспертного исследования; соблюдение профессиональной этики судебного эксперта), недостаточность их нормативного регулирования были и остаются остро дискуссионными в научной среде на протяжении длительного периода. Такая актуальность поддерживается потребностью в реализации стандартов справедливого правосудия [1, с. 428].

Снижение уровня гражданского доверия к выводам судебных экспертов уже вызвала к жизни такой негативный феномен, как общественное давление, приводящее к пересмотру как результатов судебной экспертизы, так и судебного решения. В результате утрачивается авторитет судебных органов власти и формируется отрицательное отношение к текущей практике государственного управления.

Исследователи отмечают, что независимость эксперта обусловлена не закреплением соответствующей нормы в специальном законодательстве, а процессуальной самостоятельностью и тем процессуальным статусом, который, во-первых, отличен от процессуального статуса других участников судопроизводства и, во-вторых, предполагает ответственность как за самостоятельность в проведении исследования, так и за дачу заключения [2, с. 91]. Действительно, предполагается, что экспертиза является независимой, если производящие ее эксперты не находятся в служебной или иной зависимости от учреждения, производившего экспертизу, а также от органов и учреждений, должностных лиц и граждан, заинтересованных в результатах экспертизы [3]. Более того, данная декларация закрепляется нормами Гражданского процессуального кодекса РФ [4], Уголовно-процессуального кодекса РФ [5], Арбитражного процессуального кодекса РФ [6], а также реализуется в российском правоприменении [7].

В целом, по мнению законодателя, процессуальная самостоятельность эксперта связана как с порядком назначения и производства судебной экс-

пертизы, так и с возможностью отвода (самоотвода), а содержательная самостоятельность научного исследования по вопросам, поставленным судом, обеспечена гарантиями на выбор методов, средств и методик экспертного исследования самим экспертом. Однако уже на этапе запрета на воздействие на эксперта со стороны учреждений, где те осуществляют свою трудовую деятельность, лиц, участвующих в деле, иных лиц, законодательное требование во многом расходится с практикой, что отмечается многими исследователями [8, с. 29].

Анализ научных источников позволяет утверждать, что на процессуальную самостоятельность эксперта, объективность, полноту и всесторонность экспертного исследования могут влиять следующие факторы: служебная зависимость; ведомственная принадлежность учреждения; финансовая и управленческая несамостоятельность; отсутствие четких нормативных критериев для определения уровня квалификации судебного эксперта. Часть из них носит внутренний противоречивый характер, обусловленный, в том числе, реализуемыми экономическими подходами; другая часть обусловлена отсутствием четких нормативных критериев определения уровня квалификации судебного эксперта.

Указанные проблемы осознаются на высоком государственном уровне, в том числе и со стороны надзорных органов. Так, еще в апреле 2017 г. Генеральная прокуратура РФ в Совет Безопасности России направляла предложения по вопросам судебной экспертизы, где указывала о необходимости законодательного решения проблем сертификации судебных экспертов, стандартизации методик экспертных исследований, лицензирования экспертной деятельности [9, с. 21]. Однако принятие современной редакции закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" откладывается по сию пору.

Ситуация осложняется и такими факторами, как сложность организационной структуры экспертной деятельности, собственно развитием научного познания, которые приводят к появлению большого количества слабо взаимосвязанных между собой информационных систем. Подавляющая часть данных формируется в разное время, разными специалистами с использованием разных программных средств, что зачастую предопределяет их несовместимость как в методическом, так и техническом аспектах. В результате, движение информации значительно затруднено множественностью изолированных и плохо коммуницирующих систем с дублированием функций, с одной стороны, и разрывами информационных потоков, с другой стороны. Следовательно, вопрос о выборе компетентного специалиста для решения конкретного вопроса, возникшего в рамках судебного процесса, во многом зависит от "человеческого фактора".

Можно отметить, что в 2015-2016 годах более пяти тысяч заключений судебных экспертов были признаны недопустимыми доказательствами; 450 заключений содержали взаимоисключающие выводы; 59 человек, в отношении которых на этом основании было инициировано уголовное преследование, добились возмещения вреда. Все это, в конечном счете, было

сопряжено с ущербом для прав граждан и организаций, и определенным ущербом для казны.

Для снижения риска выбора некомпетентного эксперта, в 2020 году Судебно-экспертная палата РФ инициировала процесс построения рейтинга организаций, осуществляющих судебно-экспертную деятельность, который формируется из более чем 40 показателей и критериев. На сегодняшний день только 106 судебно-экспертных организаций получили всероссийский отраслевой рейтинг, что явно недостаточно для целей повышения эффективности стандартов судебного правосудия.

В частности, можно предположить, что на современном этапе реализации Национальной программы "Цифровая экономика" сложились необходимые предпосылки для формирования единой информационной базы не только о судебно-экспертных организациях, но и о компетентных экспертах, способных выдавать объективные и независимые экспертные исследования, их стаже, опыте, количестве проведенных судебных экспертиз и их результатах для целей судебного разбирательства (была ли экспертиза оспорена? и если была, то "устоял" ли результат экспертного исследования?), об их трудовой или частной коммерческой деятельности и др.

Представляется, что реализация данной задачи позволит получить следующие преимущества:

- единовременная регистрация первичной информации и ее многократное использование для различных целей. При этом бездокументарный сбор и передача первичной информации (сканирование документов и т.п.) позволит добиться существенной минимизации затрат, связанных с копированием, хранением, повторным изготовлением документов;

- унифицированный способ формирования и обобщения информации (наличие единых справочников и методов структуризации и обработки информации), наличие возможности получения аналитической информации в любом разрезе, за любой период времени (при отсутствии информационных разрывов, дублирования и потерь данных) при поисковом запросе пользователя;

- повышение достоверности информации за счет автоматизации ее обработки, включая логические процедуры (сортировку, выборку, сравнение и др.).

Подытоживая сказанное, отметим, что построение такой открытой единой системы позволит оптимизировать процессы управления судебно-экспертной деятельностью в Российской Федерации и получить ключевой фактор контроля для обеспечения принципа научной обоснованности, объективности, всесторонности и полноты экспертного исследования, поскольку создает единую информационную среду, содержащую достоверные данные о государственных и частных экспертах и их компетенциях.

Список литературы:

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: Монография. М., 2015. С. 428.
2. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М., 2002. С. 91.
3. ст. 7 Федерального закона № 73-ФЗ (редакция от 26.07.2019) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 № 251-ФЗ, с изм. от 12.05.2020)// Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 30.01.2020) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.10.2020).ст. 87.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1411-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева А.Ю. на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части второй статьи 70 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации".
8. Аверьянова ТВ. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2001. Вып. 2. С. 29.
9. Волынский А.Ф. Принцип процессуальной независимости судебного эксперта, а не специалиста // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, 2019. №1, С. 21-24.

Григорян Спартак Арамович,

аспирант кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет».
г. Уфа, Россия.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛЬЯ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ

Аннотация: автор констатирует, что расследование преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости сопровождается потребностью следователя в обращении к потенциалу различных по форме и содержанию специальных знаний. На основе анализа эмпириче-

ского материала, а также точек зрения исследователей по близкой проблематике им выделяются типичные виды судебных экспертиз, назначаемых при расследовании указанных деяний. Автор критически оценивает практику отказа следователей от проведения судебно-строительных экспертиз, в том числе путем их подмены суррогатами иных исследований, поскольку именно процессуальная форма заключения эксперта, содержащая все необходимые реквизиты и отражающая методику выполненного исследования, в наибольшей степени отвечает требованиям относимости, допустимости и достоверности доказательств, чем выгодно отличается от результатов внесудебных исследований.

Ключевые слова: специальные знания, судебные экспертизы, исследования, строительство, долевое строительство, расследование преступлений, следователь, строительно-техническая экспертиза.

Annotation: Abstract: the author States that the investigation of crimes in the field of shared construction of housing and other real estate objects is accompanied by the need for the investigator to address the potential of various forms and content of special knowledge. Based on the analysis of empirical material, as well as the points of view of researchers on similar issues, they identify typical types of forensic examinations assigned to the investigation of these acts. The author critically assesses the practice of refusal of investigators to conduct forensic construction examinations, including by replacing them with surrogates of other studies, since it is the procedural form of the expert's conclusion, which contains all the necessary details and reflects the methodology of the research performed, that most meets the requirements of relevance, admissibility and reliability of evidence, which compares favorably with the results of non-judicial research.

Keywords: special knowledge, forensic expertise, research, construction, shared-equity construction, crime investigation, investigator, construction and technical expertise

Расследование преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости требует обращения к разнообразным по форме и содержанию специальным знаниям. Об этом справедливо отмечают и другие исследователи [1, с. 44 – 47]. Вместе с тем, процесс использования специальных знаний в ходе расследования данных деяний не свободен от различных проблем как общетеоретического [2, С. 158 – 163; 3, с. 38 – 41; 4, С. 56 - 60], так и прикладного характера, дискуссионных представлений относительно роли и возможностей каждого вида специальных знаний. В традиции наук криминалистики и судебной экспертизы сложилось представление о том, что основной и наиболее распространенной формой использования специальных знаний выступают судебные экспертизы, что обусловлено наиболее разработанной процессуальной формой заключения эксперта как источника доказательств, а также существованием соответствующих экспертных методик производства экспертиз.

Действительно, по делам об указанной категории деяний является типичным производство таких разновидностей судебных экспертиз, как: технико-криминалистическая экспертиза документов, почерковедческая экспертиза, компьютерно-техническая экспертиза, строительно-техническая экспертиза, землеустроительная экспертиза, судебно-бухгалтерская экспертиза и пр. [5, с. 27] Также некоторые авторы называют такие виды, как финансово-аналитическая экспертиза, и даже судебно-автороведческая экспертиза [6, с. 144–145]. На наш взгляд, если с рекомендацией о назначении финансово-аналитических экспертиз можно согласиться, более того, относительную редкость ее проведения, согласно материалам уголовных дел, следует признать, скорее упущением следователей, то вряд ли типично назначение автороведческих экспертиз при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере долевого строительства. Особенно, для разрешения таких диагностических вопросов, как степень владения автором текста языком, на котором изложен текст, возможность составления данного текста в необычном психофизиологическом состоянии и т.д. [6, с. 145]

В целом, материалы уголовных дел позволяют констатировать недостаточное обращение субъектов расследования к потенциалу даже такого закономерного по отношению к механизму рассматриваемых деяний виду экспертиз, как строительно-техническая экспертиза. Зачастую следователи ограничиваются допросами всех осведомленных лиц, осмотром и криминалистическим анализом изъятых путем обыска или выемки документов, иногда – осмотром места происшествия, назначением традиционных криминалистических экспертиз.

Нельзя сказать, что исследования вопросов строительно-технического характера (объем и качество строительно-монтажных работ, их соответствие проектно-сметной документации и пр.) вовсе не проводились. Но нередко они осуществляются в рамках внесудебных исследований, «независимых экспертиз», могут быть выполнены как до возбуждения уголовного дела, так и хронологически совпадать с процессом расследования, но при этом проводиться не по инициативе следователей. Примерами таких исследований могут также выступать результаты различных внутренних проверок, проводимых уполномоченными лицами организаций, наделенных контрольными функциями. Впоследствии это влечет конфликтные ситуации, касающиеся признания результатов таких исследований в качестве доказательств по уголовным делам либо исключения их из системы доказательств. Причем речь идет как о принципиальных вопросах признания или не признания доказательств, так и об определении их процессуальной формы. В процессуальных документах они могут именоваться: заключением эксперта, заключением специалиста, исследованием (экспертизой), справкой, актом, обследованием и т.д.

Представляется, что даже если данное исследование именуется как экспертиза, его оформление отличается от традиционной и привычной формы судебного экспертного исследования, осуществляемого в соответствии с УПК РФ. Например, оно может не содержать таких реквизитов, как разъяс-

нение эксперту его прав и обязанностей, предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, полных данных о лице, проводившем исследование, формулировку поставленных эксперту вопросов, данные о ходе исследования, примененных методах и методиках и т.д. Не соответствует этот документ и такой процессуальной форме доказательства, как заключение специалиста, поскольку таковое должно представлять собой письменное суждение сведущего лица относительно вопросов, поставленных перед ним сторонами.

В то же время не соответствие процессуальной форме заключения эксперта или специалиста представленных в уголовное судопроизводство материалов, при этом вполне информативно и аргументировано излагающих данные, значимые для доказывания, не должно означать их огульное отвержение как носителей доказательственной информации, что нередко бытует в практической деятельности следственных и судебных органов. Если указанные материалы по своему содержанию относятся к событиям, явлениям, обстоятельствам, имеющим значение для доказывания, то они могут быть приняты и приобщены к уголовному делу в качестве иных документов как видов доказательств, предусмотренных п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Другое дело, что современный уровень развития судебно-экспертной деятельности, наличие соответствующих экспертных методик, а также ГОСТов, строительных норм и правил, иных общепризнанных стандартов, позволяет выразить рекомендацию о предпочтительности проведения исследований состояния объектов строительства в рамках судебно-строительной экспертизы, а не альтернативных исследований. Именно процессуальная форма заключения эксперта (ст. 204 УПК РФ), содержащая все необходимые реквизиты и отражающая методику выполненного исследования, в наибольшей степени отвечает требованиям относимости, допустимости и достоверности доказательств, чем выгодно отличается от результатов внесудебных исследований.

Список литературы:

1. Варданян А.В., Мирзоян С.С. Общие положения судебной строительно-технической экспертизы в уголовном судопроизводстве // *Философия права*. 2014. № 4 (65). С. 44-47
2. Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // *Юристь-Правоведь*. 2019. № 2 (89). С. 158-163
3. Варданян А.В. Дискуссионные вопросы формирования дефиниции понятия специалиста в уголовном судопроизводстве // *Юристь-Правоведь*. 2017. № 4 (83). С. 38-41
4. Варданян А.В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы // *Философия права*. 2019. № 2 (89). С. 56-60

5. Задерако, С.В. Особенности расследования корыстных преступлений в сфере строительства, связанных с фальсификацией проектно-сметной и отчетной документации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013. С. 27.

6. Розин, А.Н. Расследование мошенничества в сфере жилищного строительства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 144 – 145.

Давыдов Сергей Иванович
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
доктор юридических наук, доцент, Заслуженный сотрудник
органов внутренних дел Российской Федерации,
г. Барнаул, Россия.

О РОЛИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ОРГАНОВ В ФОРМИРОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О ДИСТАНЦИОННОМ МОШЕННИЧЕСТВЕ НА ОСНОВЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: В статье раскрывается роль оперативно-розыскной деятельности в сборе доказательств по уголовным делам о дистанционном мошенничестве. Дается характеристика преступных действий групп мошенников в новых условиях развития средств коммуникации на основе информационных технологий – профессионализм, конспирация, организованность, распределение ролей, поиск потерпевших в разных регионах РФ. Обосновывается необходимость применения специальных оперативно-розыскных средств и методов для выявления, раскрытия дистанционного мошенничества и формирования доказательственной базы по уголовным делам. Приводятся основные виды доказательств по делам этой категории, подчеркивается важность фоноскопических экспертиз. Анализируются позиции Конституционного Суда РФ о привлечении оперативно-розыскных органов к сбору образцов голоса для проведения экспертных исследований. Делается вывод о необходимости включения в оперативно-розыскную методику раскрытия дистанционного мошенничества помимо традиционных рекомендаций, также и порядок привлечения к проведению оперативно-розыскных мероприятий специалистов, обладающих научными, техническими и специальными знаниями.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, доказывание, дистанционное мошенничество, экспертные исследования.

Объективная необходимость применения специальных оперативно-розыскных средств и методов в решении задач выявления, раскрытия преступлений обусловлена неочевидным характером их совершения. При этом

субъекты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) не ограничиваются поиском и задержанием преступника, а проводят большой объем работы по формированию будущей доказательственной базы по уголовным делам. Профессор М.А. Шматов высказался достаточно точно о месте и роли оперативно-розыскных органов в системе уголовного судопроизводства, определив, что оперативный сотрудник «является частью познавательной системы, в которую входят и последующие адресаты доказывания: следователь, прокурор, суд. Именно эта сторона процесса познания, обращенная к будущему адресату доказывания, явственно прослеживается в оперативно-розыскной деятельности.... Доказывание начинается и протекает в процессе извлечения знаний оперативным сотрудником и заканчивается в суде» [1 с. 84-85]. В настоящее время серьезной проблемой для оперативно-розыскных и следственных органов является раскрытие и расследование преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ).

Отмечается значительное увеличение их количества в целом по РФ и низкая раскрываемость. Состояние дел в сфере противодействия киберпреступлениям охарактеризовал Генеральный прокурор РФ: «в 2019 году их учтено почти на 70 процентов больше, а за последние пять лет количество возросло более чем в 25 раз – с 11 до 295 тысяч. Причём их общая раскрываемость составила менее четверти, это 24 процента, а, например, так называемое кибермошенничество, по сути, вообще не раскрывается, 9 процентов всего раскрываемость».¹

Трудности в установлении лиц, совершающих дистанционные мошенничества, обусловлены целым рядом обстоятельств. Интерес в этом смысле представляют характерные черты современных преступников. Выделим среди них такие – возросший профессионализм, прежде всего, в сфере использования средств коммуникации (Интернет, сотовая связь) для совершения преступлений; знание психологии потерпевших; наличие навыков организации преступной деятельности (создание условий, планирование, распределение ролей), в которую вовлечены значительное число лиц.

Изучение уголовных дел по указанной категории преступлений позволяет представить, как действует типичная преступная группа (преступное сообщество), совершающая мошенничество с использованием ИТТ. Характеристику преступной деятельности важно учитывать при оперативно-розыском выявлении и документировании дистанционного мошенничества с целью формирования будущей доказательственной базы по таким делам. Особенности функционирования преступной группы (сообщества) мошенников, действующих дистанционно, определяют следующие ее характеристики:

¹ Выступление Генерального Прокурора РФ Краснова И.В. на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 17 марта 2020 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998>

наличие руководителя, который осуществляет общее руководство и координацию деятельности членов группы, распределяет между ними преступные роли и прибыль, полученную в результате совершения преступлений;

соблюдение правил конспирации и мер безопасности – запрет членам преступной группы на использование за пределами арендованных офисов и использование в личных целях «рабочих» средств связи и сим-карт; использование в преступных целях сим-карт и банковских карт, а также Интернет-сайтов, зарегистрированных на имя третьих лиц; регулярная смена сим-карт и банковских карт; привлечение в качестве новых членов группы знакомых и родственников; запрет распространения сведений о деятельности преступной группы; запрет совершения преступлений в отношении граждан, проживающих в регионе действия преступной группы; использование при ведении переговоров с потенциальными потерпевшими вымышленных имен и наименований иностранных банков;

наиболее часто дистанционные мошенничества совершаются следующими способами:

с использованием SIP-телефонии с номеров «8-800, 8-495» путем введения потерпевших в заблуждение: «ваша банковская карта заблокирована», «спорная операция по карте», «компенсация за ранее приобретенные БАДы» и др.;

с использованием распространённых Интернет-сайтов: «Авито, Дром, Юла» (покупка-продажа имущества, различных услуг и т.д.);

преступники сообщают потерпевшему – «родственник попал в беду, для решения проблемы необходимо перечислить деньги на указанную банковскую карту»;

иногда руководители преступной группы убеждают рядовых исполнителей в наличии у них влиятельных покровителей среди сотрудников правоохранительных органов, имеющих возможность обеспечить безопасность членов группы, исключить возможность привлечения их к уголовной ответственности;

жесткая внутренняя дисциплина – постоянный контроль со стороны руководителя преступной группы (сообщества) за соблюдением рядовыми ее членами режима рабочего дня и мер конспирации; установление системы учета всех подступивших доходов, заключающейся в регулярном предоставлении руководителю отчетов о проделанной работе, в том числе, в целях пресечения попыток рядовых участников присвоить похищенные деньги; контроль со стороны руководителя преступной (группы) сообщества за динамикой работы каждого рядового участника, проведение бесед в целях активизации работы и повышения уровня доходов; использование такой меры воздействия на рядовых участников группы как лишение их надбавки к «заработной плате» при невыполнении установленного руководителем «плана»;

сплоченность и устойчивость преступного сообщества – объединение всех участников преступного сообщества на достижение единой цели – получение максимального преступного дохода; устойчивость внутренних связей между участниками сообщества, которое выражается в наличии между многими из них родственных, семейных и дружеских связей, возникших еще в

детстве и юности. Благодаря этому практически исключается возможность предательства со стороны кого-либо из членов группы, обеспечивается стабильность и постоянство ее состава;

организованность, детальное планирование и отлаженный механизм совместной преступной деятельности – преступники используют тщательно продуманную и хорошо отлаженную многоступенчатую схему ежедневного совершения преступлений; каждый участник преступного сообщества выполняет отведенную ему роль, взаимодействует при необходимости с другими участниками;

широкая распространенность преступной деятельности, которая совершается в отношении граждан, проживающих на территории всех субъектов Российской Федерации;

существование членов группы на денежные средства, добытые преступным путем – никто из преступников, как правило, не имеет законного источника дохода. В преступном сообществе формируется общая денежная касса, средства из которой тратятся на аренду офисных помещений, приобретение мебели и оргтехники, приобретение средств связи, банковских карт и сим-карт, оплату услуг сотовой связи и Интернет-провайдеров, оплату за создание Интернет-сайтов и их продвижение, на выдачу заработной платы.

Затрудняют выявление и процесс доказывания по таким делам и то обстоятельство, что злоумышленники избегают от средств сотовой связи в период от 2 до 10 суток. Кроме того, если ранее они для преступной деятельности избирали один регион и совершали преступления длительное время приоритетно в нем, то на сегодня регионы могут меняться ежедневно. О масштабах преступной деятельности свидетельствуют данные по Алтайскому краю. В отношении его жителей поступали звонки мошенников с территории таких регионов РФ – Краснодарский, Красноярский края, Республики Башкортостан, Татарстан, г. Москва, Челябинская, Новосибирская, Самарская, Новгородская, Ростовская, Оренбургская, Свердловская, Курганская, Иркутская, Кемеровская области.

Установлено, что телефонный мошенник при активной деятельности за сутки может совершать до 800 попыток дистанционных хищений.

Приведенная характеристика преступных действий, связанных с дистанционным мошенничеством, подтверждает, что без применения специальных средств и методов ОРД выявить, раскрыть их и добыть информацию доказательственного характера практически невозможно.

Изучение уголовных дел показало, что доказательствами, подтверждающими факты совершения преступными группами дистанционного мошенничества, являются:

свидетельские показания участников группы;

изымаемые в ходе проведения обысков компьютерная техника, мобильные телефоны, тетради с рукописными записями, в которых зафиксированы сведения о потерпевших;

аудиозаписи;

договоры аренды на офисные помещения, использованные преступниками;

договоры о создании Интернет-сайтов для привлечения потерпевших.

Значительная часть будущих доказательств обнаруживается и добывается в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ): опросов, наблюдений, оперативных экспериментов, отождествления личности, оперативных осмотров и др. В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» при осуществлении ОРМ оперативно-розыскные органы вправе проводить видео- и аудио запись, использовать другие технические средства для фиксации информации об обстоятельствах преступления, в том числе негласно. При проведении ОРМ законодательно допускается изъятие документов и электронных носителей информации, предметов, материалов, которые впоследствии могут являться объектами экспертных исследований. Например, актуальным сегодня является проведение судебной компьютерно-технической экспертизы объектов (смартфоны, компьютеры, отдельные файлы, удаленные сервисы и т.д.) для преодоления парольной защиты и получения доступа к информации, значимой для расследования.

Подчеркнем, что одним из ключевых доказательств по делам о дистанционном мошенничестве являются результаты ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров». С его помощью документируются переговоры преступников, в результате чего устанавливаются потерпевшие, роль каждого участника преступной группы, обстоятельства совершения преступлений.

В ходе прослушивания телефонных переговоров добываются образцы голосов преступников, которые в дальнейшем направляются на фоноскопическую экспертизу. Как показывает практика, без положительного заключения эксперта уголовное дело практически не имеет судебной перспективы.

В ситуациях подготовки материалов для направления эксперту могут возникнуть вопросы с получением образцов голоса обвиняемого, который может отказаться от их предоставления. В таких случаях для сбора образцов голоса привлекаются оперативные сотрудники. Однако имеется практика, когда их действия обвиняемыми обжаловались, в том числе в Конституционный Суд РФ (КС РФ). Так, гр-н Д.Ю. Бухров² в своей жалобе оспаривал конституционность ч. 4 ст. 21, ст. 84, 86 и 89 УПК РФ и ст. 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». По его мнению, указанные нормы законов позволяют следователю поручать, а оперативным сотрудникам - проводить в условиях следственного изолятора с использованием аудиозаписывающей аппаратуры опросы обвиняемого без разъяснения ему процессуальных прав и в отсутствие адвоката. При этом получать образец голоса обвиняемого для использования его впоследствии при проведении

² Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности».

судебно-криминалистической экспертизы звукозаписи, что не согласуется с требованиями статей 48, 49 и 51 Конституции РФ. КС РФ вынес мотивированное определение и отказал в принятии жалобы. Правовая позиция КС РФ, применимая к данной ситуации, была изложена в Определении от 1 декабря 1999 года N 211-О и заключается в следующем. Нормы отраслевого законодательства, в том числе Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», не могут применяться в отношении обвиняемого без учета особенностей его правового положения, в том числе вытекающих из предписаний статей 48, 49 и 51 Конституции РФ; иное не только противоречило бы требованиям названных статей Конституции РФ, но и умаляло бы достоинство личности, охрана которого как основы признания и уважения ее прав и свобод гарантируется государством (статья 21, часть 1, Конституция РФ). Более того, как отметил КС, уголовно-процессуальные действия, так и ОРМ могут осуществляться лишь определенными субъектами при наличии специальных установленных законом оснований и условий.

Таким образом, вывод для правоприменителей таков – при наличии оснований, условий проведения ОРМ и соблюдении прав обвиняемого сбор образцов для сравнительного исследования оперативным сотрудником по поручению следователя является допустимым.

Важным ориентиром для оперативно-розыскной и следственной практики является и Определение КС РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О, вынесенное по жалобе гр. Урванцевой В.Б. Как следует из материалов дела, она отказалась от предоставления образцов своего голоса. В этой связи следователем ввиду необходимости производства фоноскопической экспертизы было дано поручение о проведении ОРМ, направленных на получение свободных образцов голоса Урванцевой В.Б., результаты которых в виде звукового файла приобщены к уголовному делу и использованы в доказывании. КС РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы, при этом не признал оспариваемые заявителем законодательные нормы УПК РФ, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которыми действовали следователь и оперативный сотрудник, как несоответствующими Конституции РФ.

Подводя итог, отметим необходимость разработки современной оперативно-розыскной методики раскрытия дистанционного мошенничества, включающей не только традиционные комплексы рекомендаций о действиях в типичных ситуациях, но и особенности проведения ОРМ с ориентиром на добывание будущих доказательств; формы межрегионального взаимодействия оперативно-розыскных органов по таким делам, а также порядок реализации предусмотренного оперативно-розыскным законодательством права субъектов ОРД привлекать к проведению ОРМ специалистов, обладающих научными, техническими и специальными знаниями.

Список литературы:

1. Шматов М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: ВА МВД России, 2001. С. 84-85.

Дёмин Константин Евгеньевич,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)»; доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»,
кандидат юридических наук, доцент
Дедова Мария Игоревна,
магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)»,
г. Москва, Россия.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ОБНАРУЖЕНИЯ И ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ РУК

Аннотация: В статье рассматриваются современные технологии, приемы, методы и технические средства выявления следов пальцев рук, проанализированы их возможности, обозначены проблема, возникающие при исследовании следов папиллярных узоров в лабораторных условиях, раскрыты перспективы развития в данном научном и практическом направлении.

Ключевые слова: дактилоскопия, дактилоскопическая экспертиза, лабораторные методы, папиллярные узоры, методы, исследование.

На современном этапе развития криминалистической техники зарубежные криминалистические фирмы выпускают различные наборы, а также профессиональные цифровые системы, предназначенные для обнаружения, выявления и фиксации следов рук на разных поверхностях в лабораторных условиях

В последние годы расширяются возможности цифровой техники для фотофиксации следов рук с их последующей обработкой для улучшения качества изображения, так фирма «Foster + Freeman» на российский рынок криминалистического оборудования профессиональную систему для фиксации, обработки и улучшения качества изображения следов рук DCS5. В ее набор входят: специализированные источники освещения, система захвата изображения, а также программная среда их цифровой обработки до состояния, пригодного для последующей идентификации. Со сложных многоцветных или рельефных поверхностей с ее помощью получают качественные изображения следов, при этом программой предлагаются пошаговые интерактивные рекомендации по их оптимальному способу захвата и обработки. Также в ее функции включено автоматическое протоколирование процесса исследования. Другой цифровой техникой является Crime-lite Imager. При оптимальном экспертном освещении на различных объектах эта многофункциональная система позволяет выявить, зафиксировать и улучшить следы рук на объектах различного размера и с различными фактурами поверхности. Сочетание камеры высокого разрешения, репродукционной установки, мно-

говолнового освещения, вместе с простым в использовании программным обеспечением позволяет получить высококачественные результаты. Автоматический режим работы данной системы позволяет выбрать один из многих предустановленных режимов выявления следов из выпадающего меню, в зависимости от используемого дактилоскопического реагента и поверхности исследуемого объекта, и в значительной степени уменьшить время на проведение дактилоскопического исследования [1].

Мобильная окуливающая камера MVC-Lite предназначена для выявления невидимых следов рук. Смонтированная в прочном всепогодном чехе она обладает всеми достоинствами полноразмерных окуливающих камер замкнутого типа и может быть использована для выявления невидимых следов рук с помощью цианакрилата и PolyCyano UV непосредственно на местах происшествия или в передвижной криминалистической лаборатории. При этом процесс окулирования полностью автоматизирован.

Для выявления следов рук на бумажных носителях тепловым способом может быть использован автоматизированный комплекс TFD2. Процесс взаимодействия аминокислот из потожирового вещества с целлюлозой осуществляется при контролируемой тепловой обработке листа бумаги, в результате которого следы приобретают способность к флуоресценции под воздействием источника синего экспертного света. Причем применение дополнительных химических реагентов не требуется. В лабораторных условиях, а также при осмотре мест происшествий данная система позволяет существенно сократить время выявления следов на большом количестве бумажных документов. Включает возможность совмещения с другими способами выявления следов на бумаге при помощи нингидрина и ДФО.

Для выявления неокрашенных невидимых следов рук методом электростатического репродуцирования применяется лабораторная система ESDA 2. Которая представляет собой устройство, обеспечивающее визуализацию неоднородностей рельефа поверхности бумажного носителя посредством создания тонкой пленки, покрывающей объект исследования, неравномерно распределенного электрического заряда и его визуализацию с помощью частиц тонера. При этом распределение тонера по поверхности пленки в точности воспроизводит скрытый рельеф поверхности бумаги.

Системой выявления и визуализации невидимых следов рук с использованием антистоксового дактилоскопического порошка и ИК лазеров высокой интенсивности является Crime-lite ASV . На поверхности с многоцветным фоном, а также на банкнотах с помощью антистоксовых источников света и антистоксового дактопорошка данная система позволяет выявить четкий след.

Без необходимости применения химических реагентов предназначена новая система для автоматического выявления невидимых следов рук на термобумаге (кассовых чеках, выписках банкоматах), которая называется HPS (Consolite Forensics), которая использует термальную технологию наряду с уникальной технологией оптического контроля за состоянием объекта исследования (потемнением бумажного носителя). Основными преимуществами

ее является использование других способов выявления (нингидрин и др.) после обработки, а также возможность выявления следов рук давностью свыше одного года [1.].

Для выявления и захвата невидимых следов рук с цилиндрических объектов (оружейных гильз, шприцов, внутренних сторон резиновых перчаток) применяется дактилоскопическая система CERA LT(Consolite Forensics). Используется усовершенствованная оптическая система и программное обеспечение CFIS. Главными свойствами являются система фиксации объекта исследования диаметром от 1 мм до 25 мм в сочетании с встроенной камерой с высоким разрешением, а также система обработки изображений 360°.

Помимо систем для фотосъемки отпечатков пальцев рук, разных дактилоскопических порошков, окуливающих систем, систем для улучшения изображения папиллярных узоров, компания Foster+Freeman в 2019 году презентовала совершенно новый продукт – систему RECOVER – технология выявления скрытых следов. Система RECOVER позволяет выявить отпечатки пальцев рук на таких предметах, на которых прежде это было практически невозможно. Данная система была разработана компанией Foster+Freeman совместно с лабораторией научно-технических оборонных исследований Министерства обороны Великобритании, Центром по применению научных и технических разработок Министерства внутренних дел Великобритании и университетом Лафборо. Система RECOVER использует инновационный процесс химического окуливания для выявления дактилоскопических следов на сложных поверхностях, а также поверхностях, которые были подвергнуты высоким температурам или чистке.

Отличительная особенность системы RECOVER состоит в том, что в отличие от своих предшественников она имеет следующие преимущества: выявляет следы на металлических поверхностях, подвергшихся воздействию высоких температур, таких как стреляные гильзы или объекты на месте взрыва или пожара; выявляет следы рук на поверхности металлов и сплавов, включая подвергшиеся коррозии, например, нож, выброшенный в водоем, или которые были тщательно вымыты; выявляет следы рук, находящиеся на разнородных поверхностях, например, на гильзе и на поверхности обоймы оружия. Система состоит из: – моторизированной крышки, которой можно управлять с помощью сенсорного экрана, также она позволяет использовать окуливающие камеры различного объема; – окуливающей камеры, которая является прозрачной, что позволяет наблюдать за всем процессом. Данная камера представлена в двух размерах; термостолка для реагента, на который помещаются заранее подготовленные бутылочки с реагентом;– встроенной системы управления; интерфейса с сенсорным экраном, что значительно упрощает процесс исследования. К расходным материалам системы RECOVER относятся два вида реагента: реагент-прекурсор 1, который подходит для исследования металлов, содержащих медь, латунь, бронзу и так далее и реагент-прекурсор 2, который подходит для исследования алюминия, нержавеющей стали, никеля и так далее. Весь процесс исследования достаточно прост. Для начала необходимо поместить исследуемый объект в окуливаю-

шую камеру вместе с бутылочкой реагента, на сенсорном экране нажимается кнопка и запускается процесс, который занимает порядка 30 минут.

Помимо предметов, подвергшихся воздействию высоких температур, система RECOVER позволяет обнаружить следы на предметах, которые были вымыты, пролежали длительное время под водой и даже погружены в различные жидкости, например, отбеливатель. Положительный результат достигается благодаря использованию особого реагента – прекурсор для выявления следов рук, который использует коррозионные свойства металлических поверхностей исследуемых объектов.

В экспертной практике нередки случаи, когда на исследование поступают объекты, которые были подвергнуты чистке [2, с.58.]. Система RECOVER получает высококачественные отпечатки на различных поверхностях, которые были очищены с использованием широкого спектра моющих и чистящих химических веществ. Эта техника настолько эффективная, что даже после того, как предмет был промыт чистой водой с неразбавленным отбеливателем и затем оставлен в контейнере с тем же отбеливателем на 7 дней, отпечатки пальцев все еще пригодны для исследования (рис.1).

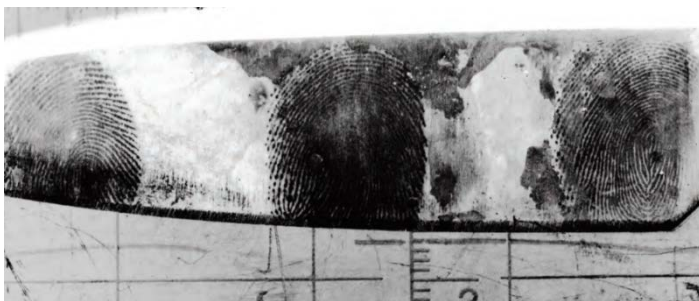

Рис. 1. Черно-белое изображения следов пальцев на лезвии ножа (полученные RECOVER и улучшенных системой DCS5)

Таким образом, традиционные и современные лабораторные методы выявления следов рук охватывают огромный спектр разнообразных средств и способов, которые позволяют выявлять следы различной давности на различного рода поверхностях.

Список литературы:

1. <http://www.fosterfreeman.com/2017-03-06-15-40-12/fingerprint-evidence-2.html>.
2. Криминалистическая техника: Учебник для вузов - М: Юрайт, 2019. Сер. Высшее образование.

Дьяконова Оксана Геннадьевна,
доцент кафедры судебных экспертиз ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)», кандидат юридических наук, доцент,
г. Москва, Россия.

РУКОВОДИТЕЛЬ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УЧАСТНИК СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: определение руководителя судебно-экспертной организации (РСЭО) как участника судебно-экспертной деятельности, формулирование его компетенции, включая процессуально-правовой статус. Учеными неоднократно предлагалось совершенствовать регламентацию прав и обязанностей РСЭО, но законодатель данные рекомендации не воспринял. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран-участниц ЕАЭС позволил сделать вывод о необходимости определения признаков, характеризующих фигуру РСЭО, его процессуально-правового статуса, унификации этих положений независимо от вида судопроизводства.

Ключевые слова: руководитель, судебно-экспертная организация, судебная экспертиза, функциональный статус.

Назначение судебной экспертизы в большинстве случаев происходит в судебно-экспертную организацию, руководство которой осуществляется субъектом, не имеющим четко определенного процессуального статуса в действующем процессуальном законодательстве – руководителем судебно-экспертной организации (РСЭО). Этот момент выглядит проблематично, особенно, если учесть, что участники того или иного вида судопроизводства, выполняющие в нем определенную функцию, должны иметь процессуально-правовой статус, их компетенция должна быть четко очерчена в процессуальном кодексе. Отсутствие нормативной регламентации приводит к нарушению взаимодействия участников процесса, и, как следствие, к невыполнению субъектом своей функции в процессе. В итоге это ведет к нарушению прав и законных интересов участников судопроизводства. Указанное обуславливает цель исследования и актуальность тематики.

Материалы и обсуждение. В процессуальных кодексах стран-участниц ЕАЭС имеются общие тенденции по регламентации статуса РСЭО. Следует отметить, во-первых, что в большинстве процессуальных кодексов стран ЕАЭС в числе субъектов судопроизводства РСЭО не определен. Несмотря на это, во-вторых, права и обязанности РСЭО указаны фрагментарно. В-третьих, практически ни в одном кодексе, за исключением УПК и ГПК Республики Казахстан, не установлено, что РСЭО может иметь другие права и на него могут быть наложены иные обязанности, предусмотренные законодательством о судебно-экспертной деятельности.

РСЭО, как и судебный эксперт, является, прежде всего, субъектом судебно-экспертной деятельности, что обусловлено его функцией. Но отсутствие должной нормативной регламентации процессуально-правового статуса РСЭО позволяет некоторым авторам не выделять указанного субъекта в качестве участника судопроизводства.

Учеными сформулированы признаки, характерные для субъекта судопроизводства: осуществление той или иной процессуальной функции; вступление в процесс или привлечение в процесс в качестве правомочного участника судопроизводства; наделение участника комплексом прав и обязанностей, а также ответственностью за их неисполнение. Исходя из указанных признаков в судопроизводстве в целом можно выделить четыре основные группы участников: 1) уполномоченные на ведение процесса, принятие процессуально значимых решений, в том числе итогового решения по делу; 2) участники, имеющие в деле юридический интерес, т.е. лица, на права и обязанности, законные интересы которых влияет итоговое решение по делу; 3) участники-представители лиц, имеющих в деле юридический интерес; 4) участники процесса, оказывающие помощь в надлежащем осуществлении функции расследования, рассмотрения и разрешения дела.

Полагаем, что к последней группе может быть отнесен и РСЭО, поскольку для этого субъекта характерны следующие черты: а) осуществляет функцию оказания помощи в расследовании, рассмотрении и разрешении дела, обеспечивая надлежащую организацию назначения и производства судебной экспертизы и взаимодействие с лицом или органом, ведущим процесс; б) оказывается вовлеченным в процесс на основании обращения лица или органа, ведущего процесс, в связи с назначением и производством судебной экспертизы; в) в процессуальных кодексах на РСЭО возложены некоторые обязанности, например, поручить производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа сотрудников возглавляемой организации.

Следует отметить, что в случае обращения к РСЭО лиц, имеющих в деле юридический интерес, за рамками процессуальной формы по поводу проведения альтернативной (по иной терминологии – несудебной) экспертизы, он не становится субъектом процесса. По крайней мере, до тех пор, пока лицо или орган, ведущий процесс, не привлекут его к участию в деле.

Назначение и производство судебной экспертизы эксперту-сотруднику судебно-экспертной организации во всех случаях влечет взаимодействие с ее руководителем, это, а также указанные выше признаки позволяют сделать вывод о РСЭО как участнике судопроизводства. Поэтому требуется нормативная регламентация его процессуально-правового статуса.

Учеными предлагались варианты такой регламентации. Так, Е.Р. Россинская справедливо указала на необходимость регламентации прав и обязанностей руководителя негосударственной СЭО [7, с. 30].

Представляется правильным в целом поддержать позицию В.М. Быкова, полагающего что «отношения эксперта и руководителя экспертного учреждения не являются просто служебными, а являются процессуальными, так

как возникают по поводу назначения и производства судебной экспертизы и должны регулироваться УПК» [3, с.30]. Однако, с учетом принципа экономии нормативного материала, а также стремления к унификации, сложно согласиться с предложением В.М. Быкова о регламентации статуса РСЭО именно в УПК РФ. Хотя другие ученые также предлагали такой вариант регламентации.

А.С. Червинский предлагает дополнить УПК РФ статьей 56-1, закрепив в ней права (формулировка автора – «уполномочен») и запреты, установленные в отношении РСЭО [9, с.12]. К сожалению, регламентация процессуально-правового статуса участника процесса с помощью такой конструкции представляется не совсем правильной и в определенной степени противоречит юридической технике. Общепринятым является подход к регламентации статуса посредством определения прав и обязанностей, а также ответственности, которая устанавливается за ненадлежащее выполнение или невыполнение обязанностей. Запреты – это обязанности пассивного содержания, т.е. обязанность воздержаться от тех или иных действий. Вполне возможно определить некоторые обязанности в форме запретов, но выглядит странным, когда в норме праве в отношении субъекта установлены только запреты, но нет обязанностей активного содержания.

К.К. Абакиров предложил регламентировать в УПК основные процессуальные права и обязанности руководителя СЭО [1, с.11]. В.С. Латыпов также полагает правильным закрепить статус РСЭО в УПК РФ, дополнив его ст.57.1, определив, что «руководитель судебно-экспертной организации – руководитель негосударственной судебно-экспертной организации, а также директор или начальник (заведующий) государственной судебно-экспертной организации (подразделения)» [6, с.123]. А.Р. Белкин определяет РСЭО как «лицо, возглавляющее соответствующее государственное или негосударственное судебно-экспертное учреждение (либо приравненное к нему специализированное судебно-экспертное подразделение), руководящее организацией и производством судебной экспертизы в соответствующем учреждении (подразделении), а также его заместитель» и также предлагает зафиксировать его процессуально-правовой статус в ст.57.1 УПК РФ [2, с.198]. Следует поддержать мнение А.Р. Белкина, который предлагает закрепить право РСЭО в случае если он «является компетентным экспертом в данной конкретной предметной области, ... принимать судебную экспертизу к своему производству (либо включать себя в состав комиссии экспертов) и пользоваться при этом всеми правами и обязанностями эксперта», а также установить запрет, по которому «руководитель экспертного учреждения не вправе отстранять эксперта, уже приступившего к производству судебной экспертизы, и передавать ее производство другому эксперту (комиссии экспертов). Привлечение к уже производимой судебной экспертизе новых экспертов либо изменение состава комиссии экспертов возможно только по единогласному ходатайству всех экспертов, участвующих в производстве данной судебной экспертизы» [2, с.198].

О.А. Суровая предлагает считать РСЭО «лицо, осуществляющее единоличное руководство СЭО, несущее при этом груз ответственности и заботящееся о повышении авторитета и статуса СЭО, в том числе международного, а также эффективности экспертного производства» [8, с.22]. Справедливо рассматривая РСЭО не только в качестве субъекта уголовного процесса О.А. Суровая предлагает, во-первых, дополнить процессуальные кодексы «статьей «Руководитель судебно-экспертной организации», в которой следует закрепить определение и процессуальное положение руководителя СЭО, при этом дополнив его правомочность по проведению контрольных мероприятий за полнотой и качеством проводимых экспертами СЭО исследований, а также закреплению за руководителем СЭО права самостоятельно производства экспертиз», во-вторых, закрепить право РСЭО по «возможности возвращать суду, назначившему судебную экспертизу, определения о назначении судебной экспертизы без исполнения, если в течение тридцати календарных дней стороны не внесли денежные средства для оплаты проведения судебной экспертизы на счет СЭО» [8, с.46]. В целом поддерживая данное предложение отметим, что в случае принятия эта норма будет противоречить абзацу второму ч.2 ст.85 ГПК РФ и ч.11 ст.49 КАС РФ, что потребует исключения указанных положений.

Несмотря на насущную потребность регламентации процессуально-правового статуса РСЭО с целью надлежащего осуществления им своей функции, полагаем правильным не фрагментарно в процессуальные кодексы вносить дополнения в виде статьи о РСЭО. С учетом экспертологического подхода и необходимости унификации положений о РСЭО требуется закрепить нормы, определяющие признаки РСЭО, требования к уровню его образования, а также права и обязанности в законодательстве о судебно-экспертной деятельности. В процессуальных кодексах следует разместить отсылочные положения к соответствующей статье закона о судебно-экспертной деятельности. Это позволит обеспечить единый подход к регламентации статуса РСЭО, а также соблюсти принципы экономии нормативного материала и «*lex specialis derogat generali*». Как уже отмечалось ранее [4], процессуальный кодекс является специальным по отношению к другим актам, поскольку регулирует процессуальные правоотношения в соответствующем судопроизводстве. Но по отношению к нему специальным будет являться федеральный закон, посвященный регулированию судебно-экспертных правоотношений по поводу проведения судебной экспертизы.

Действующие законы, регламентирующие судебно-экспертную деятельность в странах-участницах ЕАЭС (за исключением Республики Армения), объединяет наличие нормативных положений в отношении РСЭО. В соответствующих статьях перечислены права, обязанности, установлены и запреты в отношении РСЭО. Подобные положения содержатся и в ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (ФЗ о ГСЭД), однако, нуждаются в оптимизации.

Совершенствование нормативного регулирования статуса РСЭО следует начинать с определения его функционального статуса, который состоит

из прав и обязанностей: 1) направленных на организацию производства судебной экспертизы. При закреплении данного комплекса в процессуальном и законодательстве о судебно-экспертной деятельности следует сохранить баланс между должностными взаимоотношениями РСЭО с экспертом, который находится у него в подчинении, и требованием о фактической самостоятельности и независимости эксперта, проводящего экспертное исследование; 2) направленных на выполнение административно-хозяйственных полномочий, связанных с подготовкой, проведением экспертного исследования экспертами, например, информационно-методическое обеспечение экспертов, организация повышения их квалификации, переподготовки, комплектование экспертной организации компетентным кадровым составом, необходимыми оборудованием, приборами и средствами для проведения экспертиз, обеспечение соблюдения правил техники безопасности и пр. Данный комплекс может быть закреплён в ведомственных актах, а в негосударственной организации в учредительном или ином документе, регулирующем деятельность организации.

Следует учесть и возможность обращения к РСЭО других субъектов процесса в непроцессуальной форме с целью получения заключения альтернативной экспертизы [5]. Кроме того, регламентация статуса РСЭО должна осуществляться наряду с регулированием статуса судебного эксперта при условии взаимообусловленности устанавливаемых прав и обязанностей обоих субъектов.

В отношении РСЭО могут быть установлены требования наличия высшего образования, не обязательно, но предпочтительно юридического, либо по специальности «судебная экспертиза». Независимость и самостоятельность РСЭО являются принципиальными положениями, обеспечивающими его статус в судопроизводстве.

Исходя из функционального статуса на РСЭО могут быть возложены следующие обязанности, направленные на организацию производства судебной экспертизы:

1) направить в срок до трех рабочих дней ответ на запрос лица (органа), ведущего процесс, по поводу возможности производства экспертизы конкретного вида в судебно-экспертной организации, сроков ее проведения, необходимости ее производства в комиссионном составе, либо необходимости проведения комплексной экспертизы, а в случае обращения иного лица по поводу проведения экспертного исследования на договорной основе также определения вознаграждения и возмещения расходов, связанных с ее проведением;

2) поручить производство экспертизы конкретному эксперту или комиссии экспертов возглавляемой судебно-экспертной организации после получения постановления или определения о назначении судебной экспертизы или заключения договора о проведении экспертного исследования с лицом, обратившимся в судебно-экспертную организацию с целью проведения исследования и получения заключения эксперта;

3) возвратить без исполнения постановление или определение о назначении судебной экспертизы, а также представленные для производства экспертизы объекты и материалы для исследования, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности, необходимой материально-технической базы либо специальных условий для проведения исследований, либо сторона, по ходатайству которой суд назначил судебную экспертизу, не внесла в установленном порядке денежные средства в счет оплаты экспертного исследования, указав мотивы, по которым производится возврат;

4) обеспечить контроль за всесторонностью, полнотой и качеством экспертного исследования, соблюдением его сроков, установленных в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы или договоре о проведении экспертного исследования, при условии соблюдения принципов независимости и самостоятельности судебного эксперта;

5) обеспечить взаимодействие лица (органа), ведущего процесс, с экспертом посредством направления ходатайств, связанных с назначением и производством судебной экспертизы (например, о предоставлении дополнительных объектов или иных материалов для исследования; о привлечении к производству экспертизы других экспертов; о продлении срока производства экспертизы и т.п. Открытый перечень оснований для заявления экспертом ходатайств может быть приведен в статье Закона о СЭД, регламентирующей права судебного эксперта);

6) обеспечить сохранность объектов и материалов экспертного исследования, их своевременный, по окончании исследования, возврат лицу (органу), назначившему судебную экспертизу, либо лицу, обратившемуся на основании договора о проведении экспертного исследования;

7) обеспечить конфиденциальность сведений о назначении и производстве судебной экспертизы, экспертном исследовании, его результатах, а также иных сведений, связанных с производством судебной экспертизы или экспертизы по договору о проведении экспертного исследования;

8) обеспечить условия, необходимые для проведения экспертного исследования, включая наличие оборудования, приборов, материалов и средств информационного обеспечения, соблюдение правил техники безопасности и производственной санитарии;

9) организовать производство комплексной экспертизы единолично экспертом или в комиссионном составе, в случае, когда требуется одновременное исследование одного или нескольких объектов в целях решения общей экспертной задачи с использованием специальных знаний из различных родов или видов судебных экспертиз.

Следует сохранить запреты, установленные в ст.14 ФЗ о ГСЭД в отношении руководителя. Отметим, что тождественные положения имеются в законодательстве о судебно-экспертной деятельности Казахстана и Киргизии. А также дополнить запретом на замену эксперта или изменение состава экспертной комиссии, когда исследование уже начато, в отсутствии ходатайства самого эксперта.

Гарантировать надлежащее осуществление функции РСЭО могут следующие права:

1) заключить договор о проведении экспертного исследования с лицом, обратившимся в судебно-экспертную организацию с целью проведения исследования и получения заключения эксперта;

2) отказаться в одностороннем порядке от исполнения договора о проведении экспертного исследования, если сторона договора не исполнила обязательство по оплате проведения экспертного исследования;

3) принять назначенную судебную экспертизу к своему производству либо войти в состав комиссии экспертов, если он обладает специальными знаниями в требуемой области;

4) заявлять ходатайство о привлечении к производству экспертного исследования лиц, не работающих в данной организации, в том числе специалистов других судебно-экспертных организаций и иностранных государств в области судебной экспертизы;

5) передавать часть обязанностей и прав, связанных с организацией и производством судебной экспертизы, своему заместителю, а также руководителю структурного подразделения организации, которую он возглавляет;

6) требовать от лица (органа), назначившего судебную экспертизу или лица, обратившегося на основании договора о проведении экспертного исследования, возмещения расходов, связанных с: – компенсацией за хранение транспортной организацией поступивших на судебную экспертизу объектов исследований, за исключением штрафов за несвоевременное их получение данным учреждением; – проездом эксперта к месту нахождения объектов, транспортировка которых технически невозможна, в том числе объектов недвижимости; – транспортировкой объектов после их исследования, за исключением почтовых расходов; – хранением объектов исследований в государственном судебно-экспертном учреждении после окончания производства судебной экспертизы сверх сроков, установленных нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти; – ликвидацией последствий взрывов, пожаров и других экстремальных ситуаций, явившихся результатом поступления в данное учреждение объектов повышенной опасности, если орган или лицо, назначившие судебную экспертизу, не сообщили руководителю об известных им специальных правилах обращения с указанными объектами или они были ненадлежаще упакованы.

Следует установить, что РСЭО может иметь также иные права, предусмотренные законодательством.

Исследование, проведенное ранее [4, 5], и изложенные тезисы, позволили определить ряд моментов.

1. Руководитель судебно-экспертной организации (РСЭО) – должностное лицо, возглавляющее и управляющее экспертной организацией вне зависимости от ее формы, осуществляющее организацию производства экспертного исследования и обеспечивающее взаимодействие подчиненных ему экспертов с лицом (органом), ведущим процесс, назначившим судебную экс-

пертизу, или с лицом, обратившимся для проведения экспертного исследования в порядке гражданско-правового договора.

2. Оптимизации и актуализации нормативного регулирования процессуально-правового статуса РСЭО способствует четкое определение его функционального статуса, с учетом необходимости одновременного регулирования альтернативной экспертизы и процессуально-правового статуса судебного эксперта.

3. РСЭО – субъект судебно-экспертной деятельности, функция которого в рамках различных видов судопроизводства, остается неизменной. Стремление к унификации нормативного регулирования при условии соблюдения принципов экономии нормативного материала и «*lex specialis derogat generali*» диктует необходимость закрепления прав, обязанностей и требований к РСЭО в новом законе о судебно-экспертной деятельности. Возможно на первом этапе попробовать обеспечить тождественную регламентацию процессуально-правового статуса РСЭО и в процессуальных кодексах. В последующем исключить дублирующие положения и разместить в процессуальных кодексах отсылочные положения к соответствующей статье закона о судебно-экспертной деятельности.

Список литературы:

1. Абакиров К.К. Процессуальные и организационные проблемы применения специальных познаний при производстве судебных экспертиз: По материалам Российской Федерации и Кыргызской Республики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с. Loi n° 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés [Электронный ресурс] https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT_000006068624.

2. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Том 2. До-судебное производство. 2-е изд., испр.и доп. М.: Юрайт. 287 с.

3. Быков В.М. Новый УПК требует создания независимого комитета судебной экспертизы //Российская юстиция. 2003. № 11. С.29-31.

4. Дьяконова О.Г. Процессуально-правовой статус субъектов применения и использования специальных знаний. Сер. Уголовный процесс. Монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.

5. Дьяконова О.Г. Формы использования специальных знаний в законодательстве стран-участниц ЕАЭС: монография. Москва: Проспект, 2019. 560 с.

6. Латыпов В.С. Оптимизация судебно-экспертной деятельности в России: уголовно-процессуальный аспект // Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 121-124.

7. Россинская Е.Р. К вопросу о совершенствовании и унификации законодательной регламентации судебной экспертизы // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве: Научно-практическое пособие. Вып.2. М.: РАП, 2013. С.16-30.

8. Суровая О.А. Организационно-правовые аспекты деятельности руководителя судебно-экспертной организации: дис. ...канд.юрид.наук. Москва, 2020. 210 с.

9. Червинский А.С. Уголовно-процессуальный статус руководителя судебно-экспертного учреждения: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. Нижний Новгород, 2011. 24 с.

Жаворонков Владимир Алексеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО
«Российский университет транспорта (МИИТ)»,
кандидат юридических наук,
г. Москва, Россия.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЗАВОДОВ-ИЗГОТОВИТЕЛЕЙ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕПРАВОМЕРНОМУ ИЗМЕНЕНИЮ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ МАРКИРОВКИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация: В статье исследуются особенности противоправного деяния, предусмотренного ст. 326 УК РФ (подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства), рассматриваемого как одно из звеньев преступной схемы, связанной с неправомерным завладением транспортным средством с целью его хищения и последующей перепродажи. Раскрываются некоторые проблемы правового характера, возникающие при регистрации автотранспорта с измененной идентификационной маркировкой. В заключении автором предлагаются конкретные меры, касающиеся технологии нанесения идентификационной маркировки на новые транспортные средства на заводах-изготовителях, которые позволили бы снизить количество преступлений этого вида. Также указываются и другие возможности устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, связанных с неправомерным изменением идентификационной маркировки транспортных средств.

Ключевые слова: идентификационный номер, технология нанесения маркировочных обозначений, хищение транспортных средств.

Annotation: The article discusses the features of the unlawful act under Art. 326 of the Criminal Code of the Russian Federation (forgery or destruction of the vehicle identification number) that considered as one of the links in a criminal scheme related to the misappropriation of a vehicle for the purpose of its theft and subsequent resale. The article also reveals some of the legal problems that arise

when registering vehicles with changed identification markings. In conclusion, the author suggests specific measures concerning the technology of applying identification markings to new vehicles at manufacturing plants, which would reduce the number of crimes of this type. This article also specifies other ways to eliminate the causes and conditions that contribute to the Commission of crimes related to the illegal change of vehicle identification markings.

Keywords: identification number, technology of the application markings, theft of vehicles.

Подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства (VIN – Vehicle identification number), хотя и является самостоятельным составом преступления (ст. 326 УК РФ), во многих случаях связана с другими, более тяжкими противоправными деяниями, такими, как хищения транспортных средств, совершаемые в различных формах: кража (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ). Это обусловлено тем, что изменение идентификационной маркировки транспортного средства в данном случае является только частью достаточно сложной преступной схемы, основной целью которой является реализация (перепродажа) похищенного транспортного средства как целого изделия или его разукomплектование и продажа деталей, узлов и агрегатов по отдельности. И, если реализация отдельных элементов автомобиля, не имеющих маркировочных обозначений, по которым может быть установлена его принадлежность к конкретному транспортному средству, а следовательно, и к конкретному совершенному преступлению у преступников не вызывает серьезных затруднений, то для реализации целого изделия необходим ряд условий, без соблюдения которых его продажа становится попросту невозможной.

После подачи потерпевшим в правоохранительные органы заявления об угоне автомобиля данные о нем (марке, модели, идентификационном номере, цвете и пр.) поступают в соответствующие информационные базы. С этого момента его перепродажа без серьезной «предпродажной подготовки» становится весьма рискованной операцией. Для того, чтобы сбыть похищенное транспортное средство, преступникам необходимо провести целый комплекс мероприятий по его легализации: изменить маркировочные данные, которые подлежат внесению в регистрационные документы (VIN, номер кузова (рамы), двигателя, если он указан в паспорте транспортного средства). Кроме того, в рассматриваемой ситуации необходимо и изготовление поддельных документов регистрационного учета на автомобиль и, возможно, документов, удостоверяющих личность «продавца».

В некоторых случаях «подобранный» по определенным параметрам автомобиль похищается, когда у преступников уже есть на руках легальные документы регистрационного учета на транспортное средство аналогичной марки и модели, которое, например, попало в серьезное дорожно-транспортное происшествие или не подлежит восстановлению по причине его повреждения в результате стихийного бедствия, пожара и пр. В данном случае задача сильно упрощается, поскольку преступникам необходимо

только изменить маркировку на самом транспортном средстве и подготовить документы, удостоверяющие личность «владельца» автомобиля; других действий, связанных с проведением завершающей стадии преступной схемы (продажи автомобиля), не требуется.

Хотя по общему правилу такие транспортные средства подлежат снятию с регистрационного учета для их дальнейшей утилизации, зачастую этого не происходит, и они попадают в руки преступников, которые приобретают их практически по цене металлолома исключительно с целью получения легальных документов регистрационного учета.

Здесь следует отметить, что серьезной предупредительной мерой использования аварийного автотранспорта в преступных схемах могло бы стать создание федеральной базы данных, в которой концентрировались бы сведения о выведенных из эксплуатации по тем или иным причинам транспортных средствах и отсутствие которой сильно усложняет работу сотрудников, осуществляющих их осмотр и регистрацию (инспекторов ГИБДД, экспертов). На страницах научной литературы вопрос о создании таких информационных массивов поднимался и ранее [1, с. 36], однако никаких конкретных шагов по решению этой проблемы на практике пока сделано не было.

Несмотря на то, что совершение угонов и краж автотранспортных средств в нашей стране в последние годы имеет устойчивую тенденцию к их сокращению, количество преступлений этой узко направленной специфики остается на достаточно высоком уровне: в 2019 году их было совершено 20 017 ¹. Кроме того, нельзя забывать и о повышенной общественной опасности части преступлений, объектом которых являются транспортные средства; помимо причинения достаточно значительного материального ущерба, их совершение зачастую сопряжено с насильственными действиями, представляющими угрозу для жизни и здоровья потерпевших.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что решение задач, направленных именно на предупреждение преступлений, связанных с неправомерным изменением идентификационной маркировки транспортных средств и устранение причин и условий, способствующих их совершению, на сегодняшний день имеет первостепенное значение. Это положение нашло свое отражение и в нормативных правовых актах (пп. 2, п. 1 ст. 2 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ, и в научной литературе [2, 3]. Это соответствует и логическому представлению о концепции борьбы с преступностью в целом. ²

Между тем, стоит отметить, что деятельность в этом направлении, осуществляемая только правоохранительными органами, не может решить многих проблем; предупреждение преступлений всегда носило и носит ком-

¹ УГОНА.НЕТ. URL: <https://www.ugona.net/article/satistika-ugonov-2019-prognoz-na-2020-383.html> (дата обращения: 25.09.2020)

² КонсультантПлюс. Надежная правовая защита. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 01.10.2020).

плексный характер, поскольку это некая совокупность взаимосвязанных социально-экономических, политических, культурно-воспитательных и др. мер, направленных на преодоление причин, ее порождающих [4, с. 103]. Иными словами, борьба с преступностью – это не только деятельность правоохранительных органов, но и общества в целом в целях обеспечения господства закона, осуществляемое в форме целенаправленной наступательной деятельности на причины, условия преступности и ее саму [5, с. 320]. Создание условий, при которых реализация преступных схем, связанных с хищением транспортных средств и последующей их перепродажей, станет для преступников трудно выполнимой с технической точки зрения или невыгодной с экономической, является частью комплекса этих мер.

В рамках нормативно-правовой и организационной сферы в последнее время была проделана определенная работа, направленная на противодействие легализации транспортных средств с измененной идентификационной маркировкой. Создание четко отлаженной системы экспертного контроля при совершении регистрационных действий (в первой половине 1990-х годов на базе ЭКУ МВД России, ЭКУ ГУВД г. Москвы и других экспертных управлений было подготовлено достаточное количество высококвалифицированных специалистов экспертно-криминалистических подразделений ОВД для осуществления экспертного контроля и производства судебных экспертиз и исследований маркировочных обозначений транспортных средств), принятие нормативных правовых документов регионального и федерального значения (Постановление Правительства Москвы от 19 ноября 1996 года № 911 «О взаимодействии городских структур со службами ГУВД г. Москвы в вопросах предотвращения незаконного завладения автотранспортом», Указ Президента РФ от 15 июня 1998 г. № 711) и многое другое сыграло важную роль в снижении уровня преступности рассматриваемого направления.

Между тем, количество преступлений, связанных с изменением или уничтожением маркировочных обозначений транспортных средств хотя и снизилось в сравнении с концом 1990-х и началом 2000-х годов, на протяжении длительного периода времени оставалось стабильно на одном, достаточно высоком уровне. В последние же годы тенденция их роста опять возобновилась. Об этом свидетельствует и статистика показателей работы экспертно-криминалистических подразделений ОВД: в 2017 году этими подразделениями было проведено 12 920 экспертиз и 25 343 исследования, в 2018 – 13 299 и 25 803, в 2019 – 14 075 и 25 842 соответственно, что также указывает на необходимость определенных действий предупредительного характера.³

Безусловно, возникали и определенные сложности в процессе работы в этом направлении, например, в сфере реализации права собственности на приобретенный автомобиль, которое подразумевает совокупность прав по владению, пользованию и распоряжению транспортным средством [6, с. 75].

³ Статистические данные из отчетов формы «1–НТП». (Отчет о работе экспертно-криминалистических подразделений по применению научно-технических средств и методов в борьбе с преступностью).

Так, в соответствии с пп. «з» п. 12 Положения о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 15 июня 1998 г. № 711, транспортные средства, имеющие скрытые, поддельные, измененные номера узлов и агрегатов, не допускались к участию в дорожном движении путем отказа в регистрации и выдачи соответствующих документов⁴, что по сути нарушало права граждан, гарантированных Конституцией РФ (п. 2, ст. 35), а также закрепленных в подзаконных нормативных правовых актах (ст. 209 ГК РФ). Достаточно долгое время данное положение однозначно реализовывалось на практике соответствующими подразделениями ГИБДД, в результате чего добросовестный приобретатель не мог зарегистрировать, принадлежащие ему транспортное средство с измененной маркировкой, а, следовательно, и использовать его по назначению, что вызывало множество нареканий со стороны владельцев автотранспорта и сопровождалось большим количеством судебных процессов.

Позже, в соответствии с п. 2 ст. 20 последней редакции Федерального закона «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 за № 283-ФЗ⁵ и утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 12.12.2019 № 1653 требованиями к дополнительной маркировке транспортного средства и порядком ее нанесения и применения,⁶ имеющиеся на тот момент противоречия были нивелированы и выработан алгоритм действий, позволяющий осуществлять регистрационные действия и дальнейшую эксплуатацию транспортного средства с измененной идентификационной маркировкой.

В то же время, с точки зрения технологии нанесения маркировочных обозначений на заводах-изготовителях, необходимых мер, направленных на совершенствование и повышение защитных свойств маркировки, которые бы, с одной стороны, позволили препятствовать неправомерному изменению маркировочных данных автомобиля, а, с другой – облегчили бы возможность установления факта подделки заводской маркировки, предпринято не было. Между тем, изменение общего подхода к маркированию транспортных средств как отечественных, так и зарубежных марок на заводах-изготовителях, которые в настоящее время размещены преимущественно на территории России, позволило бы решить многие проблемы.

Изменение заводской идентификационной маркировки является достаточно трудоемким процессом, требующим высокой квалификации лиц, ее осуществляющих. Необходимо и наличие большого количества сложного

⁴ Гарант – информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/12111975/> (дата обращения: 03.10.2020).

⁵ КонсультантПлюс. Надежная правовая защита. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304041/ (дата обращения 13.10.2020).

⁶ Гарант – информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/73245692/> (дата обращения 13.10.2020).

инструментария, а также соответствующих производственных площадей. Соблюдение вышеперечисленных условий обусловлено сложностью технологического процесса и необходимостью того, чтобы нанесенная вторичная маркировка была максимально похожа на заводскую; произведенные изменения не должны вызывать сомнений в подлинности маркировочных обозначений, по крайней мере, при визуальном осмотре транспортного средства потенциальным покупателем в ходе переговоров, предшествующих сделке купли-продажи автомобиля.

Поэтому разработка и принятие мер, которые позволили бы, с одной стороны, снизить трудоемкость процесса исследования по установлению признаков подделки заводской маркировки, а, с другой – усложнить комплекс операций по ее криминальному изменению, – является одним из основных направлений, на котором необходимо сосредоточиться, проводя работу по предупреждению преступлений, связанных с неправомерным изменением идентификационной маркировки транспортных средств.

Во-первых, серьезным препятствием для совершения преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств, могла бы стать технология, в соответствии с которой рельефное обозначение идентификационного номера наносилось бы не только в передней части автомобиля, как это рекомендовано нормативно-техническими документами (см. ГОСТ 33990-2016 «Транспортные средства. Маркировка. Технические требования (с Поправками)»),⁷ но и в задней, тем более, что положения указанного стандарта в этом отношении носят рекомендательный, а не устанавливающий характер. Причем, выбирать место нанесения дублирующей рельефной маркировки следует таким образом, чтобы она располагалась на детали, имеющей сложную форму, в складках ее рельефа или на стыке двух деталей, в результате чего выполнение работ по ее изменению было бы невозможно без сложных демонтажнo-монтажных операций. При выпуске новой модели автомобиля или даже ее модификации возможно стоило бы наносить дублирующее изображение идентификационного номера уже на другую деталь. Целесообразность внедрения такой технологии подтверждается и экспертной практикой: в работе экспертных подразделений ОВД не единичны случаи, когда при проведении исследования устанавливалось, что нанесенная в передней части автомобиля заводская идентификационная маркировка преступниками изменена или уничтожена, а нанесенная в багажном отделении, о которой они просто не знали, оставалась неизменной.

Нанесение дополнительной рельефной идентификационной маркировки применялось на некоторых моделях отечественных (ВАЗ–2170) и зарубежных (Kia Spectra, Hyundai Sonata) автомобилей. Однако такая технология маркирования транспортных средств на заводах-изготовителях в нашей стране по каким-то причинам не получила широкого распространения, а затем

⁷ Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200145827> (дата обращения 15.10.2020)

перестала использоваться и вовсе, хотя с криминалистической точки зрения нанесение дополнительного обозначения идентификационного номера было бы очень полезно и в настоящее время; одними из самых угоняемых в последние годы автомобилей стали Toyota Camry – 20,6 % и Hyundai Solaris – 19,3 % от числа проданных автомобилей этих моделей и собираемых, к слову сказать, на территории нашей страны.⁸ С точки зрения материальных затрат на производство транспортных средств, нанесение второго идентификационного номера вряд ли бы существенно сказалось как на их увеличении, так и на конечной стоимости изделия.

Другим существенным препятствием на пути преступников и, кроме того, дополнительной возможностью распознавания изменения первичной маркировки стало бы применение технологий с использованием структурированной (рельефной) опорной пластины маркиратора; такая технология применялась некоторыми автопроизводителями, например, BMW, Audi и др. В настоящее время она также стала бы весьма действенным средством защиты заводской маркировки, затрудняющим ее изменение. Кроме того, помимо структуры поверхности опорной пластины, которая использовалась вышеуказанными производителями, можно было бы применять и рельефную опорную поверхность другого типа.

Еще одним средством, затрудняющим изменение заводской идентификационной маркировки, которое ранее использовалось некоторыми европейскими производителями, могло бы быть крепление дополнительных заводских табличек, обладающих определенными средствами защиты от подделки в других частях кузова, например, в багажном отделении, и наклейка второго экземпляра такой таблички в сервисной книжке.

Современные технологии открывают и другие возможности для идентификации транспортных средств. Раньше таким новшеством стала установка электронных блоков управления, в память которых наряду с различной технической информацией вносился и идентификационный номер транспортного средства. Определенный период времени это было весьма существенным барьером на пути преступников, поскольку изменение данных в электронных носителях информации было технически трудно выполнимо и требовало использования достаточно дорогостоящего и уникального оборудования. При производстве экспертиз и исследований, наоборот, это быстро позволяло установить идентификационный номер исследуемого транспортного средства при помощи соответствующего диагностического оборудования. Однако впоследствии развитие цифровых технологий позволило и преступникам перейти на новый уровень своей деятельности; внесение изменений в память электронных блоков или их замена стали достаточно просто выполняемы.

В настоящее время существующие передовые технологии предоставляют и другие возможности, позволяющие противостоять действиям пре-

⁸ Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/ugoni/> (дата обращения 15.10.2020)

ступников. Установка микрочипа с записанной на него какой-либо информацией, не нуждающегося в постоянном источнике питания, само по себе не является новшеством. Между тем, использование таких чипов в конструкции автомобиля, как средства защиты от неправомерных действий, может существенно усложнить деятельность преступников по достижению конечной цели и позволит при обнаружении похищенного транспортного средства быстро и точно определить его принадлежность.

В данном случае речь идет о микропроцессе с памятью только для чтения (ROM – англ. read-only memory (постоянное запоминающее устройство) с записанной на него информацией без возможности ее изменения, который помещался бы (впрессовывался) непосредственно в «тело» маркируемой или какой-либо другой детали. Обладая малыми размерами, обнаружение чипа преступниками было бы сильно затруднено, а записанная на нем информация могла бы быть легко считываема при проведении экспертного контроля, производстве экспертизы или исследования. Повреждение чипа или его отсутствие однозначно свидетельствовало бы о неправомерном воздействии на этот тип защиты. С выпуском новых моделей транспортных средств или их модификаций изменение места расположения микрочипа стало бы еще одним дополнительным фактором, повышающим защитные свойства маркировки.

Предложенные в статье меры являются только частью комплекса мероприятий, которые могут быть направлены на борьбу с преступлениями, связанными с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства, но их использование наверняка позволит значительно снизить как количество преступлений непосредственно этой направленности, так и улучшить криминогенную обстановку в стране в целом.

Список литературы:

1. Жаворонков В.А. Некоторые особенности информационного обеспечения судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 3. С. 31–37.
2. Еникеев З.Д. Предупреждение и пресечение преступлений – задача уголовного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1 (14). С. 49–54.
3. Суденко В.Е. Установление типа транспортного средства, характера происшествия и их соответствия признакам, указанным в статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2017. № 2 (14). С. 26-34.
4. Воронин Ю.А. Введение в криминологию: курс лекций. М.: 2008. 256 с.
5. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: 1997. 784 с.

6. Водянов А.В. Правовые основы противодействия легализации транспортных средств, объявленных в розыск по каналам Интерпола // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2012. № 1.С. 71–86.

Колотушкин Сергей Михайлович,
главный научный сотрудник, ФКУ «Научно-исследовательский
институт ФСИН России», доктор юридических наук, профессор,

Цуканов Андрей Сергеевич,
начальник сектора отдела вооружения и боеприпасов центра вооружения и
индивидуальной бронезащиты ФКУ Научно-производственного
объединения «Специальная техника и связь» МВД России,
г. Москва, Россия

СКРЫТОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПО СТРЕЛЯНЫМ ГИЛЬЗАМ: НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация: Огнестрельное оружие, находящееся на вооружении Министерства обороны Российской Федерации, не входит в массив криминалистических учетов стреляных пуль и гильз нарезного огнестрельного оружия, который ведется в МВД России. Авторы предлагают технологию маркирования огнестрельного оружия по малозаметным следам на стреляных гильзах. По следам маркера на стреляных гильзах можно установить год выпуска, номер партии и номер конкретного экземпляра оружия. Данный метод позволяет скрытно маркировать отдельные экспортируемые за рубеж партии огнестрельного оружия и отслеживать его транзит в третьи страны, либо его поставку в незаконные вооруженные формирования.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, поставка оружия в другие страны, маркировка оружия, следы на стреляных гильзах.

Annotation: Firearms that are in service with the Ministry of defense of the Russian Federation are not included in the array of forensic records of spent bullets and cartridges of rifled firearms, which is maintained by the Ministry of internal Affairs of Russia. The authors propose a technology for marking firearms by subtle traces on spent cartridges. You can use the marker marks on spent cartridges to determine the year of manufacture, batch number, and number of a specific weapon instance. This method allows you to covertly mark individual shipments of firearms exported abroad and track their transit to third countries, or their delivery to illegal armed groups.

Keywords: firearms, delivery of weapons to other countries, marking of weapons, traces on spent cartridges.

В современном мире среди основных детерминантов использования огнестрельного оружия в качестве инструмента решения социально-экономических вопросов в российском обществе, на наш взгляд, можно назвать следующие проблемы:

- поставки и вывоз боевого ручного огнестрельного оружия из мест вооруженных конфликтов ближнего зарубежья;
- не всегда эффективная деятельность правоохранительных органов в части проведения профилактических мероприятий в сфере оборота огнестрельного оружия;
- передача государством права владения и использования служебного огнестрельного оружия, в том числе и нарезного короткоствольного коммерческим организациям;
- отсутствие единого подхода и скоординированных действий между силовыми ведомствами, а также нераспространение практического опыта в борьбе с вооруженными преступлениями в деятельности правоохранительных органов, непосредственно несущих службу по охране общественного порядка;
- узкое и порою недостаточно специализированное технико-криминалистическое обеспечение в части оборудования, средств и методов учета, а также исследования огнестрельного оружия.

Боевое ручное, гражданское и служебное огнестрельное оружие находится в сфере интересов оперативно-розыскной деятельности и зачастую является целью проведения следующих специализированных мероприятий: контролируемая поставка, оперативный эксперимент, негласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств и других объектов.

В данной статье нами рассматривается ситуация проведения негласного оперативного мероприятия, когда имеется доступ к огнестрельному оружию преступников либо оружию, которое должно поступить к ним. Целью оперативно-розыскного мероприятия является негласное нанесение скрытых маркеров в патронниках стволов огнестрельного оружия разрабатываемых лиц (группы лиц). Маркированное оружие в момент выстрела на поверхности стреляной гильзы оставляет уникальный криминалистический отпечаток в виде микро-следов. В дальнейшем, в ходе проведения многоходовых оперативно-розыскных комбинаций в местах применения разрабатываемыми преступниками огнестрельного оружия при обнаружении стреляных гильз, в результате проведения криминалистического исследования открывается возможность оперативно получить следующую служебную информацию: факт применения конкретной маркированной единицы оружия; оценить географию применения конкретных экземпляров огнестрельного оружия; примерные даты, время производства выстрелов из конкретных экземпляров огнестрельного оружия; состав группы преступников, по применявшемуся на месте происшествия (местах происшествий или в серии преступлений) огнестрельному оружию.

Самостоятельно может выступать задача по контролю перемещения боевого огнестрельного оружия, экспортируемого из России в другие страны. Например, известно, что группировка террористов в Сирии получала и продолжает получать оружие из разных стран мира, в том числе с использованием скрытых каналов и нарушением норм международного права, а также межгосударственных договоров и принятых ООН санкций.

Для сокрытия нелегальной поставки оружия номера на нем могут уничтожаться, поэтому в подобных ситуациях скрытое негласное маркирование огнестрельного оружия позволяет выявить каналы его незаконной поставки, в том числе через подставные фирмы и третьи страны. Важно отметить, что для выявления каналов нелегальной поставки оружия могут возникать ситуации, когда будет достаточно исследовать стрелянные гильзы, собранные с мест боевых столкновений в зоне вооруженного конфликта или совершенного террористического акта.

На основании проведенных нами ранее исследований мы предлагаем рассмотреть технологии маркирования огнестрельного оружия. Первоначально опыты по нанесению штрихового кода проводились нами на следообразующих поверхностях гладкоствольного оружия. Маркер в виде штрих-кода отражался в виде следовых оттисков на гильзе в момент выстрела. Следует отметить, что работы в этом направлении помимо нас проводились разными, в том числе и иностранными учеными, однако внедренного в практическую деятельность результата нет. В настоящее время состояние этого вопроса находится на уровне идей, предложений, обсуждений, научных статей, но технической реализации в промышленном масштабе, правового регламента и криминалистической методики нет.

В качестве маркировки гладкоствольного оружия при производстве выстрела, с отображением криминалистического следа на стреляной гильзе нами была предложена идея – ввести кодирование следующих информационно значимых данных: год выпуска оружия, модель оружия, последние три цифры его серийного номера. Данное маркирование было решено производить с помощью штрих-кодов. В силу того, что движение патронов в патроннике ствола происходит поступательно, нами был выбран линейный вид кодирования. Поступательность движения, при досылании патрона в патронник с его закрытием не царапает гильзу и не оставляет на ней «лишних» следов. Движение патрона, происходит вдоль штриха.

На первоначальном этапе экспериментов штрихи наносились путем наклеивания отрезков стальной проволоки в патроннике и на патронный упор колодки. Диаметр проволоки составлял 0,12 мм, что не влияло на подачу патрона и экстракцию стреляной гильзы, благодаря существующим в гладкоствольном оружии при его производстве допускам для свободного заряжания гильзы, которые порой составляют до 0,6 мм. Длина отрезков проволоки при изготовлении штрих-кода подбиралась так, чтобы она совпадала с длиной металлического основания гильзы, рис. 1. При производстве выстрелов отображающиеся на гильзе следы маркера оставались четкими и имели повторяемость общих и частных криминалистических признаков. При этом ника-

ких затруднений, при подаче и экстракции гильзы не происходило. Все выстрелы происходили в штатном режиме.

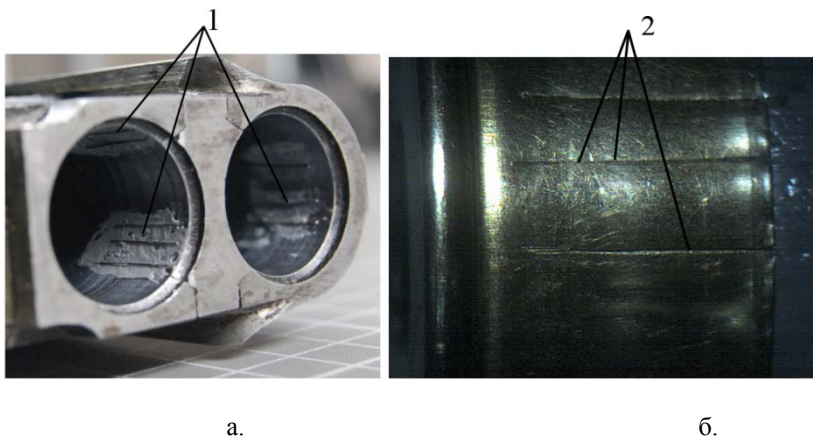

Рис. 1. Изображение маркера в патроннике охотничьего ружья ИЖ – 27 и полученных оттисков маркера на стреляной гильзе: а – казенная часть стволов; б – стреляная гильза; 1 – наклеенные отрезки проволоки; 2 – следы отрезков проволоки на поверхности стреляной гильзы.

Таким образом, в первоначальных экспериментах определена возможность передачи штрих-кода. В дальнейшей экспериментальной работе испытывались иные эффективные методы кодирования оружия. Так нами был разработан метод криминалистического маркирования обозначенный «баллистическое кодирование», особенностью его применения является оставляемый при выстреле из маркированного огнестрельного оружия на стреляной гильзе оттиск серийного номера оружия. Четкий оттиск образуется благодаря тому, что в момент выстрела за счет образуемого при сгорании пороха газов возникает давление, выражаемое инерцией отдачи оружия, при данном процессе происходит взаимодействие донца гильзы с чашкой затвора или колодкой ружья. При этом если на данные детали нанести баллистический маркер в виде сочетания цифр и букв, то они отразятся в виде следов оттиска на донце стреляной гильзы. В ходе проведенных теоретических и экспериментальных исследований был выбран способ нанесения маркера при помощи импульсной лазерной сварки. Определено место нанесения маркера – прикапсюльная зона шляпки гильзы, что исключает наложение оттиска маркера и маркировки гильзы. В процессе выстрела, под действием давления на шляпке гильзы в прилегающем к капсюлю месте образуется выступающий валик. Этот валик способствует четкому отображению оттиска маркера, рис. 2.

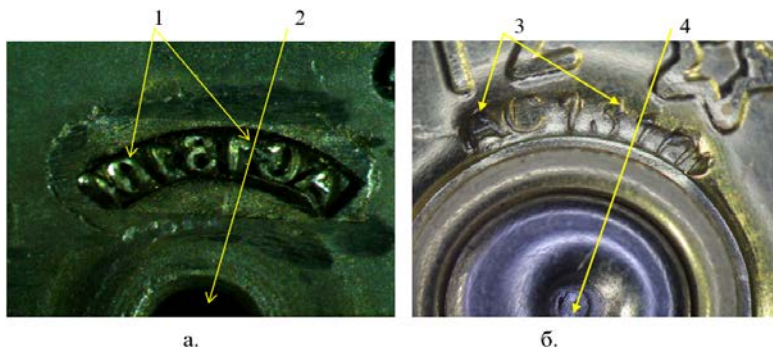

Рис. 2. Маркировка стреляной гильзы, а – маркер в виде номера оружия на чашке затвора; б – следы отпресса маркера на шляпке стреляной гильзы:

1 – маркер; 2 – отверстие бойка в чашке затвора; 3 – отпресса маркера на прикапсюльном валике; 4 – след бойка на капсюле гильзы.

Проведенные экспериментальные исследования (около полутора тысяч выстрелов) показали, что отпессы номера оружия при производстве выстрела передаются на шляпку гильзы четко и однообразно, следы маркера полностью сохраняют идентификационную значимость. Результативность полученного баллистического маркера обеспечивается применением современных технологий и эффективных криминалистических решений. В процессе использования импульсной лазерной сварки наносится металл высокой твердости на части оружия, взаимодействующие при производстве выстрела, с относительно мягким металлом применяемом при производстве гильзы (биметалл, латунь или медный сплав), указанная технология качественно и информативно отражает воздействие стального маркера высокой твердости.

Представленное баллистическое маркирование позволяет решать, как диагностические задачи, то есть устанавливать номер конкретного экземпляра оружия, так и проводить идентификационные исследования нескольких стреляных гильз, либо стреляных гильз и оружия.

Однако, экспериментально проверенные нами выше способы баллистического маркирования не всегда отвечают требованиям оперативно-розыскной работы по следующим причинам: во-первых, маркер следует наносить скрытно в малодоступных для визуального наблюдения деталях оружия; во-вторых, маркер должен наноситься негласно вне заводских условий, без использования сложного станочного оборудования или сварки; в-третьих, маркер должен наноситься оперативно, мобильно, в том числе в полевых условиях. Проведенный анализ показал, что наилучшими местами для нанесения баллистического маркера являются такие элементы оружия, как казенная часть ствола, в которую непосредственно опирается гильза патрона перед выстрелом. Существует три способа фиксации патрона в патроннике оружия, рис. 3.

Отдельным вопросом маркирования оружия является анализ вариативности или возможный массив неповторяющихся комбинаций наносимых кодов. Другими словами, вариативность маркировки – это количество комбинаций отдельных маркеров, которые индивидуализируют как как модель, так и экземпляр оружия.

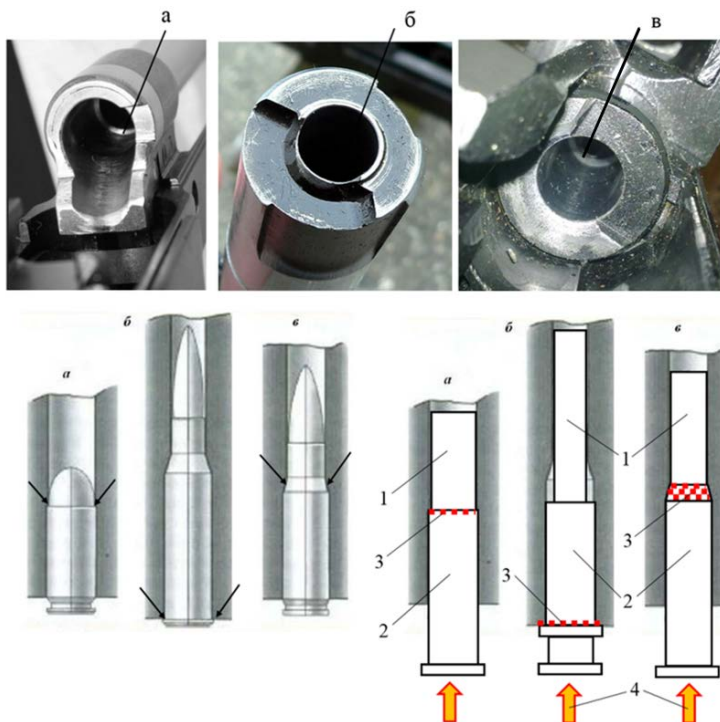

Рис. 3. Особенности нанесения маркера в зависимости от способа фиксации патрона в патроннике: а – упором переднего среза гильзы в уступ патронника; б – упором выступающего фланца гильзы в казенный срез ствола; в – упором ската гильзы в скат патронника; 1 – часть штампа, входящая в переход патронника в нарезную часть ствола; 2 – часть штампа, входящая в патронник; 3 – зона нанесения зубчатого штрихового маркера; 4 – направление удара по штампу.

В предлагаемом способе маркирования оружия вариативность достигается комбинацией таких элементов как: – количество наносимых штрихов, их наклон, ширина, длина, взаиморасположение. Комбинация размеров, форм и взаиморасположения штрихов образует многоразрядную комбинаторику вариантов секретности маркера, которая может выражаться в нескольких миллионах комбинаций.

Для нанесения маркера мы считаем возможным применять изготовленный штамп цилиндрической формы, который вставляется в патронник, где упирается в переход для фиксации гильзы, после чего производится удар по штампу (например – молотком) в результате которого наносится зубчатая насечка в патроннике в месте его перехода на ствол или ската гильзы в виде комбинации штрихов. На рис. 4. Изображены следы на стреляной из пистолета Макарова 9 мм гильзы.

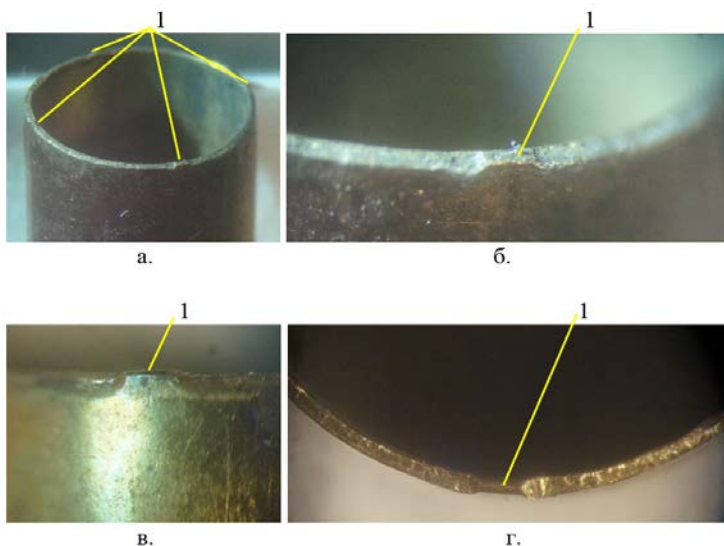

Рис. 4. Следы маркера на 9 мм гильзы, стреляной из пистолета Макарова:
1 – четыре выступа на дульце гильзы.

Для изготовления штампа с маркером мы считаем возможным применять высокопрочные металлы или наплавки из карбида вольфрама. При этом маркирующие зубы насечки штампа имеют разную ширину и изготавливаются на разных расстояниях друг от друга, обеспечивая тем самым штриховое кодирование при изготовлении маркера. Путем нанесения удара молотком по шляпке штампа наносится малозаметное клеймо (маркер) в уступе или в скате патронника или в месте упора фланца гильзы. При стрельбе из маркированного подобным способом оружия, а также при работе автоматики оружия при взаимодействии гильзы с маркированными местами оружия на гильзе (дульце, скате, или фланце шляпки) образуются следы от нанесенного маркера, по которым можно установить конкретный экземпляр оружия.

Важно отметить, что при попытке убрать следы маркера с помощью фрезерования или высверливания приведет к изменению размеров патронника, в результате чего гильза патрона при зарядании будет проваливаться в сторону ствола. Это приведет к нарушению работы бойка по капсюлю и за-

цепы выбрасывателя гильзы. На рис. 5. Приведен пример образования следа маркера, нанесенного в патроннике на месте ската гильзы. Удаление маркера приведет к расточке патронника и изменению штатного расположения патрона в патроннике, что в итоге нарушит работу кинематики оружия.

Описанный метод клеймения позволяет наносить маркировку скрытно за короткое время с использованием агентурного аппарата, внедренного в организованную преступную группу. Кроме того, использование данного метода позволяет скрытно маркировать отдельные экспортируемые за рубеж партии огнестрельного оружия. Маркирование данным методом огнестрельного оружия также может проводиться на военных складах и арсеналах, при его транспортировке, а также в ходе его транзитного складирования в процессе доставки.

Рис. 5. Образование следа маркера на скате гильзы 5,56 x 45, стреляной из автомата АК-101: 1 – след маркера в виде выступающего полумесяца на скате латунной гильзы; 2 – след маркера на стальной лакированной гильзе.

Таким образом, предложенный способ баллистического маркирования огнестрельного оружия расширяет возможности оперативно-розыскной деятельности в борьбе с вооруженной преступностью и международным терроризмом.

Комиссарова Ярослава Владимировна,
доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)», кандидат юридических наук, доцент;

Котова Ольга Александровна,
руководитель отдела психофизиологических исследований
на полиграфе ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного
комитета Российской Федерации»;

Семёнов Виктор Владимирович,
старший эксперт отдела психофизиологических исследований
на полиграфе ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного
комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук,
г. Москва, Россия.

НОВОЕ В МЕТОДИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИГРАФОЛОНОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Применение полиграфа в России при решении задач обеспечения государственной безопасности было легализовано в 1975 году. В ходе раскрытия и расследования преступлений прибор официально используется с 90-ых годов прошлого столетия. В тот же период началась внутриведомственная подготовка полиграфологов. В настоящее время в России полиграф достаточно широко используется: а) при осуществлении оперативно-розыскной деятельности согласно ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскное мероприятие «опрос» может проводиться с применением технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей; б) в ходе судопроизводства в соответствии с требованиями процессуального законодательства Российской Федерации, в частности, при производстве по уголовным делам в целях получения заключения эксперта (ч. 1 ст. 80 УПК РФ) или заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ); в) при поступлении на государственную службу (в том числе военную) и ее прохождении в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации; г) при регулировании трудовых и иных, непосредственно связанных с ними, отношений в соответствии с требованиями трудового законодательства и нормативных актов, регламентирующих отдельные вопросы занятости населения; д) в порядке оказания услуг по гражданско-правовым договорам.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, расследование преступлений, собирание доказательств, проверка показаний участников процесса, экспертиза с применением полиграфа, эксперт-полиграфолог, заключение эксперта, методика исследования.

Annotation: The use of the polygraph in Russia in solving problems of state security was legalized in 1975. During the detection and investigation of crimes, the device has been officially used since the 90s of the last century. In the same period, internal training of polygraph examiners began. Currently, the polygraph is widely used in Russia: a) in the implementation of operational search activities in accordance with article 6 of the Federal law of August 12, 1995. No. 144-FZ «On operative-search activities» operational-investigative action «survey» may be conducted using technical means that would not jeopardize the life and health of people; b) in proceedings in accordance with the requirements of procedural legislation of the Russian Federation, in particular, the criminal proceedings in order to obtain expert opinion (paragraph 1 of article 80 of the code of criminal procedure) or the conclusions of the specialist (part 3 of article 80 of the criminal procedure code of the Russian Federation); c) at receipt on public service (including military) and its passage in accordance with the requirements of the legislation of the Russian Federation; d) the regulation of labour and other directly related relations in accordance with the requirements of labour legislation and regulations governing private employment; e) to order the provision of services under civil law contracts.

Keyword: criminal proceedings, investigation of crimes, collecting evidence, checking the testimony of participants in the process, examination using a polygraph, polygraph expert, expert opinion, research methodology.

Собирание доказательств многоэтапный процесс поиска, получения и фиксации сведений, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Наиболее распространенными доказательствами являются показания участников судопроизводства. Независимо от того, лжет человек умышленно или добросовестно заблуждается, показания, содержащие недостоверную информацию, признаются недопустимым доказательством. Поэтому в целях проверки показаний, руководствуясь ст. 87 УПК РФ, следователи должны принимать меры по получению новых доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

С этой точки зрения, эффективным способом укрепления доказательственной базы по делу является производство психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа (далее ☐ ПФЭИ).

В настоящее время в России ПФЭИ проводятся экспертными подразделениями: Федеральной службы безопасности ☒ 2002 г., Министерства обороны ☐ с 2004 г, органов внутренних дел ☐ с 2004 г.

В 2009 г. ПФЭИ начали проводить полиграфологи подразделений криминалистики Следственного комитета при прокуратуре РФ (в настоящее время – Следственный комитет РФ). Приказом Следственного комитета РФ от 24.07.2020 № 77 утвержден «Порядок определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экс-

пертиз», в соответствии с п. 9 которого предусмотрена аттестация экспертов на право самостоятельного производства судебной психофизиологической экспертизы (по специальности «Психофизиологические исследования с применением полиграфа»).

Теоретические основы ПФЭИ формировались постепенно на основе достижений ряда наук, прежде всего, психофизиологии, а также оперативно-розыскной, следственной и экспертной практики. Современные представления о природе психофизиологических реакций, отражающих степень информированности лица о произошедшем событии (его обстоятельствах), охватывают ряд теоретических концепций, опирающихся на достоверно выявленные эмпирическим путем закономерности, явления и процессы. В обобщенном виде подходы к практике производства ПФЭИ по уголовным делам изложены в научной и учебной литературе [1; 2, с. 267-287].

Что касается методического обеспечения производства ПФЭИ, то полиграфологи при подготовке по уголовному делу, как заключения специалиста, так и заключения эксперта, используют два типа методик.

Методики проведения тестирования на полиграфе, являющегося самостоятельным этапом ПФЭИ, определяют порядок применения специальных знаний из области полиграфологии лицом, назначенным для производства исследования и дачи заключения. Нарботанные мировой практикой, эти методики общеизвестны и апробированы в России. Их освоение происходит в период прохождения субъектом подготовки (переподготовки) в качестве полиграфолога. (Описание Методики выявления скрываемой информации, Методики контрольных вопросов (вопросов сравнения), Методики проверочных и нейтральных вопросов, а также вспомогательных приемов, используемых при проведении тестирования на полиграфе приведены в научно-методической литературе [см., например: 3; 4; 5]).

Методики производства ПФЭИ представляют собой систему предписаний (категорических или альтернативных), регламентирующих выбор и порядок применения в определенной последовательности, в определенных (существующих или создаваемых) условиях способов и средств решения полиграфологом поставленных перед ним задач [6, С. 222-223].

В настоящее время действуют:

1. Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа (2005), в 2006-2009 гг. прошедшая в установленном в органах внутренних дел порядке апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан.

2. Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (2008), разработанные по заявке Бюро специальных технических мероприятий МВД России сотрудниками Академии управления МВД России с привлечением ведущих полиграфологов органов внутренних дел, Минобороны, ФСБ, СВР, ФСКН, ФСИН Минюста России.

3. Методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа (2009), разработанная в Институте криминалисти-

ки Центра специальной техники ФСБ России для внутриведомственного применения.

4. Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа (2018), утвержденная руководителями Института криминалистики ЦСТ ФСБ России, ЭКЦ МВД России, 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ, Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ.

5. Методические рекомендации по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России (2018), подготовленные в ЭКЦ МВД России при участии полиграфологов из экспертных подразделений МВД по Республике Татарстан, ГУ МВД России по г. Москве, ФСБ России, а также Следственного комитета РФ, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В 2019 году специалистами-полиграфологами из Учебного центра Военной полиции Министерства обороны РФ, 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ, АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», НП Аналитический центр «Кедр», Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) была проведена научно-исследовательская работа по подготовке Методических рекомендаций по порядку назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в органах Военной полиции Министерства обороны РФ.

С учетом закрепленного в вышеперечисленных документах единого научно-методического подхода к практике производства ПФЭИ в целях экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и профилактики преступлений Следственным комитетом РФ в 2020 году были разработаны Методические рекомендации по порядку назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (далее – Методические рекомендации СЭЦ СК РФ).

В приложениях 6 и 7 к указанному документу приведены примерные образцы заключения эксперта (заключение специалиста составляется аналогичным образом) и сообщения о невозможности дать заключение. Остановимся на них подробнее.

Вводная часть обоих документов должна содержать сведения о дате, месте, времени (начала и окончания) производства ПФЭИ, инициаторе и основаниях проведения исследования, о полиграфологе и материалах, предоставленных в его распоряжение.

Согласно п. 1.2.4 Методических рекомендаций СЭЦ СК РФ, при назначении ПФЭИ на разрешение полиграфолога следует выносить два вопроса:

1. Выявляются ли в ходе исследования с применением полиграфа у Ф.И.О. психофизиологические реакции, обусловленные информированно-

стью о юридически значимой ситуации (конкретизируются обстоятельства ситуации).¹

2. Если да, то, при каких обстоятельствах Ф.И.О. могла быть получена эта информация? Могла ли она быть получена Ф.И.О. на момент юридически значимого события (уточняется, какого именно).

Вопросы, выносимые на разрешение полиграфолога, должны содержать детализацию обстоятельств юридически значимой ситуации, информированность о которых подлежит выявлению. Рекомендуется отражать в вопросах не более трех таких обстоятельств; в первую очередь они должны касаться действий, совершенных лицом, в отношении которого проводится ПФЭИ (независимо от его процессуального статуса).

В пункте 1.2.5 Методических рекомендаций СЭЦ СК РФ разъясняется, что, конкретизируя обстоятельства юридически значимой ситуации, необходимо избегать правовых терминов, отражающих уголовно-правовую квалификацию содеянного (убийство, насильственные действия сексуального характера, взятка, виновность и т.п.). Также указано на недопустимость постановки перед полиграфологом правовых вопросов, связанных с оценкой доказательств, в том числе, с оценкой достоверности показаний обследуемых лиц либо оценкой соответствия (согласованности) результатов ПФЭИ с ранее данными ими показаниями.

Приведем примеры вопросов, выносимых на разрешение полиграфолога, так, как они изложены в приложениях 6 и 7 Методических рекомендаций СЭЦ СК РФ применительно к условной фабуле преступления:

1. Выявляются ли в ходе исследования с применением полиграфа у гр-на К. психофизиологические реакции, обусловленные информированностью об обстоятельствах производства выстрела в гр-ку Л.?

2. Если да, то, при каких обстоятельствах могла быть получена гр-ном К. эта информация? Могла ли она быть получена в момент производства выстрела в гр-ку Л. им лично или иным лицом (лицами)?

На этапе изучения материалов, предоставленных в распоряжение эксперта, могут быть выявлены обстоятельства, которые в соответствии с подпунктом «в» пункта 1.5.7 Методических рекомендаций СЭЦ СК исключают производство ПФЭИ. В этом случае полиграфолог сообщает инициатору ПФЭИ, что провести исследование и дать заключение не представляется возможным.

Если таковые обстоятельства не выявлены, полиграфолог, как в заключении эксперта (заключении специалиста), так и в сообщении о невозможности дать заключение, единообразно указывает: «СПФЭ в отношении гр-на К. проводилась в соответствии с Методическими рекомендациями по порядку назначения и проведения психофизиологических экспертиз и иссле-

¹ В качестве юридически значимой ситуацией в данном случае рассматривается событие преступления либо юридически значимая совокупность обстоятельств, сложившихся в ходе расследования преступления (например, отказ от явки с повинной, выдвижение алиби и т.д.).

дований с применением полиграфа (ПФЭИ) в ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (М., 2020), Межведомственной методикой производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа (М., 2018), Видовой экспертной методикой производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа (М., 2005)».

Далее уточняется, в какое время, где проводилась работа с обследуемым лицом (предтестовая беседа, инструктаж по порядку проведения тестирования на полиграфе и установке датчиков, тестирование на полиграфе, послетестовая беседа, в случае их проведения). Отмечается, что велась видеозапись, о чем обследуемый был предупрежден в начале исследования. Если в ходе работы с обследуемым присутствовали иные лица (участники процесса, сотрудники конвойной службы и др.), данный факт отражается в заключении с указанием их Ф.И.О., процессуального статуса, должности.

Оговаривается, что в соответствии со ст. 9 УПК РФ, ст. 28, 31 и 35 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» обследуемому лицу были разъяснены порядок проведения экспертизы и тот факт, что производство СПФЭ возможно только в случае его добровольного согласия на участие в исследовании.

Если на данном этапе обследуемое лицо заявило об отказе от участия в проведении СПФЭ, полиграфолог сообщает инициатору ПФЭИ, что провести исследование и дать заключение не представляется возможным.

В случае согласия обследуемого лица на проведение ПФЭИ, работа с ним продолжается. Заключение по итогам проведения ПФЭИ будет выглядеть так, как изложено далее на примере производства СПФЭ по отраженной в Методических рекомендациях СЭЦ СК РФ условной фабуле преступления.

По окончании исследования гр-н К. в письменной форме подтвердил, что требования ст. 9 УПК РФ, а также ст. 28, 31 и 35 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в ходе предтестовой беседы, инструктажа по порядку проведения тестирования на полиграфе и установки датчиков, тестирования на полиграфе, послетестовой беседы (в случае ее проведения) нарушены не были, претензий не имеет.

С гр-ном К. была проведена предтестовая беседа в целях выяснения отдельных фактов биографии, получения общих сведений о состоянии его здоровья. Обследуемый сообщил, что чувствует себя удовлетворительно, жалоб на состояние здоровья не высказывал.

В ходе предтестовой беседы гр-н К. пояснил, что никакого отношения к убийству гр-ки Л. не имеет, узнал об этом, находясь на парковочной площадке возле кафе «Анталия», когда к нему подошел гр-н Ч. и рассказал о произошедшем. Кто именно стрелял в Л., ему неизвестно. Полученная информация, при необходимости, использовалась для корректировки индивидуальной программы тестирования на полиграфе.

Тестирование на полиграфе проводилось с использованием компьютерного полиграфа модели «Диана», программное обеспечение «Диана. Версия 7.8». При этом с помощью полиграфа отслеживалась динамика психофизиологических реакций обследуемого в ответ на предъявляемые стимулы за счет перевода физиологических показателей активности дыхательной, сердечно-сосудистой системы, электрической активности кожи и др. в электрические сигналы, отображаемые в виде графиков, в совокупности образующих полиграмму. По окончании тестирования полиграмма скопирована на диск DVD, который упакован в бумажный пакет, снабженный пояснительной надписью, заверенной подписью эксперта (приложение 5).

В ходе тестирования на полиграфе гр-ну К. были предъявлены два установочных (стимуляционно-адаптирующих, ознакомительных) и 9 проверочных тестов (приложение 1, прим.

□ нумерация сквозная).

В тесты были включены вопросы нейтрального, контрольного и проверочного характера. Нейтральные вопросы (Нв) служили для оценки уровня психофизиологического реагирования. Вопросы сравнения, или контрольные вопросы (Вс) использовались при сравнительной оценке вызываемых ими реакций с реакциями на проверочные вопросы (Пв), ориентированные на решение задач СПФЭ. Тесты предварительно обсуждались с обследуемым до полного понимания им смысла задаваемых вопросов. По указанию эксперта на каждый из вопросов обследуемому следовало отвечать однозначно – «да»/«нет». При затруднении в даче однозначного ответа формулировка вопросов корректировалась. Обследуемому было разъяснено, что вопросы, с которыми он предварительно не был ознакомлен, задаваться не будут.

Тестирование было начато с фиксации динамики фоновых физиологических показателей обследуемого в спокойном состоянии в отсутствие внешних раздражителей.

Далее были предъявлены установочные тесты, направленные на адаптацию гр-на К. к процедуре тестирования и выявление индивидуальных психофизиологических реакций, возникающих при предъявлении ему заведомо значимых стимулов.

При предъявлении теста № 1 обследуемому было дано указание отвечать «нет» на вопрос, как его зовут, в качестве вариантов ответа на который предлагался перечень мужских имен, включающий собственное имя обследуемого.

При предъявлении установочного теста № 2 гр-ну К. было дано указание отвечать правдиво на все поставленные вопросы. При предъявлении данного теста реакции обследуемого при ответе «нет» на контрольный вопрос: «Вы боитесь результатов сегодняшнего тестирования?», сравнивались с реакциями при ответах на прочие, нейтральные вопросы.

Результаты тестирования показали, что у гр-на К. регистрируемые психофизиологические реакции достоверно отражают степень значимости предъявляемых стимулов.

Проверочные тесты были ориентированы на решение вопросов, поставленных перед экспертом. Тесты № 3, 5–10 были составлены по Методике

контрольных вопросов, тесты № 4, 11 – по Методике выявления скрываемой информации. Каждый из проверочных тестов предъявлялся обследуемому не менее трех раз.

В ходе анализа результатов тестирования на полиграфе полиграммы были подвергнуты общему осмотру, а затем экспертной (качественной и количественной) оценке.

Осмотр полиграмм проводился в целях определения их пригодности для анализа, оценки качества записи, выявления артефактов, общей оценки психофизиологического состояния обследуемого во время тестирования на полиграфе.

В ходе осмотра полиграмм тестов № 5 и 7 (предъявления 1 и 2 каждого теста), теста № 9 были выявлены признаки противодействия, преимущественно, при предъявлении контрольных, иногда – нейтральных вопросов в виде эпизодических задержки либо форсирования дыхания, давления на датчик фотоплетизмограммы. Выявление указанных признаков не исключает возможность анализа результатов предъявления тестов № 5, 7, 9. Их влияние на динамику психофизиологических реакций обследуемого на предъявленные стимулы учитывалось при экспертной оценке полиграмм.

Экспертом была проведена качественная и количественная оценка полиграмм. Результаты количественного анализа по каждому тесту (балльная оценка) указаны в приложении 1.

Ниже приведены примеры описания результатов предъявления проверочных тестов с промежуточными выводами различного характера, составленных по Методике контрольных вопросов (тест № 3) и по Методике выявления скрываемой информации (тест № 4) по условной фабуле преступления.

Вариант 1.

При предъявлении проверочного теста № 3 («Федеральный тест «Фаза-Вы» (Federal You-Phase)) обследуемому были заданы проверочные вопросы:

Пв1. В момент выстрела в Л. оружие находилось в Ваших руках?

Пв2. Вы нажимали на спусковой крючок в момент выстрела в Л.?

На данные проверочные вопросы обследуемый отвечал, с его слов, правдиво – «нет».

При анализе результатов теста № 3 зафиксированы психофизиологические реакции с большей степенью выраженности при ответах обследуемого на проверочные вопросы по сравнению с реакциями при его ответах на контрольные вопросы. Суммарные баллы для проверочных вопросов составляют: -2 (П1), -6 (П2). ЕСБ: -8. Таким образом, при предъявлении теста № 3 были выявлены психофизиологические реакции, обусловленные информированностью гр-на К. о производстве им выстрелов в гр-ку Л.

При предъявлении проверочного теста № 4 обследуемому был задан один общий вопрос: «Вы точно знаете, что в Л. стреляли из ...», в качестве ответа на который предлагались различные варианты, в том числе, известный из материалов дела – пистолет Марголина. При обсуждении теста К. пояснил, что ему неизвестно, из какого именно оружия стреляли в Л.

На все варианты формулировок вопроса с уточнением вида оружия, из которого стреляли в Л., обследуемый отвечал, с его слов, правдиво – «нет».

В ходе анализа результатов проверочного теста № 4 при ответе на вариант № 2: «...из пистолета Марголина» зафиксированы психофизиологические реакции, превышающие по степени выраженности реакции К. при ответах на иные варианты. Суммарный балл по варианту № 2: 8; суммарные баллы по иным вариантам: от 0 до 4. Таким образом, при предъявлении теста № 4 были выявлены психофизиологические реакции, обусловленные информированностью гр-на К. о производстве выстрелов в гр-ку Л. из пистолета Марголина.

Вариант 2.

При предъявлении проверочного теста № 3 («Федеральный тест «Фаза-Вы» (Federal You-Phase)) обследуемому были заданы проверочные вопросы:

Пв1. В момент выстрела в Л. оружие находилось в Ваших руках?

Пв2. Вы нажимали на спусковой крючок в момент выстрела в Л.?

На данные проверочные вопросы обследуемый отвечал, с его слов, правдиво – «нет».

При анализе результатов теста № 3 зафиксированы психофизиологические реакции с большей степенью выраженности при ответах обследуемого на контрольные вопросы по сравнению с реакциями при его ответах на проверочные вопросы. Суммарные баллы для проверочных вопросов составляют: +6 (П1), +8 (П2). Единый суммарный балл (далее – ЕСБ): +14. Таким образом, при предъявлении теста № 3 не выявлено психофизиологических реакций, которые могли быть обусловлены информированностью гр-на К. о производстве им выстрелов в гр-ку Л.

При предъявлении проверочного теста № 4 обследуемому был задан один общий вопрос: «Вы точно знаете, что в Л. стреляли из ...», в качестве ответа на который предлагались различные варианты, в том числе известный из материалов дела – пистолет Марголина. При обсуждении теста К. пояснил, что ему неизвестно, из какого именно оружия стреляли в Л.

На все варианты формулировок вопроса с уточнением вида оружия, из которого стреляли в Л., обследуемый отвечал, с его слов, правдиво – «нет».

В ходе анализа результатов проверочного теста № 4 при ответе на вариант № 2: «...из пистолета Марголина» не зафиксированы психофизиологические реакции, превышающие по степени выраженности реакции К. при ответах на иные варианты. Суммарный балл по варианту № 2: 3; суммарные баллы по иным вариантам: от 1 до 7. Таким образом, при предъявлении теста № 4 не выявлено психофизиологических реакций, которые могли быть обусловлены информированностью гр-на К. о производстве выстрелов в гр-ку Л. из пистолета Марголина.

Вариант 3.

При предъявлении проверочного теста № 3 («Федеральный тест «Фаза-Вы» (Federal You-Phase)) обследуемому были заданы проверочные вопросы:

Пв1. В момент выстрела в Л. оружие находилось в Ваших руках?

Пв2. Вы нажимали на спусковой крючок в момент выстрела в Л.?

На данные проверочные вопросы обследуемый отвечал, с его слов, правдиво – «нет».

При анализе результатов теста № 3 зафиксированы сопоставимые по степени выраженности психофизиологические реакции при ответах обследуемого на контрольные и проверочные вопросы. Суммарные баллы для проверочных вопросов составляют: +1 (П1), -2 (П2). ЕСБ: -1. Полученные результаты не позволяют оценить степень информированности гр-на К. об обстоятельствах, отраженных в указанных проверочных вопросах.

При предъявлении проверочного теста № 4 обследуемому был задан один общий вопрос: «Вы точно знаете, что в Л. стреляли из ...», в качестве ответа на который предлагались различные варианты, в том числе известный из материалов дела – пистолет Марголина. При обсуждении теста К. пояснил, что ему неизвестно, из какого именно оружия стреляли в Л.

На все варианты формулировок вопроса с уточнением вида оружия, из которого стреляли в Л., обследуемый отвечал, с его слов, правдиво – «нет».

При анализе результатов теста № 4 были выявлены сопоставимые по степени выраженности психофизиологические реакции при ответах обследуемого на варианты № 2 «...из пистолета Марголина», № 4 «...из пистолета Макарова», № 5 «...из пистолета Вальтер» при менее выраженных реакциях на иные варианты. Суммарные баллы по вариантам ответов № 2, 4, 5 составляют: 5, 5, 6; суммарные баллы по иным вариантам: от 0 до 2. Полученные результаты не позволяют оценить степень информированности гр-на К. о виде оружия, из которого был произведен выстрел в гр-ку Л.

Далее приведены примеры синтезирующей части заключения полиграфолога по условной фабуле преступления (согласно Методическим рекомендациям СЭЦ СК РФ).

Вариант 1.

Таким образом, в ходе предъявления проверочных тестов № 3-11 были выявлены психофизиологические реакции, обусловленные информированностью гр-на К. об обстоятельствах производства выстрела в гр-ку Л.

На основании комплексной оценки полученных данных (судя по характеру, степени выраженности и соотношению психофизиологических реакций на вопросы тестов, предъявленных обследуемому) эксперт приходит к выводу, что информация, которой располагает гр-н К., вероятно, была получена в момент производства им выстрела в гр-ку Л. из пистолета Марголина, (здесь указываются иные обстоятельства, установленные в процессе тестирования на полиграфе, например, местонахождение стрелявшего).

Вариант 2.

Таким образом, в ходе предъявления проверочных тестов № 3-11 не было выявлено психофизиологических реакций, обусловленных информированностью гр-на К. об обстоятельствах производства выстрела в гр-ку Л.

Если в процессе тестирования на полиграфе не выявлено устойчивых выраженных психофизиологических реакций на проверочные вопросы, полиграфолог объективно лишается возможности вынести какое-либо суждение о степени информированности обследуемого о событии, послужившем основа-

нием для проведения исследования, и обстоятельствах получения интересующих следствие сведений.

В связи с вышеизложенным вопрос № 2 постановления о назначении экспертизы не решался.

Вариант 3.

Таким образом, в ходе тестирования на полиграфе не было выявлено устойчивых выраженных психофизиологических реакций на проверочные вопросы тестов по сравнению с реакциями на контрольные вопросы. В связи с этим определить степень информированности гр-на К. об обстоятельствах производства выстрела в гр-ку Л. и ответить на вопросы постановления о назначении экспертизы не представляется возможным.

В соответствии с приведенными в приложениях 6 и 7 к Методическим рекомендациям СЭЦ СК РФ вариантами описания результатов предъявления проверочных тестов выводы эксперта-полиграфолога могут быть нижеследующими.

Вариант 1.

1. В ходе исследования с применением полиграфа в отношении гр-на К. выявлены психофизиологические реакции, обусловленные его информированностью об обстоятельствах производства выстрела в гр-ку Л.

2. Информация, которой располагает гр-н К., вероятно, была получена в момент производства им выстрела в гр-ку Л.

Вариант 2.

1. В ходе исследования с применением полиграфа не было выявлено психофизиологических реакций, обусловленных информированностью гр-на К. об обстоятельствах производства выстрела в гр-ку Л.

2. По причинам, изложенным в исследовательской части заключения, вопрос не решался.

Вариант 3.

1, 2. По причинам, изложенным в исследовательской части заключения, ответить на вопросы, поставленные на разрешение эксперта, не представляется возможным.

Подводя итог изложенному, необходимо особо подчеркнуть, что определение экспертным путем степени информированности участника судопроизводства о юридически значимой ситуации следует отличать от процессуальной оценки доказательств в порядке ст. 88 УПК РФ. Применительно к деятельности лиц, несущих бремя доказывания, «достоверность» представляет собой качество доказательства, характеризующее точность, правильность отражения обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в то время как эксперты-полиграфологи оказывают содействие следствию и суду в оценке «информационного состояния» участника процесса, используя специальные знания в области полиграфологии [о понятии «диагностика информационного состояния субъекта» см.: 7, с. 93, 102-103].

Список литературы:

1. Семёнов В. В., Иванов Л. Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве. М. : Юр-литинформ, 2008.
2. Криминалистика : учебник (уровень специалитета) / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. М. : Проспект, 2019.
3. Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи» : академический курс. Ярославль : Ньюанс, 2004.
4. Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа: практическое пособие / Б. Н. Мирошников и др.. М. : Академия управления МВД России, БСТМ МВД России, 2008.
5. Пеленицын А. Б., Сошников А. П. Современные технологии применения полиграфа : в 4 ч. М. : Изд-во АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», 2015.
6. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М. : Юристь, 1999.
7. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992.

Кучин Олег Стасьевич

профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия (РГУП)»,
доктор юридических наук, доцент,
г. Москва, Россия.

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОРСКОГО БРАКОНЬЕРСТВА

Аннотация: Стратегия национальной безопасности РФ определяет защиту экологии живых систем и их рациональное природопользование. Важнейшей задачей этой стратегии является сохранения и поддержание воспроизводства морских биологических ресурсов. Наиболее распространенным преступлениями в данной сфере является незаконная добыча морских биоресурсов, к которым относятся не только рыба, но и иные различные морские животные. В связи с этим в настоящее время эффективность расследования незаконной добычи морских биоресурсов представляет собой одну из приоритетных задач, решаемых правоохранительными органами и следователями.

Ключевые слова: морские биоресурсы, специальные знания, морские суда, браконьеры, территориальная зона, судебные экспертизы, расследование, проведение экспертиз.

Annotation: The national security Strategy of the Russian Federation defines the protection of the ecology of living systems and their rational use of natural resources. The most important task of this strategy is to preserve and maintain the reproduction of marine biological resources. The most common crime in this area is illegal extraction of marine bioresources, which include not only fish, but also various other marine animals. In this regard, the effectiveness of the investigation of illegal extraction of marine bioresources is currently one of the priorities addressed by law enforcement agencies and investigators.

Key words: marine bioresources, special knowledge, sea vessels, poachers, territorial zone, forensic examinations, investigation, conducting examinations

Российская Федерация является великой морской державой. В её хозяйственном ведении находится не только 12-мильная территориальная зона, но и 200-километровая зона хозяйственной деятельности на морском шельфе, а также внутренние моря. Актуальность исследования вопросов проведения судебных экспертиз при расследовании актов браконьерства, совершаемых на морских акваториях обусловлена тем, что в Российской Федерации эта проблема на современном этапе борьбы с данными преступлениями приобрела серьезную остроту. Анализ состояния морского браконьерства в современных условиях свидетельствует об устойчивой тенденции его роста, возрастающей масштабности, организованности, профессионализме.

В современных условиях возрастает заинтересованность хозяйствующих субъектов в увеличении объемов добычи водных биоресурсов, завоевании рынков сбыта, получении максимальной прибыли. Это в свою очередь влияет на динамику роста их незаконной добычи, ведет к исчезновению наиболее ценных видов морских животных, потере биологического разнообразия, что, несомненно, приводит к нарушению экологического баланса. Этими преступлениями причиняется огромный и невосполнимый вред окружающей среде и экономике страны.

Стратегия национальной безопасности РФ в числе национальных интересов страны и стратегических национальных приоритетов определяет экологию живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны. Важнейшей задачей обеспечения национальной безопасности государства является сохранения и поддержание воспроизводства морских биологических ресурсов.

Наиболее распространенным преступлениями в данной сфере является незаконная добыча морских биоресурсов, к которым относятся не только рыба, но и иные различные морские животные, моллюски, различные голотурии, ракообразные – крабы и креветки. В связи с этим в настоящее время эффективность расследования незаконной добычи морских биоресурсов представляет собой одну из приоритетных задач, решаемых правоохранительными органами и следователями.

По данным ГИАЦ центра МВД России, в России ежегодно регистрируется 22-24 тысячи преступлений, посягающих на водные (в том числе и морские) биоресурсы.¹

В ходе проведённого исследования следственно-судебной практики было установлено, что при расследовании уголовных дела связанных с морским браконьерством систематически назначаются следующие виды судебных экспертиз: биологическая, навигационная, судоводительская, технологическая, оценочная, компьютерно-техническая, трасологическая, ветеринарно-санитарная, почерковедческая, технико-криминалистическая экспертиза документов, дактилоскопическая, фото- и видеотехническая, фоноскопическая, химическая. Также, при расследовании рассматриваемых преступлений назначаются иные судебные экспертизы, с помощью которых возможно установить обстоятельства, имеющие значение для расследуемого дела: финансово-бухгалтерская, фотопортретная, психиатрическая.

Поэтому профессиональное определение объектов, направляемых на различные виды экспертиз и формулирование соответствующих вопросов экспертам, являются значимыми элементами на этапе подготовки к назначению экспертизы.

Как показывает практика расследования преступлений, связанных с морским браконьерством, в основном необходимые объекты дознаватель получает в ходе следственных действий, в основном осмотра места происшествия, обыска, выемки на борту морского судна.

Качество подготовки объектов, направляемых на экспертизу, во многом зависит от их надлежащей фиксации и изъятия. Учитывая особенности и специфику объектов, следов браконьерской деятельности, большую помощь дознавателю оказывают специалисты, принимающие участие в следственных действиях и оказывающие содействия дознавателю в обнаружении и изъятии вышеуказанных следов и объектов.

Особые требования предъявляются к формулировке вопросов, поставленных перед экспертом. Вопросы в постановлении о назначении экспертизы не должны выходить за пределы компетенции эксперта, не должны иметь юридический характер. Следует формулировать вопросы последовательно, исходя из особенностей представленных объектов и конкретной следственной ситуации. Вопросы должны быть четко и ясно сформулированными, конкретными, исключающими возможность двойного толкования и обязательно основываться на материалах уголовного дела. По мнению автора, является неразумной практикой, когда вопросы эксперту дословно переписываются из литературы по судебной экспертизе, не отражающие особенность и специфику конкретного дела.

¹ См.: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/11715403>.

Объём настоящей статьи не позволяет рассмотреть особенности всех проводимых по делам о морском браконьерстве экспертизам. Поэтому остановимся на основных.

Одними из наиболее часто назначаемых и занимающих важное место в установлении всех обстоятельств морского браконьерства являются биологическая, экологическая и ихтиологическая экспертизы. Они назначаются для определения вида водных биологических ресурсов, характера и размера причиненного ущерба, а также в целях установления района обитания и миграционных путей, времени, способа и места их незаконного вылова.

Учитывая многообразие объектов исследования вышеуказанных экспертиз, следует отметить, что объектом исследования ихтиологической экспертизы является исследование рыб. За пределами рассмотрения ихтиологической экспертизы остаются киты, морские котики, морские бобры (млекопитающие); крабы, креветки (ракообразные); гребешки, кальмары (моллюски); морские ежи, трепанги (иглокожие) и другие животные, которые также являются объектами морского браконьерства. В связи с этим, представляется целесообразно проводить исследование указанных морских животных, кроме рыб, в рамках отдельного вида судебной биологической экспертизы.

Таким образом, следует предложить разную классификацию биологических экспертиз, исследующих морские биологические ресурсы, включающую следующие ее виды: ихтиологическая экспертиза, экспертиза гидробионтов, экспертиза морских млекопитающих. Указанные экспертизы обладают объектом и методами исследования, что позволяет их рассматривать как самостоятельный вид экспертиз.

Биологической, экологической, ихтиологической экспертизам отводится ведущее место среди проводимых экспертиз, в целях установления обстоятельств, совершения морского браконьерства.

Правоприменительная практика расследования рассматриваемой категории преступлений показывает, что получение образцов морских биологических ресурсов для сравнительного исследования имеет свои особенности.

В то же время в специальной литературе не определены четкие требования, предъявляемые к сравнительным образцам для проведения всех видов биологической экспертизы морских биологических ресурсов. Отсутствуют научные рекомендации по порядку их получения, необходимому объему и качеству для возможности производства экспертного исследования. Так, например, при выпуске морских животных в естественную среду обитания ихтиологу следует обязательно фиксировать повреждения особей (травмирование), измерять их и взвешивать. Степень и количество травмированных особей (например – преимущественно крабов) косвенно свидетельствует об их вылове или перегрузе. Для установления размерных и весовых показателей морских биоресурсов необходимо использовать сертифицированные измерительные приборы.

Поэтому при осмотре места происшествия необходимо подробно описывать признаки, характеризующие вид водных животных, признаки их жизнеспособности, размерно-весовые показатели особей не промыслового разме-

ра. Обязательным условием является проведение фото- или видеофиксации, применяя при этом узловую и детальную фотосъемку. Одновременно с этим рекомендует изымать по одной или две особи каждого вида для обеспечения принципа объективности и соблюдения прав подозреваемого после заявления ходатайства стороны защиты о назначении дополнительной или повторной экспертизы по предмету преступного посягательства, а также в случае поломки технических средств фиксации, способной привести к утрате фото- или видеоматериала.

Получение образцов для сравнительного исследования по уголовным делам о морском браконьерстве имеет свои особенности, и количество особей водных биоресурсов, подлежащих изъятию, зависит от их общего количества и состояния жизнеспособности, а также обстоятельств расследуемого уголовного дела. Одновременно следует отметить, что разрешение многих вопросов при производстве биологической экспертизы невозможно без подробного изучения объектов исследования и требует достаточного их количества.

После обследования водных биологических ресурсов ихтиологом, определения их видового состава, жизнеспособности и возможности возвращения в естественную среду обитания, дознавателем в качестве образцов для сравнительного исследования отбирается не менее 5 экземпляров каждого вида. В случае установления нецелесообразности возвращения водных биологических ресурсов в естественную среду обитания по причине их ослабления (снутого состояния) или гибели, дознаватель может изъять в качестве образцов для сравнительного исследования большее количество экземпляров водных биологических ресурсов, если имеется необходимость, то возможно произвести изъятие всех особей. Следует отметить, что, например, самки и молодь всех видов крабов даже в снутом состоянии выпускаются в море. Водные биоресурсы в виде готовой продукции также могут изыматься в полном объеме.

Получение сравнительных образцов морских биологических ресурсов возможно в ходе производства осмотра места происшествия, обыска, выемки, либо следственного действия в порядке, предусмотренном ст. 202 УПК РФ. При возникновении затруднений с определением объема изъятия образцов для сравнительного исследования целесообразно предварительно проконсультироваться у эксперта.

Изъятые в качестве сравнительных образцов экземпляры упаковываются в мешки (пакеты), опечатываются ярлыком, на котором выполняется пояснительная надпись, содержащая: описание содержимого мешка (пакета), количество (вес) экземпляров, в ходе какого следственного действия были изъяты экземпляры, дата и место составления протокола, ставятся подписи понятых, специалиста (эксперта), иных участвующих лиц, дознавателя. Ярлык должен быть заверен оттиском печати органа предварительного расследования.

Проведенный анализ практики назначения и производства судебных биологических (экологических, ихтиологических) экспертиз при расследова-

нии преступлений, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, совершенных с использованием иностранных морских судов, показал, что перед экспертом в большинстве случаев ставятся следующие вопросы:

1. К какому виду относятся представленные на исследование водные биологические ресурсы?

2. Каково биологическое состояние представленных на исследование водных биологических ресурсов?

3. Каков вес представленных на исследование водных биологических ресурсов до дефростации и после нее?

4. Какова минимальная, средняя, максимальная навеска, размерная характеристика всех особей водных биологических ресурсов, представленных на исследование?

5. На каких глубинах и в каких районах мирового океана обитают представленные на исследование водные биологические ресурсы?

6. Являются ли изобаты в районе с координатами ... (место задержания судна) либо на близлежащих участках промысловыми?

7. Возможно ли, в период с ... по ... добыть (выловить) с применением самоходного транспортного плавающего средства ... (вес, количество водных биологических ресурсов) в районе с координатами ... (место задержания судна) либо на близлежащих участках?

8. Возможно ли, по состоянию водных биологических ресурсов определить производилась ли перегрузка водных биологических ресурсов с другого судна после их добычи (вылова)? Если возможно, то чем это характеризуется и производился ли перегруз водных биологических ресурсов на судно ... (название)?

9. Возможно ли, определить за сколько дней до задержания судна ... (название) были извлечены из естественной среды обитания водные биологические ресурсы, обнаруженные на борту этого судна?

10. Травмируются ли особи краба при нахождении в крабовых ловушках, поднятии ловушек с крабами на борт судна, извлечении крабов из крабовых ловушек, помещении крабов в трюма судна, нахождении крабов в трюмах судна в скученном состоянии, извлечении крабов из трюма судна, а также при выпуске крабов в естественную среду обитания?

11. Нанесен ли ущерб водным биологическим ресурсам? Каким образом производится расчет ущерба, причиненного незаконным добычей (выловом) водных биологических ресурсов? Каков размер нанесенного ущерба, является ли ущерб крупным?

При этом отметим, что при расследовании рассматриваемых преступлений в отдельных ситуациях возникает необходимость установить происхождение объектов (фрагментов) донных морских беспозвоночных животных, обнаруженных на палубах и в трюмах задержанного морского судна в ходе проведения осмотра места происшествия или оперативно-розыскных мероприятий.

Перед экспертом в данной ситуации могут быть поставлены следующие вопросы:

1. К какому виду относятся представленные на исследование водные биологические ресурсы?

2. В результате какого вида деятельности морского судна могли появиться обнаруженные на судне ... (название) образцы, представленные на исследование?

3. Могли ли образцы, обнаруженные на судне ... (название), появиться в результате добычи (вылова) краба с использованием именно этого судна?

Предложенный перечень вопросов является примерным и не исчерпывающим. В зависимости от конкретной ситуации расследуемого дела он может быть изменен и дополнен после предварительной консультации с экспертом.

Другой немаловажной судебной экспертизой, проводимой по делам о морском браконьерстве является навигационная или судоводительская экспертиза.

Она назначается для установления маршрута движения, места задержания судна, места и времени вылова морских биоресурсов, обнаруженных на борту промыслового судна.

На ее разрешение при расследовании рассматриваемых преступлений могут быть поставлены следующие вопросы:

1. К каким водам относится точка с географическими координатами ... (место задержания судна)?

2. Какая глубина моря в точке с географическими координатами ... (место задержания судна)?

3. Возможно ли, осуществить переход судна ... (название) из точки с географическими координатами ... до точки с географическими координатами ... при скорости судна ... узлов за период с ... по ..., следуя кратчайшим расстоянием, с учетом имеющихся в этом районе течений и состояния погоды в указанный период?

4. За какой промежуток времени возможно осуществить переход судна ... (название) из точки с географическими координатами ... до точки с географическими координатами ..., следуя кратчайшим расстоянием при скорости судна ... узлов? Все расчеты производить с учетом имеющихся в этом районе течений и состояния погоды в указанный период (согласно материалам дела).

5. Каким курсом должно следовать судно ... (название) из точки с географическими координатами ... для следования в порт ... (название)?

6. В каком направлении двигалось судно ... (название) после его обнаружения ... (дата, средство обнаружения) и до его задержания?

7. Возможен ли дрейф судна ... (название) с ... по ... из точки с географическими координатами ... в точку с географическими координатами ..., учитывая имеющиеся в этом районе течения и состояние погоды в указанный период?

Указанный перечень вопросов при необходимости может быть дополнительно сформирован и расширен в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Таким образом, следует подчеркнуть, что правильное формулирование вопросов, полнота и качество представляемых на исследование эксперту материалов, значительно повышают эффективность использования специальных знаний при производстве рассмотренных в статье основных экспертиз при расследовании морского браконьерства.

Вместе с тем анализ практики расследования преступлений, связанных с морским браконьерством свидетельствуют, что назначение и производство экспертиз сопряжено с определенными трудностями.

Например, в экспертно-криминалистических подразделениях ФСБ России и других ведомств отсутствуют штатные эксперты по специальностям в области ихтиологии, промышленного рыболовства, навигации и судовождения.

В связи с этим экспертные исследования в вышеперечисленных областях знаний приходится производить в иных негосударственных судебно-экспертных учреждениях и государственных организациях, что требует значительных финансовых затрат за проведенные исследования.

В конце следует отметить, что возможности экспертиз, основанные на использовании современных достижений науки и техники, вне всякого сомнения, способствуют повышению эффективности противодействия морскому браконьерству и качеству расследуемых уголовных дел.

Список литературы:

1. Аминев Ф.Г. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности / Д.А. Чемерис, А.М. Сагитов, Ф.Г. Аминев, В.И. Луценко, Р.Р. Гарафутдинов, А.Р. Сахабудинова, Р.Г. Василов, Я.И. Алексеев, П.А. Сломинский, Э.К. Хуснутдинова, А.В. Чемерис // Биомика. 2018. Т. 10. № 1. С. 85-140
2. Уголовное дело № 1-186/2018. Самарский районный суд г. Самары.
3. Аминев Ф.Г. Геномная регистрация всего населения и этические вопросы формирования и использования соответствующих баз данных // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях. Материалы VII Международной научно-практич.конф. Уфа, 2018. С. 16–22;
4. Перепечина И.О. Генетическая идентификация как частная криминалистическая теория и новая отрасль криминалистической техники// Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Междунар. научно-практич. конф., посв 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. – М.: МАКС Пресс, 2015. С. 88 – 93.
5. Колдин В.Я. Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002. С. 88;

6. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юрист, 2005. С. 134

7. Эксархопуло А.А., Макаренко, И.А. К вопросу о сущности криминалистической идентификации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 12-19

Лифанова Марина Владиславовна,
доцент кафедры уголовного права и процесса Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Уфа, Россия.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены понятие и признаки специальных знаний. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства РФ.

Ключевые слова: специальные знания, специалист, эксперт.

Annotation: This article discusses the concept and features of special knowledge. On the basis of the conducted research, proposals are formulated to improve the criminal procedure legislation of the Russian Federation.

Keywords: special knowledge, specialist, expert.

Эффективное расследование преступлений невозможно без применения специальных знаний, что особенно актуально в век высоких технологий. Преступники всегда проявляли повышенную активность в освоении технических новинок и возможностей. В результате способы совершения преступлений совершенствуются, модернизируются, возникают новые, весьма оригинальные криминальные схемы, что осложняет процесс доказывания.

Вместе с тем вопрос о понятии специальных знаний в уголовно-процессуальной науке весьма сложен и многоаспектен.

Одно из определений специальных знаний имеется в Федеральном законе № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в ст.2 которого указано, что «Задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». На этой основе УПК РФ формулирует понятия специалиста и эксперта как лиц, обладающих

«специальными знаниями» (ст. ст. 57, 58 УПК РФ). При этом действующим уголовно-процессуальным законом не установлено, какие именно знания являются специальными и не сформулирована соответствующая дефиниция. Отсутствует указанное определение и в ст.5 УПК РФ, что как нам представляется, является существенным пробелом.

Одно из первых определений «специальных знаний» в советском уголовном процессе было сформулировано А.А. Эйсманом, который предложил понимать под специальными знаниями не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов 4, с.91.

Большая советская энциклопедия под знанием понимает «совокупность сведений, познаний в какой-либо области; проверенный практикой результат познания действительности, её верное отражение в сознании человека».

А.В. Варданян трактует специальные знания как знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемых при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде 2, с. 159.

Е.Р. Россинская полагает, что определяющим признаком являются профессиональная подготовка и профессиональный опыт. В этой связи она отмечает, что специальными знаниями являются «теоретические знания и практические навыки в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемые путем прохождения специальной подготовки или обретения профессионального опыта и используемые для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства. Причем к специальным не относят общеизвестные, а также юридические познания» 3, с.263.

Мы полагаем, что, определяя сущность специальных знаний в уголовном процессе целесообразно исходить из следующих характеристик.

1) Специальные знания не могут быть широкодоступными. В этой связи УПК РФ относит к содержанию специальных знаний только знания в сфере науки, искусства, техники и ремесла.

2) Специальные знания являются результатом профессионального обучения субъекта или его профессиональной подготовки.

3) Специальные знания в уголовном процессе применяются в целях установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. При этом использование специальных знаний в процессе доказывания возможно в строго определенных законом формах.

Перечисленные характеристики, как отражающие сущность понятия «специальные знания» в уголовном процессе, должны быть, по нашему мнению, положены в основу их дефиниции. Таким образом, специальные знания – это знания в области науки, техники, искусства или ремесла, не являющиеся общеизвестными, приобретенные в результате профессиональной подготовки и (или) практического опыта их носителя и используемые в опреде-

ленной законом форме для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В этой связи предлагаем дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 44.1, который содержал бы указанное определение специальных знаний.

Таким образом, развитие категории «специальные знания» в уголовно-процессуальной науке должно завершиться ее законодательным закреплением. Отметим, также огромную научную и практическую значимость рассматриваемой категории, что делает необходимым ее дальнейшее теоретическое совершенствование.

Список литературы:

1. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Электронный ресурс URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/bse30.htm> (дата обращения: 21.09.2020).
2. Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ – Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 158-163.
3. Россинская Е. Р. Избранное. М. : Норма, 2019. 712 с.
4. Эйсман А.А. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). М. : Юрид. лит., 1967. 152 с.

Маилян Ани Варужановна,
преподаватель кафедры криминалистики и ОРД ФГКОУ ВО
«Ростовский юридический институт МВД России»,
г. Ростов-на-Дону, Россия.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОМОЩИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Аннотация: в статье обращается внимание на то, что механизм совершения хищений с использованием электронных средств платежа, зачастую сам по себе детерминирует необходимость обследования компьютерных средств и иных электронных устройств, что актуализирует проблемы надлежащего изъятия и/или копирования соответствующей цифровой информации и/или ее носителей. Несомненным средством обеспечения сохранности, а также относимости, допустимости и достоверности доказательственной информации, находящейся на электронных носителях, является участие специалиста в сфере компьютерных технологий при производстве следственных

действий. Однако регламентация ряда уголовно-процессуальных норм оставляет неоднозначными вопросы о порядке допустимых действий, включая содержание и объем поручений, даваемых специалистам в ходе производства следственных действий. Автор обосновывает позицию о том, что, во-первых, положения ч.ч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ носят универсальный (а не соподчиненный к ч. 1 ст. 164.1, ст. 164 УПК РФ) характер. Во-вторых, принятие следователем решения об изъятии исходных носителей компьютерной информации с предоставлением заинтересованным лицам копий по их ходатайству (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ), либо о копировании (без изъятия) данной информации (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ) должно сопровождаться консультативной помощью специалиста в области компьютерных технологий с учетом анализа текущей следственной ситуации. Аналогичным образом участие указанного специалиста обязательно и в процессе непосредственного проведения следственных действий, в случаях, предусмотренных не только ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, но и ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ.

Ключевые слова: хищения, электронные средства платежа, компьютерная информация, носители информации, компьютерная техника, специалист, следователь, следственные действия, доказательства

Annotation: the article draws attention to the fact that the mechanism of committing theft using electronic means of payment often determines the need for examination of computer tools and other electronic devices, which actualizes the problems of proper withdrawal and/or copying of relevant digital information and/or its carriers. An undoubted means of ensuring the safety, as well as the relevance, admissibility and reliability of evidentiary information located on electronic media, is the participation of a specialist in the field of computer technology in the production of investigative actions. However, the regulation of a number of criminal procedure rules leaves ambiguous questions about the procedure for permissible actions, including the content and scope of instructions given to specialists in the course of investigative actions. The author justifies the position that, first, the provisions of parts 2 and 3 of art. 164.1 of the code of criminal procedure are universal (and not subordinate to part 1 of article 164.1, article 164 of the code of criminal procedure). Secondly, the investigator's decision to withdraw the original computer information carriers and provide copies to interested persons at their request (part 2 of article 164.1 of the code of criminal procedure), or to copy (without withdrawal) this information (part 3 of article 164.1 of the code of criminal procedure) should be accompanied by the advice of a specialist in the field of computer technology, taking into account the analysis of the current investigative situation. Similarly, the participation of the specified specialist is mandatory in the process of directly conducting investigative actions, in cases stipulated not only by part 2 of article 164.1 of the code of criminal procedure, but also part 3 of article 164.1 of the code of criminal procedure.

Keyword: theft, electronic means of payment, computer information, storage media, computer equipment, specialist, investigator, investigative actions, evidence.

Под хищениями, совершаемыми с использованием электронных средств платежа, нами условно понимаются преступления, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ. Эти деяния объединяет такие особенности, как противоправное изъятие (путем кражи либо мошенничества) чужих денежных средств, находящихся на соответствующих счетах, обслуживаемых с помощью банковских карт как специфических инструментов электронного денежного обращения. Механизму совершения таких деяний имманентно присуще использование компьютерных средств и иных электронных устройств, обеспечивающих реализацию финансовых операций, что указывает на необходимость их изъятия (либо копирования) для установления обстоятельств совершения преступного посягательства.

Однако физическое изъятие сложной компьютерной техники, интегрированной в различные телекоммуникационные системы, без должного применения квалифицированных знаний специалистов в сфере компьютерных технологий, способно повлечь колоссальный вред как лицам и организациям, потерпевшим от преступлений, так и субъектам, не имеющим прямого интереса к результатам расследования (например, предпринимателям и юридическим лицам, реализующим продукцию, приобретенную путем использования чужой банковской карты в порядке хищения денежных средств, находящихся на электронном счете), а то и лицам, не имеющим никакого отношения к уголовному судопроизводству. Кроме того, неумелые манипуляции с компьютерной техникой с большой вероятностью могут обесценить значимость данных средств как носителей доказательственной информации (в виде электронных следов преступления) вследствие ее искажения или уничтожения. Указанные обстоятельства усиливают запрос на повышение результативности использования специальных знаний [1, с. 158 – 163; 2, С. 38 – 41; 3, С. 785 - 784] при проведении следственных действий в отношении данных объектов.

Закономерно, что уголовно-процессуальным законом предпринимаются определенные меры по предотвращению дискредитации данных источников доказательств, в частности, – минимизации вероятности повреждения технических свойств указанных устройств, в том числе в плане наличия и содержания в их памяти соответствующей информации, имеющей значение для расследования. В качестве важного условия работы с компьютерными устройствами как информационными источниками законодатель определяет участие специалистов [4, с. 3 – 8; 5, С. 16 - 21]. Вносятся неоднократные коррективы и в сами процессуальные нормы.

Так, изначально положения ст.ст. 182 и 183 УПК РФ (регулирующие порядок производства обыска и выемки) были дополнены соответственно частями 9.1 и 3.1 (содержательно идентичными) в которых были прописаны особенности изъятия средств компьютерной техники и копирования информации, содержащейся на цифровых носителях. В частности, была предусмотрена возможность по ходатайству заинтересованных лиц, при условии предоставления ими необходимых дополнительных единиц средств компьютерной техники, осуществить (с помощью специалиста) копирование электрон-

ной информации на предоставленный носитель с изъятием исходного носителя. Федеральным законом РФ от 27.12.2018 № 533-ФЗ эти нормы были упразднены, но введены новые правила работы с электронными носителями доказательственной информации, на этот раз – на уровне общих правил производства следственных действий (ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1 УПК РФ). Действительно, необходимость обращения со средствами компьютерной техники не исчерпывается обыском и выемкой, а может возникнуть в ходе осуществления практически любого следственного действия, имеющего невербальную природу (полностью или в качестве элемента). Также несомненным достоинством этих норм (помимо требования об участии специалиста) выступает обеспечение защиты законных интересов организаций и индивидуальных предпринимателей, предотвращение срыва их производственно-хозяйственной деятельности в результате изъятия следователем данных устройств (в том числе изъятия электронных носителей по причине отсутствия специальных знаний, позволяющих осуществить копирование необходимой информации). Изъятие средств компьютерной техники предусмотрено при наличии ограниченных в законе оснований.

Вместе с тем, необходимы дальнейшие меры по совершенствованию работы с доказательственной информацией, находящейся на электронных носителях. Законодатель не уточняет, специалиста в какой-либо сфере необходимо привлекать для участия в производстве следственных действий, сопровождающихся обнаружением, фиксацией, изъятием и исследованием электронной информации. Очевидно, что участие специалиста-криминалиста будет неэффективным в силу несоответствия специализации данного лица специфике следовой информации; необходимо приглашение специалиста в сфере компьютерных технологий.

Кроме того, правила ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1 УПК РФ применяются, во-первых, при расследовании ограниченного перечня деяний (применительно к исследуемой нами группе деяний в нем упоминается лишь ст. 159.3 УК РФ), во-вторых, в отношении хищений, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. Однако анализ эмпирических данных показывает, что сфера обращения товарно-материальных ценностей как содержание предпринимательской деятельности в данном случае служит лишь элементом обстановки деяний, а электронные средства платежа – орудием и средством совершения хищения чужого имущества. Поэтому едва ли рассматриваемые нами деяния можно, по общему правилу, отнести к хищениям в сфере предпринимательской деятельности.

Соответственно, отсутствует определенность, какими именно нормами руководствоваться следователю, а значит, в каком масштабе давать соответствующие поручения специалисту в ходе производства следственных действий невербальной природы: – общими положениями, регламентирующими производство осмотра, обыска, выемки, сохраняющими за следователем, по общему правилу, возможность изъятия любого материального объекта (в т.ч. носителя информации), имеющего отношение к делу; – либо положениями ч.ч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ, предписывающими возможность изъя-

тия электронных носителей информации с участием специалиста, а также права следователя (самостоятельно либо при содействии специалиста как дополнительного участника следственного действия) копирования информации, содержащейся на электронном носителе.

На наш взгляд, при необходимости обнаружения, фиксации, изъятия электронной информации в ходе расследования преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ, необходимо руководствоваться положениями ч.ч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ. Несмотря на то, что ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ носит бланкетный характер, отсылая к положениям ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, где указан перечень составов, так или иначе посягающих на предпринимательскую деятельность, полагаем, что конструкция ч.ч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ представлена таким образом, что позволяет считать эти положения не зависящими от указанного ограниченного перечня преступных посягательств, а носящими, скорее, универсальный характер.

Принятие следователем решения об изъятии исходных носителей компьютерной информации с предоставлением заинтересованным лицам копий по их ходатайству (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ), либо о копировании (без изъятия) данной информации (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ) должно сопровождаться консультативной помощью специалиста в области компьютерных технологий с учетом анализа текущей следственной ситуации. Аналогичным образом участие указанного специалиста обязательно и в процессе непосредственного проведения следственных действий, в случаях, предусмотренных не только ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, но и ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ.

Список литературы:

1. Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 158-163
2. Варданян А.В. Дискуссионные вопросы формирования дефиниции понятия специалиста в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 4 (83). С. 38-41
3. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности //Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 785-794
4. Варданян А.В. Влияние научно-технического прогресса на модернизацию общетеоретических положений криминалистики // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону. 2019. С. 3-8
5. Варданян А.В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019. С. 16-21

Мамонтов Алексей Владимирович,
заместитель заведующего лаборатории судебно-технической
экспертизы документов ФБУ «Российский Федеральный центр
судебной экспертизы при Минюсте России»,
г. Москва, Россия.

К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ ДОКУМЕНТОВ НА БУМАЖНОЙ ОСНОВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СТЭД

Проблема сохранности вещественных доказательств во все времена стояла достаточно остро перед широким сонмом служителей закона. И утверждение о том, что вещественные доказательства – это краеугольный камень всего процесса доказывания не станет спорным по той простой причине, что на практике их исследование и оценка требуют глубоких знаний и значительных усилий от всех участников расследования или судебного процесса. Так почему же вещественные доказательства нередко становятся тем, что порождает споры, дискуссии и порой не дает выстроить здание доказывания быстро и качественно, а не прочным фундаментом доказательственной базы? Это часто связано с тем, что сам по себе предмет или документ, выступающий вещественным доказательством опосредованно, без привязки к событию преступления или к какому-либо юридическому факту, ничего из себя не представляет. Установить эту самую причинно-следственную связь, наделить конкретный объект доказательственной силой может только криминалистически значимая информация, основным свойством которой, в свою очередь, является ее перманентность. Это значит, что конкретный объем и конфигурация массива информации напрямую связана с конкретным событием, имеющим свое четкое положение во времени и пространстве. Вместе с тем, любая информация подвержена энтропии, что, собственно, и делает ее уникальной, но одновременно и подвижной, изменчивой. Таким образом, переносясь на ниву криминалистической науки, из приведенных утверждений можно сделать два весьма важных вывода:

1. Криминалист должен обеспечить при исследовании вещественного доказательства условия сохранности информационного поля, а при вмешательстве в ходе исследования – обратимость принесенных информационных шумов.

2. Криминалист должен уметь оценивать следовую картину, извлекая именно те сведения, которые имеют значение по конкретному делу, сепарируя их от постороннего информационного фона.

Данные рассуждения о криминалистически значимой информации по своей сути не являются чем-то новым. Здесь лишь предпринята попытка определенным образом структурировать гносеологическую проблематику одного из аспектов экспертного исследования. Применительно же к практике криминалистического исследования документов, специалисты зачастую сталкиваются с тем, что перенести «алгоритмы экспертного познания» на конкретный

объект не всегда возможно в виду отсутствия соответствующего методического обеспечения. Здесь среди основных вопросов необходимо выделить проблемы исследования поврежденных документов и обеспечение сохранности информационного поля документа – вещественного доказательства.

Исследование поврежденных документов или, говоря корректнее, документов, подвергшихся изменению в результате воздействия факторов внешней среды, – это отдельная и очень сложная тема, требующая глубокой научной проработки. Здесь же мы коснемся второго вопроса – сохранности объектов, а именно, их консервации.

Обеспечение сохранности документов – это важная задача, которая должна включать в себя целый комплекс мероприятий, направленных на формирование особой окружающей среды, в которой специальным образом должны быть подобраны температура воздуха, его влажность, установлены определенные световой и санитарно-гигиенический режим. Для криминалистов данный подход является определенной новеллой, однако принципиально новых изобретений или достижений науки и техники он не требует. Так, у музейных и архивных специалистов за долгие годы выработалась определенная практика создания оптимальных условий хранения бумаги, нашедшая свое выражение в стандарте – ГОСТ 7.50-2002 «СИБИД. Консервация документов. Общие требования». Таким образом, работа с документом, являющимся вещественным доказательством, с целью сохранения его структуры и уникальности информационного поля представляется в виде некоего алгоритма действий.

Можно много рассуждать о понятии документа в криминалистической науке, рассматривать различные позиции, выстраивать их пространные апологии, но суть все равно будет сводиться к тому, что документ – это материальный объект, заключающий в себе информацию интеллектуального и следового характера, имеющую значение для разрешения юридических вопросов. Материальный объект! Необходимо особо подчеркнуть эту позицию, указывающую на особенность свойств его материалов и материалов печати и письма. В этой связи работа с документом, прежде всего, сводится к работе с его материалом – бумагой.

Таким образом, первостепенной задачей исследователя будет стабилизация объекта – прекращение или замедление необратимых процессов старения и деструкции объекта.

Старение документа связано с различными факторами: внутренними и внешними. Процесс стабилизации направлен на работу с внутренними факторами. Так, например, первым этапом стабилизации будет являться нейтрализация избыточной кислотности бумаги. Вообще, повышению кислотности способствуют окислительные процессы, протекающие в бумаге в результате взаимодействия компонентов полотна. Необходимо понимать, что в современных, особенно в дорогих сортах бумаги, данная проблема решается технологически еще на этапе изготовления, таким образом, материал в возможной степени защищен от внутреннего разрушения. Однако, экспертная практика сталкивается с различными объектами, в том числе со старой бумагой, в массу которой стабилизирующие компоненты могли и не вводиться. Вместе с

тем, на повышение кислотности могут оказывать значительное влияние компоненты красок для печати, чернил, паст, продукты жизнедеятельности микроорганизмов и плесневых грибов, содержащиеся в воздухе примеси сернистого газа и окислов азота. Основными стабилизирующими приемами являются промывка полотна водой (в некритических случаях) и обработка специальными реактивами. Здесь важно понимать, что документ, являющийся вещественным доказательством, может не только выступать в качестве объекта судебно-технической экспертизы документов. Он также может быть носителем следов биологического происхождения, на нем могут быть следы рук и т.д. Поэтому обработка агрессивными реактивами или даже простая промывка могут фатальным образом сказаться на объекте. В этой связи необходимо предпринять все усилия по предварительному изучению документа, уяснить какого рода информацию он содержит, выявить, зафиксировать ее и только потом приступить к обработке материала.

На этом же этапе может осуществляться чистка документа, включающая в себя удаление различных загрязнений, следов жизнедеятельности живых организмов, плесени и т.п. Однако, если такое действие является обязательным и безусловным для музейных специалистов, то криминалисту нужно проявить особое внимание, т.к. характер загрязнений может многое рассказать о «жизни» документа. Поэтому, перед чисткой документа необходимо тщательно зафиксировать всю следовую картину.

Длительное хранение документов на бумажной основе при обычных условиях комнатной температуры и при резких перепадах относительной влажности воздуха негативно влияет на физико-химические свойства бумаги, изменение гетерогенной структуры целлюлозного волокна, соотношение кристаллической и аморфной областей, усиливает или ослабляет межмолекулярные и внутримолекулярные взаимодействия. Наиболее значительные изменения имеют место при высокой относительной влажности воздуха, особенно при длительном хранении. Степень протекающих при этом изменений зависит от анатомического строения целлюлозного волокна, композиции бумаги и других факторов [1]. В этой связи необходимо уделить особое внимание условиям хранения.

После того, как документ готов к исследованию и после работы с ним необходимо обеспечить благоприятные условия для его хранения. Первое – это специфический световой режим. Категорически не допускается освещение бумаги прямыми солнечными лучами. Источники света должны обеспечивать оптическое излучение с длиной волны не менее 400 и не более 760 нм. Идеальное условие – это хранение бумаги в полной темноте. В помещении, где хранятся документы должна осуществляться свободная циркуляция воздуха, исключая образование застойных зон. Наиболее благоприятными температурными условиями в помещении будет температура воздуха $(18 \pm 2) ^\circ\text{C}$, с относительную влажность $55 \% \pm 5 \%$. Добиться этого в условиях кабинетов, где сегодня трудятся эксперты очень сложно, но при больших экспертных центрах, где есть специально оборудованные хранили-

ща для вещественных доказательств, такие условия температурно-влажностного режима желательнее подбирать [2].

Отдельной особенностью работы с поврежденными документами является задача восстановление структуры руинированного бумажного полотна. В данном случае о сохранности какой-либо следовой информации не может быть и речи, однако, документ может содержать рукописный текст и представлять интерес для судебно-почерковедческой экспертизы. В этом случае сохранение структуры бумажного листа – это важная задача, решение которой сегодня сводится к фотосъёмке и компьютерному моделированию. Вместе с тем, при грамотном подходе можно попытаться спасти и сам физический объект исследования.

В этих целях можно обратиться к богатому опыту реставраторов. Так, например, достаточно хорошим способом восстановления структуры руинированных документов является проклейка полотна эмульсией, получаемой при смешивании сваренного на воде пшеничного клейстера с органическими растворителями и растворенным в них ПБМА. В качестве растворителей применяется Уайт-спирит (или лаковый керосин) который обладает малой летучестью (температура кипения 140–190°C), и широко применяется в лакокрасочной промышленности при изготовлении готовых к употреблению масляных красок [3]. Кроме того, возможно использование «Разбавителя № 2» для живописи [4]. Это лишь небольшая частность, демонстрирующая возможности современной науки. В действительности же выбор метода реставрации и консервации документа напрямую связан с свойствами его материалов и состоянием, в котором он поступил на исследование.

Список литературы:

1. Флятэ Д.М. Технология бумаги. Учебник для ВУЗов. М.: Лесная промышленность, 1988. 440 с.
2. Перфильева Н.В., Ванданова Д.Д. Консервация библиотечных фондов: метод. пособие. Улан-Удэ, 2008. С.10.
3. Максимова И. Н. Новое в рецептуре эмульгированного клея // Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей: Научный реферативный сборник. – М.: Информационный центр по проблемам культуры и искусства, 1978. – Вып. 4. – С. 38–41.
4. Художественные краски, масла, лаки, разбавители. Каталог-справочник Ленинградского завода художественных красок – Л., 1964, с. 107.

THE IMPORTANCE OF STANDARDIZATION IN SEXUAL VIOLENCE CASES FOR CRIMINAL TRIALS

Мете Коркут Гюльмен,

директор Института и заведующий кафедрой судебно-медицинской экспертизы Университета Чукурова, доктор PHD, профессор,
г. Адана, Турецкая Республика.

ВАЖНОСТЬ СТАНДАРТИЗАЦИИ В ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С СЕКСУАЛЬНЫМ НАСИЛИЕМ ДЛЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (перевод – редакционный)

Сексуальными преступлениями являются действия сексуального характера и совершаемые без согласия жертвы. Объектом посягательства, в основном, являются женщины, но также дети и мужчины, и данные преступления могут стать причиной непродолжительных или длительных проблем со здоровьем (1, 2).

Рассмотрение дел о сексуальном насилии – это сложный, напряженный, деликатный, длительный, многоэтапный процесс, который требует междисциплинарного подхода. Обеспечить непрерывность этого процесса можно только путем подробного, точного и объективного составления документации. Качественная судебно-медицинская экспертиза потенциально может подтвердить и / или облегчить опасения жертв сексуального насилия, минимизировать их травмы и способствовать выздоровлению. Кроме того, доказательства собранные в ходе уголовного расследования могут помочь установить истину, что в дальнейшем приведет к исполнению уголовных наказания и предотвращению сексуального насилия (3).

Мы считаем, что для жертв сексуального насилия возможность получить медицинскую помощь и пройти обследование на раннем этапе крайне важно с точки зрения выявления телесных повреждений и сбора образцов для доказательства совершения преступления, и это необходимо сделать в первые 72 часа (4). Кроме того, для того, чтобы снизить разрушительные последствия сексуального насилия, немаловажно взять под защиту жертву, которая обращается за медицинской помощью, и обеспечивать защиту на начальном этапе реабилитации (5).

Обследование жертвы сексуального насилия выходят за рамки обычных судебно-медицинских процедур, и они рассматриваются как пациенты, чьи психологические, медицинские и судебно-медицинские нужды необходимо учитывать (6). Генито-анальные данные, наблюдаемые в случаях сексу-

ального насилия / нападения, пересматриваются и переклассифицируются параллельно с изменениями и достижениями в технологиях визуализации. Следовательно, для того, чтобы юридические процедуры функционировали в установленном порядке, компетентные эксперты должны рассматривать дела о сексуальном насилии / нападении и представлять результаты. Случаи сексуального насилия необходимо рассматривать, а результаты подготавливать в центрах, которые имеют соответствующее оборудование и возможности для консультаций, где присутствуют опытные специалисты, прошедшие подготовку, используются мультиспектральные кольпоскопы и вспомогательные методы окрашивания, а также проводится фотодокументация (7–10).

Поскольку обследование также считается травматическим для жертвы, очень важно завершить обследование с ориентацией на потерпевшего в кратчайшие сроки, полностью и тщательно, чтобы избежать повторных травм. Во многих странах существуют свои собственные протоколы в области сексуального насилия, основанные на культурных традициях общества, социально-демографических характеристиках жертв, их потенциальных потребностях, организации работы медицинских центров и учетом требований законодательства (11).

В нашей стране нет стандартного обучения для медицинских работников, которые работают с жертвами сексуального насилия / нападения, а также нет единого протокола принятого на территории всей страны. Мы считаем, что отсутствие общей терминологии для описания дел о сексуальном насилии приводит к путанице значений в процессе экспертизы и оценки, различиям в отчетах, а также к потере прав и увеличению продолжительности краткосрочных и долгосрочных последствий травмы для жертв преступления (3, 5). Мы считаем, что основной целью должно быть использование общенационального руководства, чтобы защитить права всех сторон, участвующих в судебном процессе, минимизировать допустимую погрешность, предотвратить потерю доказательств, гарантировать, что специалисты в области здравоохранения ничего не упускают из вида в этом сложном процессе, используют общую терминологию при подготовке отчета, его содержания, поиска интерпретации и подведения результатов, а также стандартизации отчетов.

Механизм правосудия основан на выявлении и наказании преступника. Несмотря на то, что в законодательстве существуют профилактические меры по защите «детей, нуждающихся в защите», а также меры, необходимые для выздоровления и здорового развития жертвы сексуального насилия, эти меры, не реализуются должным образом на практике, а требования к длительному и постоянному наблюдению и лечению жертвы сексуального насилия остаются без внимания. Следовательно, для изучения и оценки дела важны мнения всех специалистов, а отчеты должны содержать меры, которые требуются для благополучия ребенка, что заставляет активировать необходимые механизмы системы.

Обследование и оценка состояния жертв сексуального насилия проводятся медицинскими работниками с разным опытом работы и знаниями в различ-

ных учреждениях и условиях. Проводятся многочисленные процедуры обследования, и несоответствия в конечных отчетах могут вызвать трудности при защите законных прав лиц, участвующих в деле, а также создавать трудности при проведении судебного процесса. Таким образом, мы считаем, что основной целью в делах о сексуальном насилии / нападении должно быть использование современных технологий и лабораторий, а также соблюдение единых стандартов при составлении отчетов (3).

Список литературы:

References:

- 1 . Dahlberg LL, Krug EG. Violence a global public health problem. *Ciência & Saúde Coletiva*, 2006; 11:277-292.
2. UN Women. Violence against women prevalence data: Surveys by country. UN Women. New York, 2011.
3. Özkök MS. Cinsel Şiddete Maruz Kalmış Ergen ve Erişkin Hastalarda Tıbbi ve Adli Tıbbi Yaklaşım. *Türkiye Klinikleri-Beşikten Mezara Kadına Yönelik Şiddet Özel Sayısı* 2016; 2(2):62-75.
4. Adams JA, Kellogg ND, Farst KJ, Harper NS, Palusci VJ, Frasier LD, Levitt CJ, Shapiro RA, Moles RL, Starling SP. Updated guidelines for the medical assessment and care of children who may have been sexually abused. *Journal of Pediatric and Adolescent Gynecology* 2016; 29(2):81-87.
5. World Health Organization. Responding to children and adolescents who have been sexually abused: WHO clinical guidelines. World Health Organization. Geneva, 2017.
6. Cybulska B. Immediate medical care after sexual assault. *Best Practice & Research. Clinical Obstetrics and Gynaecology* 2013; 27:141-149.
7. World Health Organization. Guidelines for medico-legal care for victims of sexual violence. World Health Organization. Geneva, 2003.
8. Tennessee Domestic Violence State Coordinating Council, Tennessee Office of Criminal Justice Programs. Tennessee Best Practice Guidelines For Sexual Assault Response Services Adult Victims. Tennessee, 2014.
9. Cross TP, Schmitt T. Forensic medical results and law enforcement actions following sexual assault: a comparison of child, adolescent and adult cases. *Child Abuse & Neglect* 2019; 93:103-110.
10. Eogan M, McHugh A, Holohan M. The role of the sexual assault centre. *Best Practice & Research Clinical Obstetrics and Gynaecology* 2013; 27:47-58.
11. Office of the Attorney General, Division of Victim Services and Criminal Justice Programs. Adult and child sexual assault protocols: Initial forensic physical examination. Florida, 2015.

Моисеева Татьяна Федоровна,
заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
доктор юридических наук, профессор, кандидат биологических наук,
Заслуженный деятель науки РФ,
г. Москва, Россия.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Проблемы правового обеспечения судебно-экспертной деятельности связаны с пробелами в законодательстве, нечетким определением и отсутствием единообразия норм, регулирующих ее осуществление в отраслевых процессуальных кодексах и ФЗ-№73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Обоснована необходимость унификации законодательства о судебной экспертизе на основе нового закона о судебно-экспертной деятельности, в котором должны быть определены единые критерии и механизмы оценки компетентности государственных и негосударственных экспертов, а также уточнен процессуальный порядок назначения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела и в стадии судебного разбирательства.

Ключевые слова: унификация законодательства, компетентность негосударственных экспертов, назначение судебной экспертизы

Annotation: Problems of legal support of forensic expert activity are connected with gaps in legislation, unclear definition and lack of uniformity of the norms regulating its implementation in the industry procedural codes and Federal law No. 73 "on state forensic expert activity in the Russian Federation". The article substantiates the need to unify legislation on forensic expertise on the basis of the new law on forensic expertise, which should define common criteria and mechanisms for assessing the competence of state and non-state experts, as well as clarify the procedural procedure for appointing forensic examinations before initiating a criminal case and at the stage of trial.

Key words: unification of legislation, the competence of non-governmental experts, the appointment of judicial examination

Правовой основой судебно-экспертной деятельности является совокупность правовых актов, которые регулируют правоотношения в процессе ее осуществления. Результатом этой процессуальной деятельности являются доказательства, полученные путем проведения исследований с использованием специальных знаний. От того, насколько соблюдаются в процессе судебно-экспертной деятельности требования закона, зависит допустимость и достоверность результатов экспертного исследования (выводов заключения эксперта) как доказательств. Проблемы оценки доказательственной

значимости заключения эксперта связаны, наряду с объективными сложностями оценки научной обоснованности результатов экспертного исследования, недостатки в правовом обеспечении, обусловленными пробелами в праве, нечеткой и неоднозначной формулировкой некоторых норм и отсутствием единообразия в их определении в отраслевых процессуальных кодексах и Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».¹

Субъектами судебно-экспертной деятельности являются не только судебные эксперты, проводящие экспертные исследования, но также и лица, уполномоченные назначать и организовывать производство судебной экспертизы, и лица, в отношении которых проводится экспертиза. Допустимыми доказательствами выводы заключения эксперта могут быть при условии соблюдения требований законодательства не только при производстве судебной экспертизы, но и при ее назначении.

Одним из аспектов, требующих более четкого правового регулирования, является порядок назначения судебной экспертизы в стадии судебного разбирательства, когда в суд вызывают лицо, обладающее необходимыми специальными знаниями для производства судебной экспертизы. До момента поручения ему экспертизы (т.е. разъяснения прав, обязанностей и предупреждения об ответственности за дачу заведомо ложного заключения) после вынесения определения (постановления) о назначении судебной экспертизы, после которого вызванное лицо приобретает процессуальный статус судебного эксперта, это лицо участвует в судебном заседании (помогает в постановке вопросов на экспертизу, дает пояснения по вопросам, требующим специальных знаний) без определенного правового статуса. Этой проблеме было уделено внимание в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» №28 от 21 декабря 2010 г.² В пункте 17 данного постановления рекомендовали: «судам в случае производства экспертизы в суде (статья 283 УПК РФ) экспертом, ранее не участвовавшим в деле в этом качестве, в необходимых случаях выносить два процессуальных документа (определения, постановления): первый – о назначении экспертизы, в котором привести данные об эксперте, имея в виду, что эксперт вправе участвовать в исследовании обстоятельств дела, относящихся к предмету экспертизы, только после вынесения определения о назначении экспертизы, и второй – после выполнения соответствующей процедуры – о постановке вопросов перед экспертом». Такая рекомендация представляется неудачной и вызывает вопросы о ее правомерности, поскольку постановление (определение) о назначении судебной

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176337/

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». <https://www.vsrfl.ru/files/13501/>

экспертизы – это процессуальный документ, содержание которого процессуально закреплено (ст.195 УПК РФ, ст.80 ГПК РФ), а при вынесении первого документа вопросы, являющиеся неотъемлемой частью постановления или определения, еще не сформулированы, и таким образом, первый документ нельзя рассматривать как процессуальный. Более правомерно до начала судебного заседания вводить лицо, вызванное в суд для производства экспертизы, в статус специалиста, разъясняя ему его права и обязанности как специалиста (ст.58 УПК РФ) и предупреждая об ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст.307 УК РФ). По существу, до принятия экспертизы к производству будущий эксперт выполняет функции специалиста, определенные в ст.58 УПК РФ, а после принятия, он из статуса специалиста переходит в статус судебного эксперта, что допустимо (ст.70 УПК РФ).

Второй аспект правового регулирования назначения судебных экспертиз связан отсутствием процессуального статуса лиц, в отношении которых проводится экспертное исследование на стадии возбуждения уголовного дела. В ст.144 УПК РФ предусматривается возможность назначения и производство судебных экспертиз при проверке сообщения о преступлении, а в п. 1.1. говорится, что «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом», однако о так называемых «заподозренных» в законе ничего не говорится. При этом для подозреваемых и обвиняемых существуют права, предусмотренные в ст. 198 УПК РФ, такие как ходатайствовать о постановке вопросов на экспертизу, заявлять отвод эксперту или экспертному учреждению, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту, знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта. Очевидно, что при производстве экспертизы при проверке сообщения о преступлении эти права не реализуются. Кроме того, поскольку в ст. 144 УПК РФ нет ограничений на виды экспертиз, производство которых допустимо и определяется необходимостью получения оснований для возбуждения уголовного дела, то возможно проведение экспертиз, в ходе которых имеет место ограничение конституционных прав и свобод граждан, которые не являются ни обвиняемыми, ни подозреваемыми.

Вызывает вопрос и необходимость сообщать подозреваемому и обвиняемому данные об эксперте, которому поручено проведение экспертизы при ознакомлении с постановлением о ее проведении (ст. 198 УПК РФ). Заявить отвод эксперту эти лица могут и при ознакомлении с заключением эксперта, а информация об судебном эксперте до производства экспертизы может дать возможность оказания на эксперта давления путем угроз или подкупа.

Права и обязанности судебного эксперта наиболее полно представлены в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 16, 17) и УПК РФ (ст.57), и несколько в сокращенном виде содержатся также и в ГПК РФ (ст.85), АПК РФ (ст.55), КоАП РФ (ст.25.9). КАС РФ (ст.49). Отсутствие единообразия в их определении ничем не обосновано. Так в УПК РФ говорится, что эксперт не вправе «уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя и в суд» (п. 6 ст.57), а в ГПК РФ эксперт обязан «принять порученную ему судом экспертизу и провести полное исследование представленных ему материалов и документов...» (п.1 ст.85). В КоАП РФ(п.2 ст.25.9) и КАС РФ (п.2 ст.49) также речь идет о том, что эксперт обязан явиться по вызову судьи, органа, должностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, и дать объективное заключение по поставленным перед ним вопросам, а также требуемые объяснения в связи с содержанием заключения. Анализ статей отраслевых процессуальных кодексов, определяющих права и обязанности судебного эксперта в разных видах процессов, говорит о неоправданных различиях в форме их изложения и объеме. Очевидна целесообразность выработать единые положения, определяющие процессуальный статус судебного эксперта, и, вероятно, в основе должны быть положения нового закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Новый федеральный закон о судебно-экспертной деятельностью необходим, прежде всего, для введения в правовые рамки негосударственной судебно-экспертной деятельности. Деление на государственную и негосударственную судебно-экспертную деятельность представляется с процессуальной точки зрения не корректным. Вся судебно-экспертная деятельность осуществляется в целях и в рамках судопроизводства, и в этом смысле является государственной. Судебную экспертизу может проводить только процессуальная фигура – судебный эксперт, наделенный правами, обязанностями и ответственностью, независимо от того в государственном или частном учреждении работает сведущее лицо, привлекаемое для производства экспертизы. Поэтому проводить разграничение на государственных и негосударственных экспертов также не обосновано. В настоящее время такое деление связано только с тем, что для государственных экспертов существуют критерии, определяющие их компетентность, которые не распространяются на частных экспертов. Так в ст. 13. ФЗ о ГСЭД «Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту» обозначены требования, определяющие компетентность лица, который может занимать должность судебного эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях и определен порядок проверки компетентности, но на всех экспертов данная статья не распространяется (см. ст. 41 ФЗ о ГСЭД). Именно выработка единых требований к компетентности лиц, привлекаемых в качестве судебных экспертов, а также установление процедуры аттестации экспертов для подтверждения их компетенции является определяющим для необходимости разработки и принятия нового закона о судебной экспертизе.

Унификация правовых норм, регулирующих судебно-экспертную деятельность, является одним из актуальных аспектов стандартизации судебной экспертизы. Производство судебной экспертизы не зависит от вида процесса, в котором она осуществляется. Одни и те же методики исследования, одни и те же требования к экспертам и порядку производства. Однако в отраслевых процессуальных кодексах нормы, регулирующие судебно-экспертную деятельность, различаются не только по форме, но и по содержанию. Это касается как процессуального положения судебного эксперта (его прав и обязанностей), так и организационно-процессуальных видов судебных экспертиз.

Нормы, определяющие сущность и порядок производства комиссионной, комплексной, дополнительной и повторной экспертиз в отраслевых процессуальных кодексах и ФЗ о ГСЭД, нуждаются в уточнении и унификации.

Несмотря на некоторые отличия процессов, основания назначения данных организационно-процессуальных видов экспертиз, порядок их производства не могут отличаться и должны быть единообразно представлены в законе. Определение данных видов экспертиз в процессуальных кодексах не дает однозначного понимания, в каких случаях назначается комиссионная и комплексная экспертизы, кто из экспертов подписывает заключение комплексной экспертизы, в чем заключается дополнительная экспертиза.

Неясность оснований для назначения конкретного вида экспертизы и ее сущности приводит к ошибкам в определении вида судебной экспертизы при ее назначении. Такие ошибки могут привести к увеличению сроков производства экспертизы за счет времени, затраченного на заявление экспертом ходатайств о корректировке вида исследования и их удовлетворение, и к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством, когда, например, вместо по существу повторная экспертиза определяется как дополнительная и назначается тому же эксперту, кто проводил и первичную экспертизу.

Таким образом, очевидно, что правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности нуждается в совершенствовании. Решение ряда проблем правового регулирования возможно путем стандартизации на основе унификации законодательства о судебной экспертизе и выработке единых требований к компетентности лиц, которых можно привлекать в качестве судебных экспертов, независимо от того, являются ли эти сведущие лица по должности государственными или негосударственными экспертами.

Назырова Наталья Александровна,
адъюнкт ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский
институт МВД России»,
г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Грибунов Олег Павлович,
заместитель начальника (по научной работе)
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
доктор юридических наук, профессор
г. Иркутск, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТАМ
НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(СОЗДАНИЯ, РЕОРГАНИЗАЦИИ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА**

Актуальной задачей в Российской Федерации, особенно в условиях пандемии, принесшей ущерб мировой, национальной экономике и предпринимательской деятельности, является предотвращение экономического регресса, потери рабочих мест, ухудшения социальной обстановки в стране. Огромное влияние на указанные факторы имеет масштаб оттока денежных средств в теневую экономику, осуществляемый благодаря активности развития фиктивных организаций.

Цель: рассмотреть положительные и негативные примеры следственно-судебной практики по уголовным делам по фактам незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица с учетом использования/отказа от использования специальных знаний в сферах экономики и информационных технологий.

Методы: теоретические методы анализа, обобщения, индукции, дедукции; эмпирические методы сравнения, описания.

Результаты: автор приходит к выводу, что установить истину при расследовании и рассмотрении указанных дел невозможно без использования специальных знаний, что обусловлено изначальным образованием фиктивных организаций для достижения определенных экономических преступных целей. Однако по рассматриваемому виду преступлений преимущественно продолжают назначаться только почерковедческие судебные экспертизы, а потенциал доказательственной базы компьютерно-технической и различных видов экономических судебных экспертиз остается невостребованным. Предложено включить в научно-методическое обеспечение использования специальных знаний по указанным преступлениям примеры заключений

экспертов, которые послужили доказательствами для вынесения обвинительных приговоров.

Ключевые слова: специальные знания, судебные экспертизы, незаконное образование юридического лица, расследование, следственно-судебная практика.

Annotation: An urgent task in the Russian Federation, especially in the context of a pandemic that has caused damage to the global, national economy and business activities, is to prevent economic regression, loss of jobs, and deterioration of the social situation in the country. The scale of outflow of funds to the shadow economy, which is carried out due to the active development of fictitious organizations, has a huge impact on these factors.

Purpose: to consider positive and negative examples of investigative and judicial practice in criminal cases on the facts of illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity, taking into account the use/refusal to use special knowledge in the fields of Economics and information technology.

Methods: theoretical methods of analysis, generalization, induction, deduction; empirical methods of comparison, description.

Results: the author comes to the conclusion that it is impossible to establish the truth in the investigation and consideration of these cases without the use of special knowledge, which is due to the initial formation of fictitious organizations to achieve certain economic criminal goals. However, for this type of crime, only handwriting forensic examinations continue to be assigned, and the potential of the evidence base of computer-technical and various types of economic forensic examinations remains unclaimed. It is proposed to include in the scientific and methodological support for the use of special knowledge on these crimes examples of expert opinions that served as evidence for the conviction.

Keywords: special knowledge, forensic expertise, illegal formation of a legal entity, investigation, investigative and judicial practice.

Назначение и производство отдельных судебных экспертиз в процессе расследования фактов незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица уже являлось предметом наших исследований. Выводом в предшествующей работе на основе проведенного анализа следственно-судебной практики стало выявление многочисленных фактов неоправданного сужения границ расследования указанного вида преступлений вследствие отказа от производства судебных экспертиз из класса экономических судебных экспертиз [1, С. 298]. Вместе с тем, как обоснованно утверждает профессор Ф.Г. Аминев, говоря о проблемах обеспечения прав предпринимателей, судебная экспертиза продолжает оставаться «значимым видом использования специальных знаний в процессуальной форме» [2, С. 231].

В октябре 2020 года среди сотрудников экспертных подразделений в рамках изучения и анализа вопросов, возникающих при расследовании указанных преступлений проведено анкетирование, результаты которого вызывают неоднозначную реакцию. К анкетированию привлечены эксперты по

специальностям, использование знаний которых имеет положительный опыт при расследовании преступлений рассматриваемого вида в отдельных субъектах Российской Федерации. Эффективность расследования, с точки зрения создания качественной доказательственной базы, научно обоснована при назначении и производстве по уголовным делам следующих судебных экспертиз: почерковедческой; экспертизы печатей, документов, штампов; судебно-бухгалтерской, судебно-экономической, финансово-экономической [3, С.183 — 196; 4, С. 89]. Приведенный перечень судебных экспертиз, на наш взгляд, должен быть дополнен компьютерно-технической судебной экспертизой, так как в современном мире большая часть документооборота, в том числе в организационной и финансово-хозяйственной деятельности предприятий, осуществляется в электронном виде. В связи с чем экспертное исследование цифровых следов позволит повысить эффективность доказывания экономических преступлений [5, С. 143]. Искомые следы в соответствии с мировой практикой можно обнаружить в виде информации на сетевых платформах, в электронной переписке, в регистрационных данных о пользователе и, как уже отмечалось, в различных видах электронных документов [6, С. 187—188]. При анкетировании всеми экспертами поддержана позиция о целесообразности назначения компьютерно-технической судебной экспертизы по рассматриваемому виду преступлений. Не вызвала дискуссии и сложившаяся следственно-судебная практика по назначению практически по каждому уголовному делу почерковедческой экспертизы и в отдельных случаях экспертизы печатей, документов, штампов. Однако всего один из анкетированных выразил одобрительное мнение по поводу необходимости назначения судебно-бухгалтерской экспертизы (другие виды класса экономических экспертиз им также не были выбраны). Таким образом, не только следователи не применяют потенциал доказательств указанных судебных экспертиз, но и сами эксперты, как показывают результаты анкетирования, его не видят, так как экспертизы не назначаются. Проиллюстрируем изложенное примером. Приговором Мотовилихинского районного суда г. Перми осуждена группа лиц, действовавшая по предварительному сговору, за совершение 8 эпизодов незаконного образования (создания) юридического лица через подставных лиц.¹ Из текста обвинительного заключения следует, что целью созданной осужденным А. группы являлась деятельность, связанная с осуществлением переводов денежных средств с использованием в качестве инструмента услуг легально действующих кредитных учреждений, то есть обналичивание денежных средств, однако обвинение подсудимым за совершение преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, не предъявлено и не могло быть предъявлено без проведения судебно-бухгалтерской экспертизы. Длительность производства компьютерно-технической судебной экспертизы и различного вида экономических судебных экспертиз — общеизвестный факт в уголовном су-

¹ Приговор № 1-229/2019 от 26 июля 2019 г. Мотовилихинского районного суда г. Перми по делу № 1-229/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 26.10.2020).

допроизводстве. Отчасти причиной указанной негативной тенденции являются недостатки информационно-технологического обеспечения экспертной деятельности на региональном уровне. Безусловно, что «продуманное реформирование научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации должно обеспечить повышение качества судебно-экспертной деятельности и судопроизводства в целом»[6, С. 11]. Но оправдана ли на этапе, когда реформирование не пройдено, постановка «точки» в инкриминировании единственного деяния — незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица? Внесение рассматриваемого общественно-опасного деяния в УК РФ является оценкой законодателем социальной важности института юридического лица в гражданском обществе и стремление пресечь использование подобных юридических лиц преступностью в противоправных интересах [7, С.37; 8, С.95]. На наш взгляд, нельзя допускать «сделку» между субъектом, осуществляющим производство предварительного расследования и подозреваемым, обвиняемым о признании вины в совершении незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица в обмен на то, чтоб не давать ходу другому преступлению. В рассмотренном случае речь даже не идет о каком-либо оказании противодействия предварительному расследованию со стороны защиты, что потребовало бы соответствующего структурного методико-криминалистического обеспечения работы правоохранительных органов [8, С. 137]. Напротив, перед нами реально существующее положение борьбы с ветряными мельницами, когда в суды за 2018-2020 годы направлено практически 96% уголовных дел по данному виду преступлений с полным признанием вины обвиняемыми и осужденных с рассмотрением дел в особом порядке судебного разбирательства. Из них в соответствии с проведенным анализом следственно-судебной практики только треть дел направлено в отношении непосредственных организаторов незаконного образования юридического лица, а остальные дела — в отношении подставных лиц, частично выполнивших объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ. Остается загадкой почему при инкриминировании 2 и более указанных преступлений следователь ограничивается формальным выяснением вопроса, что организация образовалась на подставное лицо без намерения им управлять ее деятельностью, а фактическая незаконная деятельность такой организации остается в тени.²

Нельзя не отметить и положительные примеры назначения и производства судебных экспертиз, позволивших доказать вину в совершении экономических преступлений посредством специально образованных для этих целей фиктивных фирм на подставных лиц, которые могут стать ориентиром для научно-методического обеспечения использования специальных знаний, отвечающим современным достижениям науки и практики. Сама экспертная

² Например: Приговор № 1-349/2019 от 2 августа 2019 г. Советского районного суда г. Астрахани по делу № 1-349/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 26.10.2020).

деятельность воспринимается нами как «способствование раскрытию и расследованию преступлений на основе научного подхода» [9, С. 161].

Так, в основе обвинительного приговора Советского районного суда г. Тамбова от 22 августа 2019 г. находятся компьютерно-технические и бухгалтерские судебные экспертизы.³ В соответствии с заключением компьютерно-технической судебной экспертизы в результате исследования информационного содержимого флеш-накопителя и накопителей на жестких магнитных дисках, изъятых в ходе обыска обнаружены файлы, содержащие некоторые ключевые слова, указанные в вопросе. Кроме того обнаружены подкаталоги и файлы, содержащие информацию о различных контактных данных, переписке с помощью смс, переписке с помощью интернет-мессенджеров, информация о переписке с помощью программы, атрибутирующей себя как «Skype». Заключением бухгалтерской судебной экспертизы на основании представленных выписок о движении денежных средств по расчетным счетам организаций подсчитано количество денежных средств, поступивших на счет, и количество денежных средств, полученных обвиняемыми в качестве вознаграждения за незаконные банковские операции. Другим примером может служить заключение бухгалтерской экспертизы, признанное доказательством по приговору Свердловского районного суда г. Иркутска от 24 сентября 2019 г.⁴ В соответствии с указанным заключением установлена сумма денежных средств, перечисленных со счетов организации №1 в адрес компании №2 по паспорту сделки <Номер обезличен> к контракту <Номер обезличен> от <Дата обезличена>, в рублевом эквиваленте по состоянию на дату совершения соответствующих платежей. Возврат денежных средств по указанному контракту на расчетные счета организации № 1 отсутствует. Еще пример. Доказательством, подтверждающим доводы обвинения, в приговоре № 1-365/2019 от 2 августа 2019 г. Первомайского районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) по делу № 1-25/19-публ. указано заключение эксперта (бухгалтерской судебной экспертизы), согласно которому установлена общая сумма поступивших денежных средств от организаций на исследуемые расчетные счета ООО «А», открытые в различных банках, составившая 142 675 487,23 рублей, а также рассчитана сумма вознаграждения (6,5% от сумм поступивших денежных средств от организаций) — 9 273 906,68 рублей. Кроме того, анализ бухгалтерских документов указывает на то, что поступающие денежные средства от контрагентов практически

³ Приговор №1-245/2019 от 22 августа 2019 г. Советского районного суда г. Тамбова по делу №1-245/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 26.10.2020).

⁴ Приговор № 1-495/2019 от 24 сентября 2019 г. Свердловского районного суда г. Иркутска по делу № 1-495/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 26.10.2020).

полностью уходили на счет подконтрольной группе организации⁵. Чтобы воспринимать схему фиктивной деятельности большинства незаконно образованных юридических лиц и осознать необходимость использования соответствующих специальных знаний для ее изобличения, считаем нужным привести ее описание на примере результатов расследования преступных действий организованной группы в г. Тамбове⁶. В указанной схеме использовались банковские счета фиктивных организаций, на которые почти ежедневно поступали денежные средства, подлежащие дальнейшей транзакции либо снятию наличными. Управление указанной денежной массой осуществлялось в режиме удаленного доступа по телекоммуникационным каналам благодаря полученным подставными лицами для взаимодействия с банками электронным ключам, паролям и шифрам. Для придания видимости реальности выполнения финансово-хозяйственной деятельности фиктивных организаций в банки г. Тамбова, в которых открыты счета подконтрольных организаций, предоставлялись заведомо ложные документы о наличии якобы договорных отношений между организациями, участвующими в таких взаиморасчетах, а в сами платежные документы вносились недостоверные основания перевода или снятия денежных средств..

Экспертизы позволяют не только установить и доказать экономическое преступление, которое совершалось в процессе незаконной деятельности фиктивной организации, но и саму ее фиктивную деятельность через подставных лиц, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом, то есть незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица. Включение в научно-методическое обеспечение использования специальных знаний предложенных и других подобных примеров по рассматриваемому виду преступлений должно позволить как следователям, так и экспертам, видеть потенциал доказательственной базы при назначении и производстве компьютерно-технических и бухгалтерских судебных экспертиз, и, соответственно, устанавливать местонахождение и изымать необходимые для их проведения предметы и документы (выписки по расчетным счетам, банковские карты, счета-фактуры, платежные поручения, ноутбуки, системные блоки, флеш-накопители, телефоны и др.). Важно искоренить возникновение ситуаций, в которых следователи по-считают назначение вышеуказанных судебных экспертиз безрезультатным и только затягивающим сроки расследования. Полагаем, что одновременно с решением научно-методических и организационных, информационно-технологических проблем использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, должно неуклонно развиваться методико-криминалистическое обеспечение расследования [10, С. 23].

⁵ Приговор № 1-365/2019 от 2 августа 2019 г. Первомайского районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) по делу № 1-25/19-публ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 27.10.2020).

⁶ Приговор № 1-603/2019 от 13 декабря 2019 г. Октябрьского районного суда г. Тамбова по делу № 1-603/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 27.10.2020).

Список литературы:

1. Назырова Н.А. К вопросу о назначении судебных экспертиз при расследовании преступлений в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица // В сборнике: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Материалы XXV международной научно-практической конференции. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2020. С.297 - 299.
2. Аминев Ф.Г. Проблемы использования специальных знаний в защите прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 1. С.230 - 233.
3. Малянова К.П. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.12 / Малянова Карина Петровна. Ростов-на-Дону, 2018. 264 с.
4. Малянова К.П. Проведение судебных экспертиз в процессе расследования преступлений в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица // Юрист-Правоведь. 2018. №2 (85). С.88-92.
5. Назырова Н.А. Цифровые следы в экономических экспертизах по преступлениям в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица // В сборнике: Цифровой след как объект судебной экспертизы. Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2020. С.142 - 145.
6. Wang B , Liu Y. Collection and Judgment of Electronic Data Evidence in Criminal Cases: From the Perspective of Investigation and Evidence Collection by Public Security Organs // J Forensic Sci Med. 2019. № 5. С.187 - 194.
7. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юрист-Правоведь. 2016. №3 (76). С.5 - 12.
8. Габов А.В. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица в российском уголовном праве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С.24- 41.
9. Айвазова О.В. К вопросу о криминалистическом изучении юридических лиц // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. №1. С.94-101.
10. Головин А.Ю., Цурбанов С.А. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. №1 (88). С.137 - 150.
11. Грибунов О.П. 100-летие экспертно-криминалистической службы МВД России: вехи истории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. №2 (89). 155-162.
12. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 2 (81). С.23 - 35.

Першин Александр Николаевич

профессор кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук, доцент
г. Москва, Россия;

Иванов Владимир Валерьевич

эксперт Экспертно-консультационного бюро «Кольчуга»,
г. С-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЙ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация: в статье рассмотрена практика рецензирования заключений судебных экспертов. Отмечаются случаи грубого нарушения методик исследования объектов в ходе экспертных исследований. Нарушение экспертных методик порой вызвано низким уровнем профессиональной компетенции экспертов. Как показал анализ заключений, эксперты допускающие грубые нарушения методик исследования, получают либо не качественное экспертное образование, либо вовсе не имеют права осуществлять соответствующие исследования. При этом суды не всегда объективно оценивают результаты заключений экспертов, в которых имеются существенные нарушения законодательства в сфере судебной экспертизы и методик исследования доказательств. В этой связи в статье изложен призыв к тщательному изучению кандидатов на исполнение постановлений (определений) о назначении судебных экспертиз, профессиональному исполнению обязанностей судебного эксперта и всесторонней и беспристрастной оценке заключений экспертов следствием и судом.

Ключевые слова: заключение эксперта, оценка заключения эксперта, экспертное образование, экспертные ошибки, рецензия заключения эксперта, недопустимость заключения эксперта

Annotation: The article deals with the practice of reviewing the opinions of forensic experts. There are cases of gross violation of the methods of studying objects in the course of expert research. Violation of expert methods is sometimes caused by a low level of professional competence of experts. As the analysis of the conclusions has shown, experts who commit gross violations of research methods receive either poor quality expert education, or do not have the right to carry out relevant research at all. At the same time, the courts do not always objectively assess the results of expert opinions, in which there are significant violations of the legislation in the field of forensic examination and methods of examining evidence. In this regard, the article sets out a call for a thorough study of candidates for the execution of decisions (determinations) on the appointment of forensic examinations, professional performance

of the duties of a forensic expert and a comprehensive and impartial assessment of the expert opinions by the investigation and the court.

Keywords: expert opinion, assessment of the expert opinion, expert education, expert errors, review of the expert opinion, inadmissibility of the expert opinion

Обратиться к теме настоящей статьи побудила практика научно-методического анализа заключений экспертов, выполняющих судебные и внесудебные экспертизы и исследования. Нас не перестает удивлять то, что, не смотря на существование нормативно-правой базы, регулирующей экспертную деятельность, профессиональной подготовки и специализации экспертов, общих научно-методических подходов в экспертной практике, тем не менее в работе судебных экспертов встречаются многочисленные факты непрофессионализма в исполнении своих обязанностей. При этом следует заметить, что это происходит не только в деятельности негосударственных экспертов, но и достаточно часто у тех специалистов, которые являются штатными сотрудниками государственных судебно-экспертных организаций.

Одна из причин непрофессионализма эксперта при производстве судебных экспертиз и внесудебных исследований, на наш взгляд, прежде всего заключается в отсутствии у исполнителей постановлений (определений) о назначении экспертиз качественной экспертной подготовки. Особую тревогу вызывают результаты исследований тех специалистов/экспертов, которые не имеют базового образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, а получили лишь поверхностное представление о судебно-экспертной деятельности в целом, либо об отдельных её экспертных специальностях в ходе профессиональной переподготовки. При этом такая переподготовка осуществляется, порой, сомнительными организациями и по образовательным программам низкого качества.

Примером низкого качества исполнения обязанностей судебного эксперта стали результаты проведения негосударственным экспертом комплексной почерковедческой и технической экспертизы документов в рамках дела № А27-16881-56/2013, рассмотренного Арбитражным судом Кемеровской области. Перед экспертом были поставлены вопросы о том, кем, проверяемым или иным лицом выполнена подпись в исследуемых документах и какова давность изготовления исследуемых документов.

В части судебно-почерковедческой экспертизы эксперт провел исследования и изложил результаты в объеме одной страницы формата А4. Учитывая предельную краткость исследовательской части, мы позволили себе дословно процитировать результат сравнительного почерковедческого исследования и формулировку сделанного экспертом вывода со всеми грамматическими ошибками и логическим противоречиями: «В ходе сравнительного исследования указанных подписей (речь идет об исследуемой и образцах проверяемого лица – комментарий наш) было выявлено совпадения (отмечены знаком «+» перед признаком) и различия (отмечены знаком «-» перед признаком) почерковых признаков, таких как (соответственно):

- транскрипция: в подписях от имени Д.И.А. – 3 «О»-образных + нечитаемый штрих, в образцах – «О»-образный + «Ш»-образный + «У»-образный;
- выработанность: ниже средней и высокая;
- преобладающая форма движений: дугова-петлевая и прямолинейно-угловатая;
- форма линии основания: вогнутая и выпуклая;
- + направление линии основания: опускающееся и опускающееся;
- + размер: большой и большой;
- наклон: неустойчивый и левый;
- координация движений: средняя и высокая;
- относительная протяженность движений по вертикали при выполнении первого элемента: в подписях от имени Д.И.А. меньше, чем в образцах и пр..

При оценке результатов проведенного исследования было установлено, что выявленные совпадающие признаки несущественны, незначимы, объясняются широкой распространенностью в почерках людей, а выявленные различающиеся признаки (в т.ч. с учетом существенных различий такого важного признака как транскрипция) образуют совокупность существенных, значимых и устойчивых признаков, которые дают в своей системной взаимосвязи достаточные основания и обоснования для того, чтобы дать

Выводы по поставленному судом вопросу:

Не А.Д.И., а иным лицом были выполнены подписи от его имени на представленных двух оригиналах дополнительного соглашения от ... к договору аренды имущественного комплекса от ...».

Давать критический комментарий проведенного экспертом исследования, полагая, было бы излишним даже для неспециалистов в области судебного почерковедения. Одно только различие общих признаков почерка, положенное в основу отрицательного вывода, говорит о соответствующем уровне «профессионализма» эксперта-почерковеда.

В части решения вопроса о давности изготовления исследуемых документов эксперт провел техническую экспертизу документов, используя метод импульсной ЯМР спектроскопии (ЯМР – ядерный магнитный резонанс), изложенный в научных трудах О .И. Плетень и Н.В. Батченко. На данный метод авторами получен Патент № 2478198 – «Способ определения давности события создания объекта, содержащего целлюлозу, метка давности события ее создания на поверхности изделия и способ защиты изделия от фальсификации давности события его создания».

Следует отметить, что метод , удостоверяемый патентом , в действительности экспертной методикой , как это пытаются представить в своих заключениях некоторые эксперты, не является. Патент – это лишь охраненный документ , удостоверяющий исключительное право на авторство и приоритет изобретения, полезной модели, промышленного образца или какой-либо технологии[1, с. 30-35; 2, с. 6-10]. Назначение патентов, их оборот и использование результатов и данных , изложенных в патентах , регулируется главой 72 Гражданского кодекса РФ, т.е. относится к области интеллектуальной собственности, а не к экспертным методикам. Патент не содержит экс-

пертной методики, одобренной федеральными органами исполнительной власти для внедрения в судебно-экспертную деятельность, а представляет собой лишь частный (авторский) метод решения задачи, требующий дальнейшей научной проверки и апробирования в экспертной практике.

Таким образом вывод эксперта о том, что давность (период) изготовления представленных на исследование документов не соответствует их датам, сформулирован без применения научно разработанной и апробированной на практике экспертной методики, как того требует Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 8), а значит не обоснован.

Выявив такую совокупность очень серьезных нарушений методик исследования документов и их реквизитов, трудно назвать результаты исследования доказательством, в котором излагаются выводы лица, обладающего специальными знаниями. При этом эксперт во вводной части своего заключения указал, что он имеет высшее профессиональное образование и диплом о профессиональной подготовке по специальности «Юриспруденция и судебная экспертиза», также профессиональное образование и диплом о профессиональной переподготовке по специальности «Физика и химия. Физическая и химическая экспертизы», а также стаж работы в качестве эксперта — с 1997 года.

Однако изучение документов, приложенных в виде копий к заключению эксперта и подтверждающих его профессиональное образование показало, что негосударственный эксперт прошел профессиональную переподготовку в негосударственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Международная академия образования «институт» (г. Тверь) по программе «Юриспруденция и судебная экспертиза» и в Обществе с ограниченной ответственностью «Академия развития образования» (г. Красноярск) по программе «Физика и химия. Физическая и химическая экспертизы». По итогам профессиональной переподготовки эксперту выданы дипломы о профессиональной переподготовке от 25 июня 2012 года и 24 февраля 2016 года. Из этого следует, что эксперт получил образование не по указанным им специальностям, а прошел профессиональную переподготовку по соответствующим программам. Кроме того, эксперт ввел в заблуждение суд о стаже работы по соответствующим экспертным специальностям, т.е. он исчисляется не с 1997 года, а судя по датам выдачи дипломов с 2012 года по судебно-почерковедческой экспертизе и с 2016 года по технической экспертизе документов. В своей совокупности это свидетельствует о представлении экспертом в суд ложных сведений о своем профессиональном образовании и уровне квалификации.

Весьма сомнительны и образовательные программы, по которым эксперт был подготовлен. Например, в перечнях родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, МВД России, СК России отсутствуют физические и химические экспертизы, а эксперта готовили по программе «Физика и химия. Физическая и химическая экспертизы». В ходе профессиональной переподго-

товки эксперт изучил такие учебные дисциплины, как «Неорганическая химия», «Физическая химия», Органическая химия», Квантовая и ядерная физика» и прочие в объеме от 14 до 18 часов, а в качестве итоговых форм контроля сдавались зачеты.¹

Несмотря на такой уровень профессиональной подготовки эксперта и качество исполнения постановлений (определений) о назначении судебных экспертиз, на интернет-сайте негосударственной экспертной организации, в которой данный эксперт является руководителем указано, что он является автором более 800 заключений по результатам криминалистических и экономических экспертиз и экспертиз объектов интеллектуальной собственности. Остается только догадываться о качестве проведенных данным специалистом исследований и обоснованности и достоверности полученных им выводов.

Еще одним примером негативной экспертной практики стало заключение эксперта, подготовленное государственным судебным экспертом – заведующим отдела судебно-медицинских экспертиз (далее – ОСМЭ) одного из филиалов Федерального государственного казенного учреждения «111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации» по уголовному делу № 1.20.0200.0542.000031. По итогам рецензирования заключения судебно-почерковедческой экспертизы, было выявлено более 10 существенных замечаний, среди которых: отсутствие данных во вводной части Заключения эксперта об исследуемых объектах и сравнительных образцах, представленных на почерковедческую экспертизу; отсутствие сведений о применяемых методах исследования; формулирование неоднозначных для понимания промежуточных выводов, а также множественные несоблюдения требований почерковедческой методики идентификационного исследования записи (текста). Выявленная совокупность нарушений не позволила признать проведенные исследования на строго научной основе, всесторонне и в полном объеме, а сделанные экспертом выводы обоснованными.

Недостатки в проведении судебно-почерковедческой экспертизы могут напрямую быть связаны, по нашему мнению, с уровнем профессиональных знаний государственного судебного эксперта в области судебного почерковедения. Во вводной части заключения эксперт указал наличие у него высшего медицинского образования и специальной подготовки по криминалистическим методам исследования, а также стаж экспертной работы свыше 30 лет (при этом не указано к какой экспертной специальности относится этот стаж). Поскольку анализируемое исследование не относится к медицинской специальности эксперта, а является одним из видов криминалистических экспертиз, то возникает вопрос о наличии у заведующего ОСМЭ дополнительного профессионального образования в области судебного почерковедения, дающего ему право производить почерковедческую экспертизу. Сведения о наличии у эксперта такого образования в заключении отсутствуют. Эксперт лишь указал, что у него имеется специальная подготовка по крими-

¹ URL: <http://mbe2009.ru/> (дата обращения: 29.09.2020).

налистическим методам исследования, что заставляет нас задуматься. Во-первых, не понятно, что эксперт понимает под «специальной подготовкой». Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» такого термина не содержит. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.05.03 Судебная экспертиза не предусматривает каких-либо «специальных» образовательных технологий при подготовке судебных экспертов. Кроме того, не упоминается о специальной подготовке и в ведомственных нормативных актах, посвященных экспертной деятельности. Используемая экспертом терминология «специальная подготовка по криминалистическим методам исследования» может охватывать огромную область экспертных методов исследования. При этом к заключению эксперта не приложены копии документов, подтверждающих его профессиональное образование и квалификацию в области судебного почерковедения. Видимо эксперт следовал общей тенденции об отсутствии необходимости подтверждать в заключении свою квалификацию копиями документов, так как он является государственным судебным экспертом.

Следует отметить, что копии документов, подтверждающих профессиональное образование и квалификацию эксперта, прикладываются к заключению эксперта, как правило, только в том случае, если экспертиза проводится в негосударственной экспертной организации. Эта практика обусловлена тем, что проведение экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении предполагает привлечение в качестве исполнителя государственного судебного эксперта, обладающего соответствующими профессиональными компетенциями. Федеральным законодательством и ведомственными нормативными актами к государственным судебным экспертам предъявляются жесткие профессиональные и квалификационные требования. Так, в соответствии со статьей 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» должность государственного судебного эксперта может занимать только гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (либо среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы в экспертных подразделениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации); при наличии высшего не экспертного образования экспертом может быть только гражданин имеющий дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа. Уровень квалификации государственного судебного эксперта подлежит пересмотру экспертно-квалификационными комиссиями соответствующего федерального государственного органа каждые пять лет.

Примером ведомственного нормативного акта, предусматривающего систему контроля профессионального уровня государственных экспертов является Положение об аттестации на право самостоятельного производства

судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденного Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 7 октября 2014 г. № 207. Подобные положения приняты в других федеральных органах исполнительной власти, в которых создана система государственных судебно-экспертных учреждений.

Поэтому на фоне государственного механизма контроля за соблюдением профессиональных и квалификационных требований, предъявляемых к государственным судебным экспертам, мы имеем дело с практикой отсутствия копий документов, подтверждающих образование и квалификацию этих экспертов в заключениях.

Однако научно-методический анализ заключения, подготовленного заведующим ОСМЭ, свидетельствует о неоднозначности в оценке профессионального образования и квалификации государственного судебного эксперта в области судебно-почерковедческой экспертизы. Ссылка на одну только специальную подготовку по криминалистическим методам исследования не дает права государственному судебному эксперту в области судебной медицины выполнять судебно-почерковедческую экспертизу.

Наряду с некомпетентностью судебных экспертов, хотелось бы кратко остановиться и на непрофессионализме суда по оценке такого рода заключений. Так, в рамках рассмотрения арбитражного дела № А27-16881-56/2013, по инициативе одной из сторон был привлечен специалист для рецензирования рассматриваемого нами выше заключения негосударственного эксперта. В рецензии специалист отметил множественные грубые нарушения действующего законодательства, а также методик проведения экспертных исследований. Однако суд оценил заключение специалиста (рецензию) критически и указал, что эксперт имеет соответствующее профессиональное образование по специальностям «Юриспруденция и судебная экспертиза» и «Физика и химия. Физическая и химическая экспертизы», нарушение методик, изложенных в специальной литературе, не может служить основанием для признания заключения несоответствующим закону, поскольку положения такой литературы носят рекомендательный характер.²

Из этого следует, что суд не подверг заключение эксперта критической оценке с позиции всесторонности, полноты, объективности и непосредственности исследования в деле доказательства. Суд посчитал, что экспертиза проведена компетентным экспертом, а нарушать экспертную методику можно, так как она носит рекомендательный характер. Итогом судебного разбирательства стало решение по делу, основанное на ложном доказательстве, в котором сведения о профессиональном образовании и стаже работы эксперта не соответствуют действительности, а экспертные выводы не обоснованы. Такие ситуации с непро-

² Определение по делу № А27-16881-56/2013 о банкротстве. Веб-сайт Арбитражного суда Кемеровской области. URL: <https://kemerovo.arbitr.ru/> (дата обращения: 27.09.2020).

фессионально выполненными заключениями и с положительной судебной их оценкой не являются в нашей стране единичным фактом. Увы!

Изложенное позволяет нам утверждать о существовании комплексной проблемы, которая заключается, во-первых, в привлечении к производству судебных экспертиз лиц, у которых либо вовсе отсутствуют необходимые специальные знания, либо их профессиональный уровень крайне низок; во-вторых, в отсутствии надлежащей оценки доказательства (заключения эксперта) инициатором назначения судебной экспертизы. Не обращать на такие вольности в судебно-экспертной деятельности и на поверхностную оценку заключений экспертов следствием и судом нельзя. Поэтому призываем экспертов не выходить за пределы своей компетенции, проводить исследования на строго научной основе в рамках полученных ими в установленном законом порядке специальных знаний. Кроме этого, лицам (органам), осуществляющим оценку экспертных заключений подходить более беспристрастно к изучению компетентности экспертов, давать объективную оценку рецензионным заключениям, содержащим научно-обоснованные замечания.

Список литературы:

1. Барина О.А. Установление времени изготовления документа: современные возможности и пределы решения задачи / О. А. Барина, А. Ф. Купин // Российский судья. 2018. № 2. С. 30-35.

2. Иванов Н.А. Логика, физика и химия установления абсолютной давности исполнения/нанесения реквизитов документов / Н. А. Иванов // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 6-10.

Поваров Юрий Сергеевич,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Самара, Россия

УНИЧТОЖЕНИЕ ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ В ХОДЕ ДОБРОВОЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Аннотация: в работе исследуются основания и порядок уничтожения полученной при осуществлении добровольной государственной геномной регистрации геномной информации в срезе надлежащей реализации фундаментального этико-правового принципа согласия; подчеркивается, что отзыв согласия в контексте названной регистрации (подача заявления об уничтожении геномной информации) имманентно носит безусловный и правомерный характер.

Ключевые слова: добровольная государственная геномная регистрация; отзыв согласия; уничтожение геномной информации.

Annotation: the work examines the grounds and procedure for the destruction of genomic information obtained during the voluntary state genomic registration in the context of the proper implementation of the fundamental ethical and legal principle of consent; it is emphasized that the withdrawal of consent in the context of the said registration (filing an application for the destruction of genomic information) is inherently unconditional and lawful.

Key words: voluntary state genomic registration; withdrawal of consent; destruction of genomic information.

Краеугольное и общепризнанное этическое начало осуществления любых операций касаясь получения и использования геномной информации, обоснованно получившее юридическое закрепление в международно-правовых актах, а равно в национальном законодательстве (включая российское), – согласование их совершения с заинтересованным лицом (лицами). В частности, Международная декларация о генетических данных человека, принятая резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 октября 2003 г. (далее – Декларация) исходит из того, что сбор, обработка, использование и хранение генетических данных (причем как публичными, так и частными структурами) заведомо предполагают дачу предварительного, свободного, осознанного и ясно выраженного согласия (см. ст. ст. 2, 9, 14, 21 и др.).

Производным (в плане динамики развития соответствующих отношений), но отнюдь не непринципиальным компонентом исследуемого института согласия выступает механизм отзыва ранее изъявленного разрешения. Данный инструмент (при его широкой трактовке) вбирает в себя не только собственно выражение «отказного» акта, а и реализацию «информационным» оператором (и, возможно, иными субъектами) комплекса мероприятий, призванных элиминировать неправомерные доступ и обращение геномной информации.

Сказанное, в числе прочего, получило довольно рельефное проявление при нормировании государственной геномной регистрации (далее – ГГР), а точнее – такой ее разновидности, как добровольная (ибо при обязательной ГГР действие принципа согласия в значительной мере сводится на «нет»). Напомним, что добровольная ГГР (в отличие от обязательной) непременно носит инициативный характер (проводится на основании письменного заявления гражданина или его законного представителя) и осуществляется на платной основе (см. ст. 8 Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее – Закон о ГГР)). По сути, оправданно говорить о возникновении договорной связи особого рода (с сильным превалированием публичного элемента) по поводу обработки персональной геномной информации.

Аспект «пересмотра позиции» решается законодателем в рамках регламентации вопросов, сопряженных с уничтожением геномной информации (см. ст. 16 Закона о ГГР). Оно производится:

во-первых, «автоматически» – по истечении установленных законом сроков хранения (хранение геномной информации, полученной в рамках ГГР, причем безотносительно к ее виду, имеет, как известно, срочный характер, при этом в приложении к добровольной ГГР работает общее правило, в соответствии с которым разбираемая информация хранится до установления факта смерти «испытуемого», а при отсутствии сведений о смерти – до даты, когда гражданину исполнилось бы 100 лет (см. ч. 1 ст. 12 Закона о ГГР));

во-вторых, на основании письменного заявления соответствующего лица, поданного в любое время до истечения указанных «вмененных» сроков хранения.

Приведенные правила в целом согласуются с положениями ст. 21 Декларации о том, что генетические данные человека уместно представлять в судебно-медицинских целях или для целей гражданского судопроизводства только на период, на который они необходимы для данных целей (этот тезис в целом корреспондирует нормам Закона о ГГР о темпоральных границах хранения геномной информации), и что правила об отзыве согласия следует применять к хранимым генетическим данным человека (применительно к институту добровольной ГГР это означает безусловную необходимость уничтожения геномной информации по запросу заинтересованного лица).

Законодатель рационально не вводит повышенных требований к форме и содержанию заявления об уничтожении геномной информации (ограничиваясь указанием на необходимость соблюдения письменной формы). Совершенно очевидно, что:

а) «...лицо, подавая заявление об уничтожении геномной информации, не обязано в нем приводить какие-либо мотивы и основания своего решения» [4], т.е. причины отзыва согласия юридически безразличны;

б) подача заявления, будучи легитимным способом прекращения соответствующих правовых связей, не должна влечь за собой каких-либо отрицательных последствий (этот нюанс, кстати, получил четкую «прописку» в ст. 9 Декларации).

Подобного рода постулирование не только выводимо из оценки отсутствия в Законе о ГГР на сей счет норм в качестве «квалифицированного молчания» законодателя, но и явно сочетается с самим смыслом именно добровольной ГГР.

Подача означенного заявления знаменует появление обязанности по уничтожению хранимой геномной информации, при этом:

а) Закон о ГГР, разумно относя уничтожение (наряду с получением (сбором), систематизацией, накоплением, хранением, уточнением (обновлением, изменением), использованием и распространением) к действиям (операциям) по обработке геномной информации (те самым понятия «обработка» и «уничтожение» рассматриваются в системе координат «род и вид» – см. ст. 1), не расшифровывает, в чем конкретно оно заключается; вполне адекват-

ным здесь кажется использование представленного в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) понятия уничтожения персональных данных («действия, в результате которых становится невозможным восстановить содержание персональных данных в информационной системе персональных данных и (или) в результате которых уничтожаются материальные носители персональных данных»), тем более, что сведения о геноме конкретного лица явно подпадают под признаки персональных данных;

б) речь идет именно об уничтожении, а не, к примеру, об обезличении информации; заметим, что Закон о ГГР, в противовес Закону о персональных данных, не употребляет последний термин (напомним, что под обезличиванием персональных данных Законом о персональных данных мыслятся действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту), что объяснимо (невзирая не исчерпывающий набор действий по обработке геномной информации), имея в виду сведение целеполагания ГГР в России исключительно к идентификация личности человека (данная «мега-задача» подразумевает подцели «...обеспечения правоохранительных потребностей и законных цивилистических интересов физических лиц» [1, с. 48]) (см. ст. 2 Закона о ГГР). В случае же гипотетически возможного расширения целей ГГР (на что заостряется внимание в науке [3, с. 44]), думается, вопрос об использовании механизма обезличения приобретает актуальность и для добровольной ГГР;

в) вне всяких сомнений уничтожение геномной информации означает и абсолютный запрет на ее дальнейшее использование (хотя в Законе о ГГР об этом прямо и не заявляется);

г) с учетом возмездности добровольной ГГР и указанной принадлежности операции по уничтожению геномной информации к ее обработке анализируемое «ликвидационное» действие производится на платной основе; в этой связи значимым оказывается непосредственное регулирование алгоритма внесения платы (в частности, с точки зрения сроков – при подаче заявления о проведении добровольной ГГР и (или) заявления об уничтожении геномной информации; это особенно важно, например, в ракурсе определения момента недопустимости использования данных «геномной дактилоскопии»).

Разобранные моменты востребованы и для предстоящей генетической паспортизации населения РФ, которая, полагаем, как и ГГР, должна осуществляться на базе сбалансированного сочетания принципов добровольности и обязательности, т.е. не носить тотального характера (как небесспорно подчеркивает М.Н. Малеина, для демократического и правового государства генетическая информация обо всех гражданах является явно избыточной [2, с. 51-52]).

Список литературы:

1. Агапов А.Б. Публичные процедуры государственной регистрации // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 40-50.
2. Малеина М.Н. Добровольная геномная регистрация: современная правовая оценка и перспективы законодательства // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: монография: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. С.Д. Могилевский и др. М.: Проспект, 2020. С. 41-52.
3. Романовская О.В., Романовский Г.Б. Правовое регулирование геномной регистрации в Российской Федерации // Российская юстиция. 2013. № 8. С. 43-46.
4. Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (постатейный) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», 2009.

Савенко Антон Сергеевич,
младший научный сотрудник отдела инноваций судебно-экспертной
деятельности ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции Российской Федерации»,
ассистент преподавателя ФГБОУ ВО МГТУ им. Н.Э. Баумана,
г. Москва, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩЕНАУЧНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: В исследовании разбираются основные методы, применяемые при выполнении судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности, в частности анализируется практика применения всеобщего диалектического метода, методов формальной логики, а также иных общенаучных методов. Проводятся примеры применения этих методов для исследований, связанных с изобретениями, а также применительно к комбинированым товарными знакам. В исследовании делается вывод о возможности применения последовательности методов при формировании частных методик экспертиз отдельных объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: судебная экспертиза; экспертные исследования, интеллектуальная собственность; специальные знания; патенты; товарные знаки; судопроизводство, методы

Annotation: The study examines the main methods used in the examination of intellectual property objects analyzes the practice of applying the universal dialectical method, methods of formal logic, as well as General scientific methods.

Given examples of the use of these methods for research related to inventions, as well as in relation to combined trademarks. The study concludes that it is possible to apply a sequence of these methods in the formation of private methods of expertise of individual intellectual property objects.

Keywords: forensic science; forensic examination, intellectual property; special knowledge; patents; trademarks; legal proceedings, methods

В настоящее время активно формируется направление исследования объектов интеллектуальной собственности в рамках судебной экспертизы. Данной тематике посвящены работы Е.Г. Пфейфер [1], совместная работа Г.Г. Омелянюка, В.В. Гулевской, А.С. Савенко [2]. На пути формирования нового направления судебно-экспертной деятельности стоит ряд проблем, связанных в том числе с научно-методическим обеспечением данной экспертизы. Для решения этой проблемы необходимо исследовать специфику применения всеобщего диалектического метода и общенаучных методов исследования при производстве судебных экспертиз объектов интеллектуальной собственности.

Методы судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности

Специальные знания эксперта реализуются через применения им различных методов и методик при исследовании объекта экспертизы. Перед тем как приступить к анализу частных случаев применения данных методов для экспертизы объектов ИС, определим их области применения в общем случае.

Метод экспертизы — это механизм (в широком смысле этого слова) с помощью которого эксперт может определить, понять, изучить явление или событие для решения поставленного перед ним вопроса.

В рамках судебно-экспертной деятельности эксперт в праве использовать для решения поставленных перед ним вопросов только те методы, которые отвечают требованиям допустимости, сформулированным Е.Р. Россинской в своей работе [3], а именно:

- 1) Законности и этичности метода.
- 2) Научной обоснованности метода.
- 3) Допустимой точности результатов.
- 4) Проверяемости результатов.
- 5) Целесообразности применения.
- 6) Безопасности использования.

Все применяемые методы можно разбить на три большие категории:

- 1) Всеобщий диалектический метод.
- 2) Общенаучные методы.
- 3) Специальные методы частных наук.

Всеобщий диалектический метод — это набор основополагающих принципов и приёмов, определяющих любую научную и практическую, в нашем случае экспертную, деятельность.

Данный набор включает, положения о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, о соотношении единичного, особенного и общего. Особенно важным при исследовании объектов ИС, в которых отражается значи-

мая информация представляется положение диалектики о способности материи к отражению.

Что касается роли методов формальной логики, таких как анализ, синтез, индукция и дедукция, гипотеза, аналогия и другие, то соглашаясь с Е.Р. Россинской [3] можно сказать, что для целей экспертизы данные методы являются условием, а не средством исследования. Ведь всеобщий метод, формулируя общие принципы процесса познания, позволяет сформировать систему частных методов, и в тоже время входит в эту систему как одни из ее элементов. Это позволяет рассматривать методы формальной логики как элементы всеобщего диалектического метода.

Общенаучные методы — это методы, применяемые практически во всех науках и сферах практической деятельности. В их число входят:

1) Чувственно-рациональные методы

а) Наблюдение

б) Описание

в) Сравнение

г) Эксперимент

д) Моделирование

2) Математические методы

а) Измерения

б) Вычисления

в) Геометрические построения

Применение всеобщего метода и общенаучных методов для исследований объектов интеллектуальной собственности

Указанные ранее методы также активно применяются при производстве судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности. Рассмотрим в каких ситуациях исследования интеллектуальной собственности находит применение каждый из этих методов. Пожалуй, лучшим вариантом будет разбор экспертиз, связанных с изобретениями, т. к. в данных экспертизах применяется широкий спектр методов. Например, при получении от лица, уполномоченного назначать экспертизу, копий охраняемых документов эксперт применяет метод наблюдения для изучения поступивших ему материалов, затем применяет метод описания для того чтобы описать то состояние, в котором ему были предоставлены объекты исследования, при этом могут применяться математические методы при определении, измерении массогабаритных характеристик поступившего объекта. После фиксации всех характеристик поступившего объекта эксперт исследует иные материалы, которые поступили на экспертизу. В случае с изобретением эксперт изучает патент на изобретение, отделяя поэтапно независимые пункты формулы от зависимых. Затем в каждом независимом пункте выделяет признаки, характеризующие изобретение, и так для каждого независимого пункта формулы. В силу того, что метод анализа/синтеза является парным методом, в синтезирующей части эксперт составляет таблицу, в которую записывает каждый выявленный признак для каждого независимого пункта формулы. Далее эксперту необходимо исследовать объект, в котором предполагается использование изобретения, в ряде случаев для

этого приходится применять экспертный осмотр т. к. доставить объект эксперту не представляется возможным. Эксперту приходится выезжать к месту нахождения объекта для того, чтобы применить методы наблюдения, описания, измерения. В случаях, когда исследуются изобретения-способы, применяется наблюдение для того, чтобы изучить способ производства непосредственно. В случае, когда для выделения признака из объекта необходимы инструментальные методы исследования, а эксперт не обладает необходимым средством измерения или компетенциями в области измерения данных величин, эксперту необходимо прибегнуть к ходатайству о привлечении экспертов по другим экспертным специальностям. В таком случае экспертиза приобретает статус комплексной. В рамках инструментального исследования в полной мере применяются все методы, характерные для данного исследования. После того как произведена фиксация всех признаков объекта, в котором предполагается использование изобретения, эксперт анализирует результаты экспертного осмотра, результаты инструментального исследования и выделяет найденные признаки. Далее он синтезирует вторую часть таблицы, где с помощью метода сравнения эксперт изучает совпадения. Если все признаки совпадают, то эксперт делает вывод от использования всех существенных признаков независимого пункта формулы, в противном случае, эксперту необходимо провести исследование несовпадающих пунктов на предмет эквивалентности. Для этого эксперт изучает несовпадающие признаки объекта, в котором предполагается использование изобретения и анализирует его, проверяя достигается ли с помощью него аналогичный технический результат, со сходной эффективностью. Если же такой результат достигается эксперт синтезирует вывод об эквивалентности выявленных признаков. В обратном случае эксперт формулирует вывод о неиспользовании всех признаков независимого пункта формулы изобретения. Данная совокупность методов, применяемая для целей изучения изобретений, может лечь в основу частной методики изучения изобретений с целью установления использования всех существенных признаков независимого пункта формулы или эквивалентных им.

Примером подобной экспертизы может служить экспертиза по арбитражному спору, в котором в открытом судебном заседании рассматривался вопрос о нарушении исключительных прав на изобретение «Электрический провод». Эксперту определением суда было поручено проведение дополнительной судебной экспертизы для разрешения вопроса: «Использован ли в изделии АО «А», каждый признак изобретения, приведённый в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения, либо признак, эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до даты приоритета изобретения?» Для проведения экспертизы эксперту предоставили том дела, в котором содержалась информация о патенте, протокол исследования проводов, технические условия для спорных изделий. Все материалы, поступившие эксперту, были изучены и описаны в заключении. Эксперт проанализировал патент, определил независимый пункт и выделил следующие признаки:

- Электрический провод, содержащий
- токопроводящую жилу

- и изоляцию в виде нанесенного на жилу слоя на полиамидной основе, отличающийся тем,
- что изоляция дополнительно содержит внутренний слой,
- предварительно сформированный на токопроводящей жиле
- при пропускании ее через водную суспензию фторопласта
- с последующей термообработкой
- при соотношении толщины внутреннего слоя к толщине слоя на полиамидной основе 1:25 — 1:6.

Для каждого термина, используемого в исследуемом независимом пункте, эксперт провёл дефиницию для целей сопоставления с исследуемым спорным изделием.

Опираясь на результаты предыдущего исследования изоляции проводов, не подвергавшиеся сомнению, сторонами по делу, а также технические условия эксперт выделил признаки спорного изделия и произвел сопоставительный анализ. По его результатам эксперт пришел к выводу, что в спорном изделии не использован признак «последующей термообработкой», т. к. в изобретение по патенту применяется термообработка при температурах 360-380 градусов Цельсия, которая ведет к сплавлению частиц фторопласта, а в изделие ответчика слой фторопласта формируется без сплавления частиц.

Исследуя эквивалентность выявленных признаков, эксперт обнаружил, что сушка фторопласта может производиться при температурах ниже 100 градусов Цельсия, однако в спорном изделии и изобретении достигаются различные технические результаты. Техническим результатом сплавления частиц фторопласта на токопроводящей жиле по патенту на изобретение является повышение стойкости к распространению электрической дуги и облегчение снятия изоляции при сохранении остальных положительных свойств включая радиационную стойкость и механическую прочность. В свою очередь техническим результатом спорного изделия является улучшение качества пайки проводов при монтаже (за счет низкой адгезии грунтового слоя к токопроводящей жиле) и более высокой адгезии к изоляции, за счет чего изоляция снимается вместе с грунтовым слоем.

Отвечая на вопрос суда, эксперт указал в выводах, что в спорном изделии, признаки которого исследовались экспертом, не использованы все признаки независимого пункта формулы изобретения по патенту или эквивалентные ему и ставшие известными до даты приоритета изобретения.

Также интерес представляют тем методы, которые применяются при изучении товарных знаков и знаков обслуживания. Аналогично изучению изобретений эксперт наблюдает и описывает те объекты, которые поступают ему на экспертизу, однако, как правило, эксперту нет необходимости выезжать для проведения экспертного осмотра в место расположения объекта исследования, большинство спорных обозначений могут быть отобраны путем занесения в фото-таблицы, либо сам объект в котором предположительно использовано обозначение предоставляется эксперту. Вследствие того, что товарные знаки не ограничиваются лишь такими видами как словесный, изо-

бразительный и комбинированный, а существуют звуковые, позиционные, цветковые, объемные и другие, на которые хватит фантазии и возможностей их зарегистрировать, растет и количество методик необходимых для исследования подобных объектов. Однако, описанные выше методы (всеобщий, общенаучные) применяются и для исследований данных объектов. В частности, подвергается анализу свидетельство на товарный знак, выделяются признаки, которые могут описывать товарный знак, например, для словесных товарных знаков изучается графическая, семантическая и фонетическая составляющая. Также немаловажным является выделение классов Международной классификации товаров и услуг (далее – МКТУ), выделенная информация заносится в таблицу. Таким же образом анализируется предоставленный объект, в котором предполагается использование товарного знака. В данном случае эксперт определяет из материалов дела для каких товаров или услуг применялось спорное обозначение. В случае совпадения классов проводится сравнение выделенных признаков. Однако даже если классы не совпадают, эксперту необходимо изучить возможность однородности данных товаров и услуг. Также в сложных случаях определения сходства до степени смешения эксперту необходимо прибегнуть к социологическим исследованиям, в результате чего экспертиза приобретает комплексный характер.

Подобная экспертиза проводилась в рамках арбитражного спора о прекращении незаконного использования товарного знака. Перед экспертом был поставлен вопрос: сходно ли до степени смешения комбинированное обозначение включающие словесный элемент «Полярный медведь» и изобразительный элемент, которым маркирован образец оберточного листа глазированной творожного сырка «Ванильный» производителя «А» с комбинированным товарным знаком, включающим словесный элемент «Белый медведь», и изобразительного элемента, правообладателем по которому является «Б»? Эксперту поступили материалы дела, включающие: копию свидетельства на товарный знак «Белый медведь», изображения упаковки творожного сырка «Ванильный» «Белый медведь», а также изображение упаковки творожного сырка «Ванильный» «Полярный медведь», а также иные материалы дела. Все поступившие материалы были осмотрены экспертом и описаны, далее эксперт приступил, к анализу обозначений. В ходе изучения однородности товаров, для которых используется спорное обозначение и зарегистрированный товарный знак для класса 29 МКТУ (Белки пищевые, жиры, продукты молочные) эксперт пришел к промежуточному выводу, что товары являются однородными. Далее эксперт приступил к анализу обозначений, проанализировав сходство словесных элементов в комбинированном товарном знаке на предмет звукового, графического и смыслового сходства. И сделал промежуточный вывод по словесному элементу изучаемых обозначений: «Несмотря на наличие существенных звуковых различий, обусловленных использованием в сравниваемых обозначениях слов «Полярный» и «Белый», благодаря заложенным в словосочетания единому смыслу и значению используемых слов, а также сходному использованному шрифту, словесные элементы обозначений являются сходными до степени смешения. Далее эксперт проводит

исследование изобразительных элементов комбинированных обозначений, в результате которого приходит к выводу от сходности до степени смешения изобразительных элементов в силу их единого композиционного выполнения и заложенному в них единому смыслу. Далее эксперт анализирует изображение этикеток, на которые нанесены обозначения в целом и делает вывод о возможности единого восприятия потребителем в силу единого расположения словесных и изобразительных элементов на этикетках, что обуславливает сходство до степени смешения обозначений в общем.

Как упоминалось ранее, методы формальной логики создают некоторую рамку, в которой приходится работать эксперту. Всеобщий метод, а также иные общенаучные методы формируют методическую базу, которой эксперт в области судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности оперирует при исследованиях. В зависимости от объекта, который поступает на экспертизу, используемые методы могут различаться, что и формирует методики исследования конкретных объектов СЭОИС.

Список литературы:

1. Пфейфер Е.Г. Судебная экспертиза результатов интеллектуальной деятельности: теория и практика назначения, проведения и оценки результатов исследования: дис. ... канд. юрид. наук. 2016. 32 с.

2. Омелянюк Г.Г., Гулевская В.В., Савенко А.С. Классификация объектов интеллектуальной собственности для целей судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019;14(1):6-12. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-6-12>.

3. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе 4-е издание, переработанное и дополненное. М.: Норма: ИНФРМА-М, 2018. – 576 с.

Сейтенов Калиолла Кабаевич,
профессор Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
доктор юридических наук, профессор,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан

О СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ, ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации образовательной деятельности Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан как единственного специального

ведомственного учреждения в Казахстане, получившим аккредитацию в качестве субъекта научной деятельности. Автором приведены современные подходы организации профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации, реализующей образовательную деятельность по направлениям: повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов, в том числе, состоящих в Президентском резерве и реализации программ послевузовского образования.

Abstract. The article is devoted to the organization of educational process at Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan as the only specialised agency in Kazakhstan that has received accreditation as the subject of scientific activity. The author provides current approaches to the organization of vocational training, retraining and professional development while implementing educational activities in the following areas: improvement of the professional level of law enforcement officers, including those in the Presidential Personnel Reserve and implementation of postgraduate education programs.

Ключевые слова: аккредитация, правовой статус, послевузовское образование, ведомственное учреждение, Президентский резерв, первоначальное обучение, повышение квалификации.

Keywords: accreditation, legal status, postgraduate education, specialised agency, Presidential Personnel Reserve, initial training, professional development.

Повышение профессионального уровня на протяжении всей службы является современным трендом не только процессов глобализации в сфере образования, но и неотъемлемой составляющей нового типа экономического развития нашей страны.

Указом Главы государства от 4 мая 2015 года № 15 создана Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, одним из основных направлений деятельности которой определено повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов, в том числе состоящих в Президентском резерве руководства правоохранительных органов Республики Казахстан.

Перед Академией поставлены следующие основные задачи:

- повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов;
- координация и проведение межведомственных научных исследований в сфере правоохранительной деятельности;
- реализация программ послевузовского образования;
- осуществление первоначальной профессиональной подготовки лиц, впервые поступающих на службу в правоохранительные органы.

Как объективно отмечает ректор Академии Е.С. Мерзадинов, создание ведомственного научно-образовательного учреждения стало важным звеном модернизации правовой системы.

Исходя из актуальности задач, нами поставлена амбициозная цель – стать лидером образования и науки в правоохранительной сфере, внести тем самым уникальный вклад в решение проблем обеспечения безопасности и правопорядка.

Первым шагом в данном направлении является успешное прохождение институциональной аккредитации, а именно подтверждение статуса Академии и высокое качество образовательных услуг.

Академией получена лицензия на право осуществления образовательной деятельности по программам послевузовского образования по специальностям «Правоохранительная деятельность» и «Юриспруденция». Академия стала единственным в Казахстане ведомственным учреждением, получившим аккредитацию в качестве субъекта научной деятельности.

Образовательная деятельность Академии реализуется по трем направлениям: повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов, в том числе состоящих в Президентском резерве, реализация программ послевузовского образования и осуществление первоначальной профессиональной подготовки лиц, впервые поступающих на службу в правоохранительные органы.

Институт профессионального обучения занимается подготовкой, переподготовкой и повышением квалификации сотрудников правоохранительных органов, в том числе состоящих в Президентском резерве.

На протяжении пяти лет Академией обучено более девяти тысяч сотрудников правоохранительных органов. Курсы проводятся на основании утвержденных ежегодных План-графиков и программ обучения. Обучение дифференцировано по предмету и контингенту слушателей.

Для вновь принятых на службу сотрудников предусмотрено специальное первоначальное обучение.

Кратко о каждом из этих направлений.

Первоначальная подготовка молодых сотрудников.

Главная цель – научить вновь принятых сотрудников с первых дней эффективно работать.

Для этого, во-первых, по специальной программе обучения развиваются пять компетенций: общеотраслевая, информационная, письменная, коммуникативная и профессиональная.

Во-вторых, в качестве лекторов выступают лучшие практики правоохранительных органов.

В-третьих, не отказываясь от традиционных лекций, делается упор на тренинговый формат и цифровизацию обучения.

Учебный процесс на 80% состоит из практических занятий, основанных на реальной деятельности.

Значительный блок составляют курсы повышения квалификации. Большое внимание уделяется на максимальное привитие актуальных и необходимых практических навыков через симулирование реальных ситуаций.

Отведено время для обсуждения проблем правоприменительной практики, которое проходит с участием руководства правоохранительных

органов. Такой подход способствует решению ряда проблемных вопросов, возникающих в работе и обмену опытом.

Курсы повышения квалификации включают в себя темы, исходя из предложений правоохранительных органов, отдельных категорий сотрудников и анализа недостатков работы правоохранительной деятельности.

Кроме того, применяется дифференциация обучаемых по категориям должностей, стажу работы и направлению деятельности.

Каждый курс предусматривает обязательное обучение пользованию соответствующих информационных систем.

Для проведения практических занятий используются тренажеры. В частности, «Виртуальный осмотр места происшествия» позволяет имитировать проведение первоначальных следственных действий.

Президентский резерв.

Это сотрудники правоохранительных органов, которые в ближайшей перспективе могут занять высшие руководящие должности в правоохранительной системе.

Именно от них будет зависеть эффективность реализации правовой политики. Это и охрана общественного порядка, вопросы миграции и т.д.

Они проходят подготовку по специальной программе, которая нацелена на совершенствование профессиональных навыков, управленческой компетентности, необходимых для назначения на предполагаемые руководящие должности.

Обучение проходит по 4-м модулям: «Основные направления государственной политики», «Тактика ведения переговоров при массовых протестных и террористических акциях», «Основы аналитической работы в управленческой деятельности» и «Лидерство и личная эффективность руководителя».

Используются современные интерактивные формы и методы обучения. 90 % учебных занятий проходят в форме тренингов.

Лекторами выступают ведущие эксперты и руководители центральных государственных органов.

С 1 января текущего года Законом «О правоохранительной службе» введен новый институт первоначальной профессиональной подготовки для лиц, впервые поступающих на службу в правоохранительные органы.

Это новая модель отбора граждан на правоохранительную службу через годичную подготовку. Полгода изучается теория, полгода – практика во всех правоохранительных органах.

Слушателям предстоит пройти физическую, огневую и строевую подготовку, приобрести профессиональные компетенции по выявлению, пресечению и расследованию уголовных правонарушений или осуществлению прокурорского надзора по основным направлениям.

Также они будут изучать информационные системы, применяемые в ходе их будущей работы.

В настоящее время Академией завершена работа по принятию подзаконных актов для внедрения первоначальной профессиональной подготовки. Учебные программы и программы вступительных экзаменов согласованы с

правоохранительными органами и утверждены на Учебно-методическом и Ученом советах Академии.

Успешно реализуется созданный в 2016 году на базе Академии Региональный хаб по противодействию глобальным угрозам.

В настоящее время Хаб стал узнаваемой международной площадкой по вопросам обучения сотрудников правоохранительных органов передовым методам борьбы с транснациональной преступностью.

В котором обучают консолидированной борьбе с экстремизмом и терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, киберпреступностью, торговлей людьми, финансовыми и коррупционными преступлениями, а также в сфере экологической безопасности.

На базе Хаба проведено 72 обучающих мероприятия, повысили квалификацию 1867 правоохранителей Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Афганистана, Пакистана, России, Беларуси, Армении, Грузии, Литвы, на которые привлечены 153 зарубежных экспертов.

Тренерский состав, привлекаемый для Хаба, включает национальных и зарубежных представителей.

Создана система обучения по каскадному методу, с подготовкой национальных тренеров и последующим их использованием для обучения других сотрудников.

В активе пула экспертов Регионального Хаба тренера по финансовым расследованиям, киберпреступлениям, противодействия терроризму, торговле людьми, в процессе подготовки по противодействию незаконному обороту наркотиков.

Активная поддержка Хаба осуществляется ведущими зарубежными странами и организациями (УНП ООН, ОБСЕ, ЕС, Посольство США, ЦА-РИКЦ, IRZ ООН, ОБСЕ, ЕС).

Проект получил высокое одобрение ООН, в рамках подписанного 11 апреля 2020 года в Вене Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве между Генеральной прокуратурой РК и УНП ООН.

22 сентября 2017 года в г.Казань состоялось 19-е заседание Координационного совета руководителей органов налоговых (финансовых) расследований государств-участников СНГ, на котором была поддержана идея предание Академией статуса базовой организации образования по подготовке и переподготовке кадров органов финансовых расследований государств-участников СНГ.

И уже с 6 апреля 2018 года Академия в статусе базовой организации успешно занимается обучением кадров органов налоговых (финансовых) расследований государств-участников СНГ.

В рамках реализации поставленных задач, по специальной программе обучения, разработанной с учетом потребности и предложений стран-участниц Содружества проведено 3 международных обучающих мероприятия.

В обучении приняли участие 94 правоохранителей и судей из Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана, Белоруссии, Армении и Украины.

В ходе обучения участники делятся имеющимся опытом противодействия легализации преступных доходов, эксперты знакомятся с новейшими формами угроз и борьбы с ними.

На примере реальных кейсов изучают возможности подразделений финансовой разведки и международного сотрудничества по раскрытию финансовых преступлений и возврату нелегальных активов, а также новые преступные схемы и методы преступных доходов.

Особенностью практических занятий является проведение участниками расследования смоделированных финансовых преступлений, что позволяет закрепить полученные знания и выработать навыки.

В рамках внедрения инновационных методов обучения, в сентябре 2018 года проведен первый международный симуляционный тренинг в сфере противодействия торговле людьми, в котором приняли участие более 100 человек из 17 государств (*Молдова, Румыния, Грузия, Украина, РФ, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, США, Израиль, Литва, Италия, Армения, Беларусь, ФРГ, Греция, Азербайджан, Казахстан*).

С учетом положительных отзывов в июне 2019 года проведен второй аналогичный тренинг с участием представителей ближнего и дальнего зарубежья.

Такие формы обучения используются и по другим видам преступлений.

С этой целью разработаны методические рекомендации, с детальным описанием методики использования данной технологии обучения.

К примеру, в июле и декабре 2019 года проведены первые национальные симуляционные тренинги по вопросам противодействия легализации доходов от наркопреступности.

В течение недели участники в рамках созданной межведомственной следственно-оперативной группы провели расследование смоделированной преступной деятельности, связанной с незаконным сбытом наркотиков и легализации преступных доходов.

Логическим завершением уголовного процесса стало судебное разбирательство под председательством опытного судьи.

В условиях максимально приближенных к реальным, в качестве фигурантов уголовного дела выступают профессиональные актеры.

Необходимо также отметить, что активно проводится работа по обучению и повышению квалификации сотрудников уполномоченных органов в сфере противодействия терроризму и экстремизму.

Принимая во внимание возрастающую актуальность вопросов, связанных с браконьерством, в ноябре 2019 года проведен обучающий курс по данной теме.

В семинаре приняли участие природоохранные прокуроры и полицейские, научные сотрудники и международные эксперты, заинтересованные государственные органы и субъекты охотничьего хозяйства, руководители и ключевые сотрудники заповедников и территориальных инспекций лесного и охотничьего хозяйств.

Одним из итогов обучения стала работа над составлением алгоритма действий егерей при чрезвычайных ситуациях.

В предстоящем учебном году запланировано проведение ряда обучающих мероприятий по данному вопросу, в том числе симуляционные упражнения по актуальным кейсам этого направления.

Создается учебно-практический центр по противодействию киберпреступности.

Основной задачей центра станет разработка эффективной методики выявления, пресечения, раскрытия и расследования киберпреступлений.

На его площадке планируется обучение по всем направлениям деятельности Хаба по противодействию транснациональной преступности совершаемым посредством сети информационных технологий.

Соклакова Надежда Анатольевна,
доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», кандидат химических наук, доцент

Вострова Дарья Николаевна,
магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»,
г. Саратов, Россия.

НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДПИСЕЙ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ ПУТЕМ ТЕХНИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ИХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛОТТЕРА

Аннотация: В статье на основе анализа экспертной практики рассматриваются современные способы технического воспроизведения подписи с использованием плоттеров различного вида. Приводиться комплекс признаков, позволяющий идентифицировать плоттер.

Ключевые слова: современные способы технического воспроизведения подписи, криминалистическое исследование подписей, плоттеры, комплекс признаков, позволяющий идентифицировать плоттер.

Annotation: The article, based on an analysis of expert practice, examines modern ways of technically reproducing signatures using plotters of different kinds. A set of signs to identify the plotter is cited.

Keywords: modern methods of technical reproduction of signatures, forensic examination of signatures, plotters, complex of features that allow to identify the plotter.

В современный период научно-технического и коммуникативного прогресса на состояние преступности заметное влияние оказывает процесс интеллектуализации криминальной среды. В её круг втягиваются субъекты, обладающие подчас весьма обширными познаниями в области науки, техники, различных видов профессиональной деятельности, которые они используют в преступных целях [1, С. 4, 78].

При совершении преступлений, особенно в сфере экономики, злоумышленники нередко прибегают к подделке рукописных реквизитов документов, стремясь к максимальному сходству с подлинными [2, С. 6, 339]. К числу часто подделываемых рукописных реквизитов документов относятся подписи. Так, в практике производства почерковедческих экспертиз с 2012 года уже начали встречаться единичные случаи исследования имитаций подписей, выполненных с использованием плоттера. На сегодняшний день данный способ подделки подписей является трудно диагностируемым и сложным для распознавания для экспертов-практиков. Данная тема, по нашему мнению, является актуальной, т.к. технология подделки подписи с использованием плоттера, и комплекс признаков, позволяющий идентифицировать плоттер, мало изучены, и на сегодняшний день отсутствует методика исследования таких объектов.

Под плоттером (графопостроителем) принято понимать устройство для вычерчивания с большой точностью схем, рисунков, чертежей на различных материалах размером до А0 (бумага, калька, пленка). Ассортимент плоттеров широк и основным их отличием является вид пишущего блока, который и определяет технические характеристики плоттера и его ценовую категорию. Из всего многообразия графопостроителей мы выделили одну группу плоттеров, которые позволяют не только воспроизводить подпись, но и имитировать сам процесс письма за счет того, что пишущий блок перемещается вдоль бумаги, как по вертикали, так и по горизонтали, тем самым формируя кривые и прямые в нужных направлениях.

Для выявления признаков, свойственных для имитации подписи, выполненной с использованием плоттера, нами проводился эксперимент. Процесс получения имитации подписи включал следующие этапы: 1) сканирование подписи; 2) создание макета изображения подписи с помощью графического редактора «CoralDRAW7X» – преобразование растрового изображения подписи в векторное; 3) установка пишущего прибора (шариковой ручки) в пишущем блоке плоттера; 4) предварительная настройка плоттера – установка параметров «резки»; 5) печать образцов.

1) Для эксперимента в качестве рукописных реквизитов документа нами были отобраны подписи с высокой степенью выработанности. Объекты были выполнены на нелинованном листе бумаги белого цвета форматом А4 пастой шариковой ручки фирмы «ErichKrauseR-301 ORANGE 0,7» на твердой подложке (на столе).

2) Далее, сканированное изображение подписи необходимо было преобразовать в вектор, для чего использовали инструмент «Свободная форма» в редакторе «CoralDRAW7X». С помощью этого инструмента мы максимально

точно обвели подпись-оригинал, доработали с помощью реперных точек и векторных стрелок кривые, линии и мелкие элементы.

При производстве экспериментальных образцов с помощью плоттера для чистоты эксперимента использовались такой же пишущий прибор и бумага, как и при выполнении подписи-оригинала.

3) Исходя из конструкции режущих плоттеров, шариковую ручку устанавливали в держатель для ножа, который перемещается за счет каретки плоттера. Для более прочного закрепления в держателе, ручку обматывали изолентой с учетом того, что держатель каждого плоттера имеет ограниченный диаметр.

4) После установки пишущего прибора производили настройку параметров «письма» в программном обеспечении к каждому плоттеру. Образцы были получены на трех режущих плоттерах следующих марок и моделей: Crachtec CE6000-60, Roland Camm-1 Pro и Mimaki CG-130SRIII. При получении образцов мы изменяли в настройках резки плоттеров такие параметры как скорость, давление и ускорение. Всего было получено сорок три объекта на листах формата А4 с десятью подписями на каждом листе.

В ходе изучения экспериментального материала был выявлен комплекс признаков, свойственных подписям, нанесенным с использованием плоттера (были исследованы образцы, полученные с помощью всех выше указанных марок плоттеров):

1. округлая форма начал и окончаний штрихов;
2. недифференцированный нажим вследствие равномерного давления на пишущий прибор;
3. наличие утолщений в виде сброса красителя в нижней части штрихов;
4. угловатость овальных элементов – данный признак может появляться как и на этапе редактирования изображения подписи, так и при выполнении имитации подписи с помощью плоттера;
5. изменение соединения букв в имитации подписи в отличие от подписи-оригинала;
6. наличие дополнительных штрихов в росчерке имитации подписи;
7. наличие следов давления от прижимных роликов по границам листа;
8. наличие пробельных полос в штрихах, указывающих направление движения пишущего прибора;

В имитации подписей, которые были получены на плоттере Mimaki CG-130SRIII, соединения штрихов букв и окончания выполнены в виде крючков, что объясняется особенностями выполнения подписи на данной модели плоттера.

При сравнении оригинала-подписи с имитацией подписи необходимо также учитывать такой дополнительный признак, который трудно воспроизвести с помощью плоттера – это отсутствие окрашенных или неокрашенных следов, оставляемых пишущим прибором рядом с основным штрихом в направлении его наклона, в противоположность рукописному способу исполнения [3, С. 126].

Перечисленные признаки, по нашему мнению, являются совокупностью признаков, которые образуются при формировании макета подписи в графическом редакторе, и признаков, свойственных имитации подписи, выполненной с использованием плоттера. Таким образом, нельзя говорить об устойчивости данных признаков, потому что подпись поддается обработке в графическом редакторе человеком.

Исходя из вышесказанного, считаем необходимым для полного и всестороннего исследования подписей, выполненных с использованием плоттера, привлекать к исследованию специалистов по почерковедческой экспертизе и технико-криминалистической экспертизе документов.

Список литературы:

1. Бондаренко П.В., Серегин В.В., Тареев С.Е., Шнайдер В.А., Шухнин М.Н. Описание объектов почерковедческой экспертизы и образцы заключений эксперта – почерковеда: учебно-методическое пособие. – Саратов: СЮИ МВД России, 2003. – 78 с.

2. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учебник / под ред. В. В. Серегина. - Волгоград: ВА МВД России, 2007.

3. Бондаренко П.В. Диагностика подделки подписей, выполненных с помощью компьютерных технологий//Научно-практический журнал «Информационная безопасность регионов». 2009. № 1.

Суденко Владимир Егорович,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики Юридического института ФГАОУ ВО
«Российский университет транспорта (МИИТ)», Почётный работник
сферы образования Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
г. Москва, Россия.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: Рассматриваются проблемные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений вообще и транспортных преступлений в частности. Определяются направления специальных знаний, требуемых для успешного осмотра места транспортного происшествия, поскольку возникает потребность в знаниях особенностей движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, водного, морского, автомобильного транспорта и метрополитена. Специальные знания могут быть получены в процессе специальной подготовки следователя, но более глубокими, а потому и наиболее ценными являются знания, полученные от специа-

листа конкретной отрасли транспорта, полученные им не только в процессе изучения теории, но прежде всего на основе практической деятельности. Специальные знания позволяют обеспечить необходимый объём фактологического анализа в рамках расследования транспортных преступлений, совершаемых в различных отраслях транспортной инфраструктуры. Анализируются мнения исследователей, указывающих на необходимость разработки комплекса видов применения специальных знаний с выработкой единого подхода при формировании в уголовно-процессуальном законодательстве актуального понятийного аппарата при использовании специальных знаний. Процессуальной формой применения специальных знаний может быть подготовка специалистами письменных заключений на основе поставленных следователем вопросов, допрос специалиста с разъяснением мнения, высказанного им в заключении.

Ключевые слова: транспортные преступления; следователь; эксперт; специалист; специальные знания.

Практика свидетельствует о необходимости наличия у следователя если не специальных знаний в той сфере, в которой он осуществляет следственную деятельность, то хотя бы основ деятельности той отрасли транспорта, к которой относится расследуемое преступление. Но поскольку ни один следователь не в силах овладеть знаниями об особенностях деятельности и функционирования всех видов транспорта, то возникает необходимость в получении консультаций со стороны специалистов, обладающими такими познаниями. При этом это предполагает наличие у специалиста как теоретических знаний (знание нормативных актов), так и практических в виде реального понимания принципов и механизма тех или иных операций, осуществляемых, например, на железнодорожном транспорте – управление тепловозом и электровозом, осуществление сортировочных работ, организация железнодорожного движения, содержания путевого хозяйства и много другое.

Криминалистическая характеристика преступлений свидетельствует о необходимости поддержки мнения исследователей относительно того, что при существующем многообразии видов и форм специальных знаний требуется определённая классификация процессуальных и непроцессуальных форм их использования, что весьма удобно в практике расследования [1]. Например, Сорокотягин И.Н., говоря о процессуальной и непроцессуальной формах использования специальных знаний, относит к процессуальной форме назначение и производство экспертиз, привлечение специалиста к участию в проведении процессуальных действий, например, педагога, бухгалтера-ревизора, врача и др. К непроцессуальной форме он относит консультационную и справочную деятельность специалиста, например при назначении ревизии или экспертизы, когда специалист помогает правильно сформулировать вопросы [2].

Сама по себе процессуальная форма применения следователем специальных знаний в основном обусловлена наличием четко регламентированных положений уголовно-процессуального законодательства. При этом результа-

ты ее применения обладают доказательственным значением и могут использоваться в качестве обоснования как виновности, так и невиновности определенного лица. Поэтому следует согласиться с мнением рядом тех исследователей, которые указывают на необходимость разработки целого комплекса видов применения специальных знаний с выработкой единого подхода при формировании в уголовно-процессуальном законодательстве актуального понятийного аппарата при использовании специальных знаний. Помимо этого, к процессуальной форме использования специальных знаний следует отнести подготовку специалистом письменного заключения по поставленным следователем вопросам (п. 3 ст. 80 УПК РФ) или допрос специалиста (п. 4 ст. 80 УПК РФ) с целью получения разъяснений высказанного им в письменном заключении мнения, а также для выяснения обстоятельств, требующих специальных знаний.

Непроцессуальная форма применения специальных знаний включает в числе прочих консультационно-справочную деятельность специалиста, в ходе которой он может оказать следователю помощь в подготовке или проведении необходимых следственных действий, при этом перед специалистом ставятся вопросы, которые входят в его профессиональную компетенцию. В практической деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию транспортных преступлений и преступлений, совершаемых на транспорте, довольно часто используются непроцессуальные формы помощи специалистов. К таким случаям можно отнести предварительный осмотр и исследование веществ, предметов и иных материальных объектов как возможных носителей доказательств; определение признаков, свидетельствующих о нарушении конкретных правил движения или эксплуатации транспортного средства; помощь специалистов в сфере эксплуатации объектов железнодорожной инфраструктуры, в том числе сигнализации и связи; специалистов по обслуживанию специальных приборов и др.

Следует отметить, что для успешного раскрытия и расследования транспортного преступления, как правило, назначаются и проводятся различные экспертизы, в том числе технические, где также требуются познания специалистов конкретной отрасли транспортной инфраструктуры. Среди других часто назначаемых следователем экспертиз можно выделить проведение судебно-медицинской экспертизы, дактилоскопической, строительной, генотипоскопической, фотоскопической, компьютерной и др.

В процессе расследования транспортных преступлений на железнодорожном транспорте и в метрополитене без использования технических знаний специалистов вряд ли можно обойтись. Лишь на основе специальных знаний возможно определение характера события на транспорте, например, железнодорожной аварии и причин её появления, имело ли место при этом противоправное вмешательство сторонних лиц или причина в технической неисправности данного транспортного средства (путей, стрелочного перевода, путевого хозяйства и др.). При осмотре места происшествия и транспортного средства знания специалиста окажут большую помощь в определении названия той или иной детали, её вида, укажут, как можно осмотреть внут-

ренное содержание закрытой детали с помощью Видеоэндоскопа VS70 (компании Flir Systems Inc. США) и т.д.

При этом еще до возбуждения уголовного по факту совершенного транспортного преступления применение следователем специальных знаний может быть произведено как для получения сведений, указывающих на признаки данного преступления, так и для обеспечения фиксации следов преступления и доказательств, способных со временем «угаснуть», то есть исчезнуть по объективным причинам бесследно. Это, в свою очередь, негативно скажется на наличии и пригодности объектов для возможного экспертного исследования, снижая тем самым уровень раскрываемости преступлений.

На доктринальном уровне в настоящее время существует позиция, согласно которой выделена особая методологическая роль такого концепта как специальные знания, состоящая в целенаправленном их исследовании на основе специальных направлений профессиональной деятельности, направленной на борьбу с преступностью. Например, В.И. Шикановым выделяются следующие ключевые направления, в рамках которых могут быть использованы специальные знания: «сфера принятия решений, связанных с возбуждением уголовного дела; сфера предварительного следствия (дознания); сфера судебного разбирательства; особая сфера оперативно-розыскной деятельности органов дознания» [3, с. 27]. Иные аспекты отмечают В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль – они уточняют сами формы применения специальных знаний: их использование следователем; участие в следственных действиях специалистов, а также назначение и производство необходимых экспертиз» [3, с. 60].

В достаточно упрощенной форме сформулирована позиция А.К. Мигунова в отношении задачи классификации форм и методов использования специальных знаний в ходе расследования преступлений, определяющая, во-первых, основные (использование результатов судебной экспертизы, участие специалистов и т.д.) и, во-вторых, неосновные формы [5].

В свою очередь, рядом авторов классифицируются формы использования специальных знаний исходя из присущей им правовой регламентации, выражающейся в привлечение к участию в осуществляемых в рамках уголовного дела процессуальных действиях специалиста – согласно ст. 58 УПК РФ; при назначении и производстве судебной экспертизы (ст. ст. 195, 196, 199-201 УПК); при документальной проверке и ревизии (ч. 1 ст. 144 УПК); при допросе эксперта (ч. 2 ст. 80 и ст. 205 УПК); получении заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК); получении показаний специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК). Поэтому нецелесообразно не учитывать специальные знания следователя вследствие возможности их применения наравне со специалистом. Следует учитывать и то, что присущие им обоим специальные знания часто по определенным параметрам могут совпадать. Так, при привлечении специалиста в производство следственных действий это обосновано существованием определенных потребностей по обнаружению, изъятию и фиксации существующих следов транспортного преступления. Поэтому и криминалистические знания, которыми обладает специалист, в определенной мере могут быть дополнены знаниями следователя.

Но следует указать на существование различий по форме и цели применения знаний каждым из них. В данном случае в качестве основного критерия разграничения специальных знаний и их применения экспертом и следователем выступает процессуальная форма их использования, а не их характер. При этом восприятие некоторого объема знаний как специальных у следователя должно опираться на его субъективное отношение в целом к тем или иным областям знания. То есть для следователя в качестве специальных выступают только знания, не являющиеся для него профессиональными. Поэтому при детальном структурировании видов специальных знаний, которые могут быть использованы при расследовании уголовных дел по транспортным преступлениям, они выстраиваются в особую систему. В частности, в ходе расследования транспортного преступления возможно использование следователем различных специальных знаний на различных его этапах: при осмотре или обыске места происшествия, при выемке, производстве следственного эксперимента и т.д.

Можно предположить, что в случае самостоятельного использования следователем специальных знаний признать их в качестве доказательств сложно, так как выявленные в результате этого фактические данные могут быть признаны доказательствами только при придании им уголовно-процессуальной формы (описание выявленных следователем следов в протоколе, получение образцов для изучения и т.п.). Но в данном случае следует различать роль следователя в применении специальных знаний и обличение их в процессуальную форму и не снижать роль специалиста в производстве следственных действий.

Несомненно, следователь выступает как специальный субъект расследования, не являясь при этом, по мнению Т.В. Толстухиной, «процессуальным носителем специальных знаний» [6, с. 81]. Поэтому при рассмотрении вопроса относительно форм использования специальных знаний в ходе расследования преступления значимыми действиями являются не только выявление и оценка необходимых признаков, которые являются значимыми для установления необходимых фактов, но и собственно осуществление организационных мероприятий по расследованию преступления в той или иной следственной ситуации. В подобной ситуации познавательную деятельность следователя следует охарактеризовать с позиции формирования им субъективного мнения о характере и содержании возникшей следственной ситуации, исходя из оценивания всей ситуации, находящейся в ведении следователя. Особенно это становится значимым для сторон в тех случаях, когда сам факт использования специальных знаний предполагает непосредственно квалификацию преступного деяния или же оценку доказательств, а также связано с принятием необходимых процессуальных решений.

В этой связи фактическое использование специальных знаний следователем при расследовании транспортных преступлений не означает, что он не может привлекать к процессу доказывания соответствующих специалистов. В данном случае использование специальных знаний непосредственно следователем выступает как самостоятельная форма их применения и не мо-

жет противоречить использованию других форм, не подменяя их. В этой связи следует согласиться с Г.И. Грамовичем, для которого следователем должны применяться специальные знания так, чтобы ему самому не стать источником доказательств [7, с. 90].

С учётом сказанного, основная цель применения специальных знаний, полученных от специалистов в ходе расследования транспортных преступлений, заключается в формировании актуальной системы доказательств по уголовному делу. Указанную общую цель следователь может достигнуть путем решения частных задач, обеспечивающих надлежащее использование специальных познаний, а именно:

- обеспечение обнаружения, закрепления и изъятия следов, вещественных и иных доказательств;
- обеспечение в необходимых случаях применения технических средств для выявления и раскрытия транспортных преступлений, без указания конкретных процессуальных действий;
- надлежащее исследование следов, а также вещественных и иных доказательств в рамках уголовного дела;
- использование консультирования по вопросам, возникающим при назначении экспертизы.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что профессиональная деятельность следователя при расследовании транспортных преступлений не может быть ограничена определенными методами познания, используемыми при исследовании объектов и субъектов, а также конкретных ситуаций. Следователь должен исследовать событие преступления полностью, как целостность, можно сказать изнутри. Помимо этого, он должен и организовать проведение расследования посредством принятия и разрешения возникающих как стратегических, так и тактических задач, особенно задач процессуального характера. При подобном применении методов расследования следователю необходимо выполнить следующие действия:

- активизировать и организовать работу, связанную с изучением объектов и субъектов, их связей, а также с получением информации по разрешению вопросов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу;
- классифицировать и систематизировать все имеющиеся и уже добытые сведения и определить дальнейшее направление дальнейшего сбора и изучения криминалистически значимой для расследования информации;
- выявить существенные связи и взаимозависимости в имеющихся фактах и объединять всю информацию в рамках единой системы доказательств, посредством которых возможно полное установление события преступления и наличия уголовная ответственность определенных лиц;
- определить этапы и очередность совершения определенных процессуальных и иных действий с учетом особенностей, возникающих в рамках определенного этапа достижения основной цели - раскрытия преступления [8, с. 85].

Исходя из этого, необходимо согласиться с таким положением, что в УПК РФ по некоторым вопросам в значительной степени менее регламентированы

тактические действия следователя. В частности, показательной является ч. 2 ст. 189 УПК, в которой просто констатируется: задавать наводящие вопросы запрещается. При этом следователь свободен в выборе тактики допроса, контрастируя в этой части с детальной регламентацией в ст. 159 УПК РСФР [9].

Необходимо заметить, что в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также в Уголовно-процессуальном кодексе РФ в части регулирования института специальных знаний требуется проведение значительной корректировки, обусловленной главным образом тем, что законодатель не предусмотрел систематизации норм данного института. Полагаем, все правовые нормы, регулирующие использование специальных знаний, следует подразделить на общие и частные, с последующим их расположением в строгой логической последовательности.

Следовательно, как определение понятия «специальные знания», так и собственно их применение в расследовании транспортных преступлений обладают определяющим значением. Существующие и постоянно дополняющиеся новыми подходами дискуссии о сущности и содержания понятия «специальные знания», не могут быть разрешены в рамках текущего его понимания в рамках российского уголовно-процессуального права. Это, прежде всего, предполагает разработку и легализацию данного понятия, что во многом и позволит на более высоком уровне разрешать вопросы, связанные не только с порядком и условиями привлечения необходимых специалистов, но и нивелировать ту путаницу, которая возникает при использовании знаний различных категорий, не подпадающих под категорию специальных в рамках существующего порядка уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. М.: Юристъ, 1999. 552 с.
2. Сорокотягин, И. Н. Судебная экспертиза : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 288 с. - Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/432959> (дата обращения: 13.10.2020).
3. Шиканов В.И. Использование специальных познаний. Иркутск, 1976. С. 27.
4. Лисиченко В.К. Использование специальных знаний в следственной и судебной практике / В.К. Лисиченко, В.В. Циркаль. Киев, 1987. С. 50 – 60.
5. Использование специальных познаний при расследовании преступлений: учебное пособие; под ред. Ф.В. Глазырина. Свердловск, 1978. С. 3.
6. Толстухина, Т.В. Проблемы использования специальных знаний специалиста в стадии возбуждения уголовного дела / Т.В. Толстухина, И.В. Устинова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1 – 2. С. 81.

7. Грамович, Г. И. О совершенствовании правового регулирования применения специальных знаний и научно-технических средств в расследовании преступлений // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. / Под общ. ред. Г. Н. Мухина. – Минск : Академия МВД, 2003. С. 90.

8. Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск: Изд-во «Университетское», 1985. С. 85.

9. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007.

Хрусталеv Виталий Николаевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики Юридического института ФГАОУ
ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)»,
доктор юридических наук, профессор,
г. Москва, Россия.

КАКОЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ ОПРЕДЕЛЯЕТ НОВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 40.05.03 «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»?

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ ФГОС ВО по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» поколений 3+ и 3++. Показано, что изменения, которые претерпел образовательный стандарт последнего поколения, закономерно приведут не к необходимому для практики борьбы с преступностью повышению качества подготовки будущих экспертов, а к существенному снижению этого качества. Причины такой деградации являются следствием методичного размывания в нашей стране грани между юридическими и специальными знаниями, юридическим и экспертным образованием.

Ключевые слова: судебный эксперт, образовательный стандарт, профессиональные компетенции, качество подготовки.

Annotation: The article conducted a comparative analysis of FGOS VO in the specialty of 40.05.03 "Forensic Examination" of generations of 3+ and 3. It is shown that the changes that have undergone the educational standard of the last generation, will naturally lead not to the necessary for the practice of combating crime to improve the quality of training of future experts, but to a significant reduction in this quality. The reasons for this apparent degradation are the result of methodical blurring of the line between legal and special knowledge, legal and expert education in our country.

Keywords: forensic expert, educational standard, professional competence, quality of training.

Приказом Минобрнауки России от 31.08.2020 г. № 1136 утвержден ФГОС ВО, представляющий собой совокупность обязательных требований при реализации основных профессиональных образовательных программ специалитета по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза». В рамках освоения программы специалитета, наряду с другими, выпускники должны готовиться к осуществлению экспертной и технико-криминалистической профессиональной деятельности. Без преувеличения можно утверждать, что эти типы профессиональной деятельности в ее структуре является ключевым, поскольку недостатки технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений и других правонарушений неизбежно повлекут за собой общий низкий уровень и судебно-экспертного, и в целом научно-технического обеспечения; если говорить об уголовном судопроизводстве, это поставит под сомнение возможность успешного раскрытия и расследования неочевидных преступлений.

Следует признать, что одним из наиболее проблемных, низкоэффективных направлений деятельности судебно-экспертных учреждений, сотрудники которых привлекаются в качестве специалистов-криминалистов к участию в осмотрах мест происшествий, других следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, является собирание и предварительное исследование материальных следов преступления. Поскольку вследствие ряда объективных и субъективных причин общий уровень профессионализма судебных экспертов в России, да и на всем постсоветском пространстве, существенно снизился и продолжает снижаться, надеяться на то, что ученическая система подготовки судебных экспертов, осуществляемая в судебно-экспертных организациях по принципу наставничества, решит эту проблему, не приходится. Поэтому **необходимо методично и целеустремленно улучшать экспертную и технико-криминалистическую подготовку будущих сотрудников этих организаций, проходящих обучение по специальности «Судебная экспертиза».** Рассмотрим, насколько новый образовательный стандарт по этой специальности в сравнении с ранее действовавшим, утвержденным в 2016 г., позволит это сделать.

Прежде всего, при сравнении этих образовательных стандартов бросается в глаза существенное изменение характеристики профессиональной деятельности выпускников. Если во ФГОС ВО 2016 г. эта характеристика определена предельно конкретно:

«4.1. Область профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу специалитета, включает: судебно-экспертную деятельность по обеспечению судопроизводства, предупреждения, раскрытия и расследования правонарушений путем использования специальных знаний для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования материальных носителей информации, необходимой для установления фактических данных.

4.2. Объектами профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу специалитета, являются свойства и признаки материальных носителей розыскной и доказательственной информации» [1, С. 3-4], то

во ФГОС ВО 2020 г. фигурирует аморфная, размытая формулировка, ни к чему конкретному выпускников не обязывающая:

«1.12. Область профессиональной деятельности и сферы профессиональной деятельности, в которых выпускники, освоившие программу специалитета (далее – выпускники), могут осуществлять профессиональную деятельность:

09 Юриспруденция (в сферах: правоохранительной деятельности; обороны и безопасности государства).

Выпускники могут осуществлять профессиональную деятельность в других областях профессиональной деятельности и (или) сферах профессиональной деятельности при условии соответствия уровня их образования и полученных компетенций требованиям к квалификации работника» [2, С.4]. При этом из нового ФГОС ВО напрочь исчезло определение объектов профессиональной деятельности выпускников, имеющее немаловажное значение.

Кроме того, при сравнении этих образовательных стандартов бросается в глаза существенное увеличение в стандарте 2020 г. типов профессиональной деятельности. Если во ФГОС ВО 2016 г. фигурируют всего 6 видов профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники: экспертная; технико-криминалистическая; информационная; организационно-управленческая; организационно-методическая; профилактическая [1, С. 4], то во ФГОС ВО 2020 г. уже обозначено 9 типов профессиональной деятельности: правоприменительный, экспертный, технико-криминалистический, консультационный, а в дополнение – и правоохранительный, информационно-аналитический, профилактический, оперативно-служебный и организационно-управленческий [2, С.4]. Подготовка выпускников к вновь появившимся в экспертном стандарте таким типам деятельности, как правоприменительная, консультационная, правоохранительная, информационно-аналитическая и оперативно-служебная, которые к деятельности судебного эксперта имеют весьма опосредованное отношение, безусловно, потребует уменьшения учебного времени, отводимого на подготовку выпускников к основным для судебных экспертов типам деятельности – экспертной и технико-криминалистической, что никак нельзя приветствовать.

Представление о содержательной части видов (типов) деятельности профессиональной тоже изменилось. В стандарте 2016 г. читаем, что **технико-криминалистическая деятельность, это:**

- исследование вещной обстановки мест происшествий в целях обнаружения, фиксации, изъятия материальных следов правонарушения, а также их предварительного исследования;

- участие в качестве специалиста в других процессуальных действиях;

- участие в качестве специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях;

- участие в качестве специалиста в гражданском и арбитражном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях [1, С. 5]; а выпускник для обеспечения технико-криминалистической

деятельности должен обладать следующими профессиональными компетенциями:

- способностью применять при осмотре места происшествия технико-криминалистические методы и средства поиска, обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования материальных объектов – вещественных доказательств (ПК-6);

- способностью участвовать в качестве специалиста в следственных и других процессуальных действиях, а так же в непроцессуальных действиях (ПК-7) [1, С. 10], и это не вызывает ни каких возражений.

В стандарте же 2020 г. указано лишь, что технико-криминалистическая деятельность подразумевает формирование такой общепрофессиональной компетенции, как ОПК-6 – способность использовать технико-криминалистические методы и средства, тактические приемы производства следственных действий в соответствии с методиками раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений, выполнять функции специалиста при проведении процессуальных и непроцессуальных действий [2, С. 11]. Но непонятно, каким образом функцию применять тактические приемы производства следственных действий в соответствии с методиками раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений, в чистом виде присущую следователям, обладающим процессуальными полномочиями по расследованию преступлений и руководящим следственно-оперативными группами, в состав которых наряду с оперативными сотрудниками входят и специалисты-криминалисты, передали последним, ведь **речь идет не о знаниях, а именно о способности использовать** тактические приемы производства следственных действий. Что же тогда должен делать следователь: возможно, выполнять функции специалиста-криминалиста: обнаруживать, фиксировать и изымать материальные следы?

В стандарте 2016 г. читаем, что **экспертная деятельность, это:** производство судебных экспертиз по уголовным, гражданским, административным делам и делам об административных правонарушениях; и производство исследований по заданиям правоохранительных органов и других субъектов правоприменительной деятельности [1, С. 5], для осуществления которой выпускник должен обладать следующими профессиональными компетенциями:

- «способностью использовать знания теоретических, методических, процессуальных и организационных основ судебной экспертизы, криминалистики при производстве судебных экспертиз и исследований (ПК-1);

- способностью применять методики судебных экспертных исследований в профессиональной деятельности (ПК-2);

- способностью использовать естественнонаучные методы при исследовании вещественных доказательств ПК-3);

- способностью применять технические средства при обнаружении, фиксации и исследовании материальных объектов – вещественных доказательств в процессе производства судебных экспертиз (ПК-4);

способностью применять познания в области уголовного права и уголовного процесса (ПК-5)» [1, С. 9-10]. Подчеркнем, что **речь в основном идет именно о реальных способностях, подразумевающих наличие конкретных умений.**

В стандарте же 2020 г. указано лишь, что для осуществления экспертной деятельности выпускник должен обладать единственной компетенцией «ОПК-7. Способен использовать знания теоретических, методических, процессуальных и организационных основ судебной экспертизы, криминалистики при производстве судебных экспертиз и исследований» [2, С. 11], причем **говорится только о способности использовать знания, об умениях не сказано ничего.**

Для сравнения, в этом же ФГОС ВО для обеспечения правоприменительной деятельности будущий судебный эксперт должен обладать уже тремя компетенциями: «ОПК-3. Способен оперировать основными общеправовыми понятиями и категориями, анализировать и толковать нормы права, давать юридическую оценку фактам и обстоятельствам; ОПК-4. Способен составлять процессуальные и служебные документы; ОПК-5. Способен применять нормы материального и процессуального права в точном соответствии с правовыми принципами и действующими нормативными правовыми актами с учетом специфики отдельных отраслей права» [2, С. 11], и здесь речь идет уже об умениях, которые, однако, изначально должны быть присущи не эксперту, а юристу, например, будущему следователю.

Сравнительный анализ минимально необходимого для реализации программы специалитета перечня материально-технического обеспечения, приведенного в стандартах, вообще приводит в оторопь. В стандарте 2016 г. указано, что этот перечень, безотносительно реализуемой вузом специализации, должен включать в себя «лаборатории и полигоны:

- судебной фотографии и судебной видеозаписи;
- трасологических исследований;
- криминалистического исследования документов;
- криминалистические полигоны; ...» [1, С. 25], и это совершенно логично,

поскольку в судебно-экспертных организациях, сотрудники которых участвуют в качестве специалистов-криминалистов в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, все эксперты, независимо от их специализации, включаются в соответствующие графики дежурств и должны быть подготовлены к деятельности в качестве специалиста-криминалиста. А в стандарте 2020 г. в минимально необходимом для реализации программы специалитета перечне материально-технического обеспечения фигурирует лишь кабинет криминалистики, а криминалистические полигоны не упоминаются ни в разделе, относящемся ко всем реализуемым специализациям, ни даже применительно к специализации «Криминалистические экспертизы» [2, С. 16, 17]! Это означает лишь одно: перед теми, кто будет реализовывать специальность «Судебная экспертиза» в соответствии с вновь принятым образовательным стандартом, задача подготовить выпускников к работе по собиранию материальных следов вообще не ставится!

Можно конечно сослаться на то, что в соответствии со стандартом 2020 г. «При отсутствии профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, профессиональные компетенции определяются Организацией на основе анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли, в которой востребованы выпускники, иных источников», кроме того организация устанавливает в программе специалитета индикаторы достижения компетенций самостоятельно, причем совокупность запланированных результатов обучения по дисциплинам (модулям) и практикам должна обеспечивать формирование у выпускника всех компетенций, установленных программой специалитета» [2, С. 13]. Да, такие права образовательным организациям предоставлены, но и в прежние времена вузы, определяя перечень материально-технического обеспечения реализации образовательных программ по «Судебной экспертизе», исходили из минимально-необходимого уровня такого обеспечения, зафиксированного в образовательном стандарте. В наше же время вузы исходят из необходимости постоянно оптимизировать учебный процесс, максимально удешевляя его, без оглядки на неизбежное снижение при этом качества подготовки. И надеяться на то, что найдется вуз, который пойдет навстречу обращениям экспертных кафедр, и в целях повышения качества подготовки экспертов создаст для этого материально-техническую базу, превышающую минимально-необходимый уровень, определенный образовательным стандартом, никак не приходится.

Совершенно очевидно, что **изменения, которые претерпел ФГОС ВО по «Судебной экспертизе» при переходе от стандарта поколения 3+ (2016 г.) к стандарту поколения 3++ (2020 г.), закономерно приведут не к необходимому для практики борьбы с преступности улучшению экспертной и технико-криминалистической подготовки будущих сотрудников судебно-экспертных организаций, а к существенному ухудшению качества этой подготовки.**

С нашей точки зрения, причины такой очевидной деградации кроются в методичном размывании в нашей стране грани между юридическими и специальными знаниями, юридическим и экспертным образованием. Сам по себе феномен судебной экспертизы, привлечения специалиста к участию в следственных, в том числе процессуальных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, появился именно потому, что в процессе раскрытия и расследования преступлений, при судебном разбирательстве у следователей, судей возникает необходимость решения вопросов, требующих профессиональных знаний, которыми сами следователи и судьи – носители юридических знаний – не обладают. В таких случаях они обращаются к *сведущим лицам*, располагающим такими *специальными знаниями*. Это не юридические, не общеизвестные, не общедоступные знания, которыми располагает ограниченный круг людей, это любые знания в науке, технике, искусстве или ремесле (исключая область

процессуального и материального права), применяемые для разрешения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия, это не юридические знания.

Попробуем разобраться, в каком объеме юридические знания действительно нужны судебному эксперту? Ответить на этот вопрос поможет ряд соображений.

1. Следователи, судьи привлекают судебных экспертов, специалистов как носителей специальных не юридических знаний, которыми сами они (юристы по образованию) не обладают.

2. Эксперту при производстве судебной экспертизы запрещается решать правовые вопросы.

3. Эксперт, как правило, производит исследование материальных носителей информации о расследуемом событии безотносительно декларируемых обстоятельств этого события. Поэтому **методика экспертного исследования совершенно не зависит от того, в рамках какого (уголовного, гражданского) процесса она реализуется.** Следовательно, эксперт юридические знания использует за рамками процесса экспертного исследования.

4. Экспертизы все чаще проводятся не только по уголовным, но и по гражданским делам. Экспертов по таким делам регулярно вызывают в суд, но вовсе не для того, чтобы трактовать нормы гражданского права, а как носителей специальных неюридических знаний.

Из этого может быть сделан вывод о том, что **юридические знания судебным экспертам нужны в ограниченном объеме для понимания сути правовых норм, которые они обязаны соблюдать, и осознания своего места в правоохранительной системе. Причем речь идет именно о юридических знаниях, а не юридическом образовании.** Судебная экспертиза – один из видов использования специальных знаний в процессуальной форме. Для обеспечения этой формы будущие эксперты, несомненно, в определенном объеме должны получать правовые знания. Но в судебной экспертизе важна не столько правовая форма, сколько содержание, а оно, как правило, естественнонаучное, техническое. Поэтому для обеспечения качественной подготовки в структуре образования судебных экспертов форма (правовые знания) не должна превалировать над содержанием [3, С. 156-171].

Именно таким образом осуществляется академическая подготовка экспертов в развитых западных странах, в рамках которой химия, физика, биология и математика занимают главное место в обучении [4, С. 57-65]. И у нас в стране такой же подход десятилетиями реализуется в рамках академической подготовки экспертов – судебных медиков, которых готовят из лиц с высшим медицинским образованием в форме послевузовского профессионального образования в ординатуре по специальности 31.08.10 «Судебно-медицинская экспертиза» за 2 года для самостоятельной профессиональной работы в качестве врача судебно-медицинского эксперта.

Виды профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу ординатуры: профилактическая; диагностиче-

ская (в рамках которой, в частности, и решается профессиональная задача проведения судебно-медицинской экспертизы); психолого-педагогическая; организационно-управленческая [5, С. 1-7; 6, С. 5-8]. Причем юридические знания будущие судебно-медицинские эксперты получают в минимальном объеме в рамках таких, например, базовых учебных дисциплин, как Судебно-медицинская экспертиза.

По нашему мнению, юридические знания будущего судебного эксперта должны быть качественными и системными и формироваться в результате преподавания таких юридических дисциплин, как Теория государства и права, Уголовное право, Уголовный процесс, Криминология и Основы оперативно-розыскной деятельности. Далее студенты должны изучать Криминалистику, Теорию судебной экспертизы, а также такие собственно судебно-экспертные базовые дисциплины, как Методы судебно-экспертных исследований, Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий из них, Судебную фотографию и видеозапись, Участие специалиста в процессуальных действиях и другие учебные дисциплины, в рамках которых они будут изучать методики производства экспертиз, соответствующих конкретной экспертной специализации.

Академическая подготовка зародилась в СССР в середине прошлого столетия, и длительное время осуществлялась только в образовательных учреждениях МВД. В нашей стране изначально в течение 45 лет она была жестко связана с юридическим образованием (готовили только экспертов-криминалистов в рамках специальности «Правоведение» с присвоением квалификации «эксперт-криминалист»). Причина этого кроется в том, что наука криминалистика, зародившись (и на Западе, и в России) как естественно-техническая наука прикладного характера, к указанному времени в нашей стране (в отличие от развитых стран Запада и Востока) стала трактоваться как наука юридическая. В соответствии с этим и эксперты-криминалисты по образованию становились юристами. Лишь позднее, к счастью, профессор Р.С. Белкин констатировал синтетическую природу науки криминалистики. [7. С. 8-15], что положительно повлияло на возможность создания самостоятельной образовательной специальности «Судебная экспертиза».

Специальность «Судебная экспертиза» образовалась, оторвав российскую академическую экспертную подготовку от юридического образования, и можно уверенно утверждать, что новая экспертная специальность появилась именно в соответствии с потребностями экспертной практики и потребностями практики борьбы с преступностью в целом [8. С. 59-65]. Но в 2013 г. начался обратный процесс: специальность 400503 «Судебная экспертиза» (Специалитет) была включена во вновь созданную укрупненную группу специальностей «Юриспруденция» наряду со специальностями 400301 «Юриспруденция» (Бакалавриат), 400501 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (Специалитет) и 400502 «Правоохранительная деятельность» (Специалитет). Этот шаг оправдан по некоторым тактическим соображениям, самое весомое из которых – облегчение процесса защиты кандидатских диссертаций по Судебно-экспертной деятельности, исключение необходимости

подтверждения наличия у соискателя юридического образования. А вот стратегически это однозначный проигрыш, поскольку тем самым были созданы предпосылки деградации академической подготовки судебных экспертов, ухудшения качества их подготовки. И вот при подготовке ФГОС ВО по «Судебной экспертизе» очередного поколения его содержание, по сравнению с ранее действовавшим, существенно изменяется именно для того, чтобы оправдать этот сомнительный шаг.

Интересно, что и с юридическим образованием происходят изменения, направленные на сращивание его с экспертным образованием. В 2016 г. во ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) к традиционным для юристов видам профессиональной деятельности – нормотворческой, правоприменительной и правоохранительной – добавилась экспертно-консультационная деятельность, подразумевающая подготовку выпускников к осуществлению правовой экспертизы документов [9, С. 4-5]. В аналогичном стандарте 2020 г. эта экспертиза фигурирует уже как юридическая экспертиза, выполняемая при осуществлении экспертно-юридической деятельности [10, С. 4, 11]. Тем самым уже юристы наделяются функциями сведущих лиц – экспертов, продолжается процесс стирания грани между юридическим и экспертным образованием.

Но не за горами время, когда нам судебных экспертов уже придется готовить по юридическому стандарту – стандарту четвертого поколения, который будет единым для указанной укрупненной группы юридических специальностей. При этом весьма возможном переходе форма (правовые знания) судебных экспертов имеет все шансы практически полностью подменить содержание (естественнонаучные, технические и собственно экспертные знания). Заинтересована ли практика борьбы с преступностью в нашей стране, в которой и без того средний уровень производимых судебных экспертиз, уровень качества работы специалистов-криминалистов со следами на местах происшествий оставляют желать лучшего, в падении качества подготовки экспертов? Разумеется, нет! Хотелось бы, чтобы в ходе предстоящих преобразований не было упущено главное: **судебные эксперты смогут достойно выполнять свое предназначение только как носители специальных неюридических знаний.**

Список литературы:

1. Приказ Минобрнауки России от 28.10.2016 №1342 (ред. от 13.07.2017) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета)» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2016 №44595) /Электронный ресурс URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-28.10.2016-N-1342/> [дата обращения 17.10.2020].

2. Приказ Минобрнауки РФ от 31.08.2020 №1136

"Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.03

Судебная экспертиза" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 14.09.2020 №59827) /Электронный ресурс URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150048> [дата обращения 17.10.2020].

3. Хрусталев В.Н. Как обеспечить достоверность доказательств, получаемых экспертным путем? /Судебная экспертиза. Выпуск 3 (47) 2016: научно-практический журнал. – Волгоград: ВА МВД России, 2016. С. 156-171.

4. Хрусталев В.Н. Опыт подготовки экспертов-криминалистов (по материалам зарубежной печати) / Экспертная практика. М.: ЭКЦ МВД РФ, 1995, № 38, С. 57-65.

5. Приказ Минобрнауки России от 25.08.2014 № 1052 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза (уровень подготовки кадров высшей квалификации)" (Зарегистрировано в Минюсте России 27.10.2014 № 34460). /Электронный ресурс URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-25.08.2014-N-1052/> [дата обращения 17.10.2020].

6. Основная образовательная программа высшего образования. Направление подготовки (специальности) 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» Институт фундаментальной медицины и биологии. Казань, 2019 /Электронный ресурс URL: https://stat.kpfu.ru/content/uploads/2019/10/ОПОП_Суд-мед-экспертиза.pdf [дата обращения 17.10.2020].

7. Белкин Р.С. Криминалистика и теория судебной экспертизы: природа и связи // Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью // Тез. докл. Международного симпозиума. М., 1994.

8. Хрусталев В.Н. Специальность «Судебная экспертиза»: прошлое, настоящее и будущее / Судебная экспертиза: Научно-практический журнал. 2004. №1.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 1 декабря 2016 г. № 1511) /Электронный ресурс URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-01.12.2016-N-1511/> [дата обращения 17.10.2020].

10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 13 августа 2020 г. № 1011) /Электронный ресурс URL: <https://rg.ru/2020/09/08/minnauki-prikaz1011-site-dok.html/> [дата обращения 17.10.2020].

Чемерис Алексей Викторович,
главный научный сотрудник лаборатории биоинженерии растений
и микроорганизмов Института биохимии и генетики - обособленного
структурного подразделения ФГБНУ Уфимский федеральный
исследовательский центр Российской академии наук,
Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан,
доктор биологических наук, профессор;

Аминев Фарит Гизарович,
профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет», член Президиума Союза
«Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)»,
председатель Общественного совета по экспертной деятельности
Республики Башкортостан,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Анисимов Владимир Александрович,
доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент;

Гарафутдинов Равиль Ринатович,
заведующий лабораторией физико-химических методов анализа
биополимеров Института биохимии и генетики - обособленного
структурного подразделения ФГБНУ Уфимский федеральный
исследовательский центр Российской академии наук,
кандидат биологических наук, доцент;

Сагитов Александр Муфазалович,
директор ООО Рост-Консалт,
г. Уфа, Россия.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ

Аннотация: Кратко рассмотрены криминалистические базы ДНК-данных и особенности их формирования в разных странах, в том числе на основе различных маркерных признаков в виде VNTR- и STR-полиморфизма. Отдельное внимание уделено семейному анализу, по существующим базам ДНК-данных позволяющему выявлять кровных родственников анонимных преступников по имеющимся у правоохранительных органов ДНК-профилей из оставленных ДНК-следов. Отмечено привлечение в последние годы к подобному поиску преступников генеалогических баз данных. Приведены примеры успешного задержания лиц, совершивших серьезные преступления против личности, в том числе в далеком прошлом. Высказана точка зрения, что ДНК-регистрация всего населения решит многие проблемы жизни общества. При этом микродиплотипы, объединяющие значительное число одно-

нуклеотидных замен, могут стать новым поколением маркерных признаков за счет целого ряда преимуществ перед ныне используемыми STR-локусами.

Ключевые слова: ДНК-криминалистика, ДНК-идентификация, базы ДНК-данных, семейный ДНК-анализ, генеалогические базы ДНК-данных

Keywords: DNA forensics, DNA identification, DNA databases, familial DNA searching, genealogical DNA databases

Существует несколько типов баз данных, имеющих отношение к ДНК-криминалистике: базы ДНК-данных, банки ДНК, популяционные базы ДНК-данных и ряд других. База ДНК-данных представляет собой коллекцию компьютерных файлов, несущих информацию об установленном с помощью тех или иных переменных маркерных признаков полиморфизме принадлежащей конкретному человеку ДНК или полиморфизме ДНК, выделенной из некоего вещдока с места преступления. Фактически во многих странах это две разные базы данных. Также имеются отдельные базы ДНК-данных неопознанных трупов. Подобные базы ДНК-данных занимают относительно небольшой физический объем дискового пространства. При этом значимость базы ДНК-данных, несущей информацию в первую очередь о живых людях соизмеримо растет с ее увеличением. Но здесь возникают вопросы этического характера, связанные с наличием и пополнением таких баз ДНК данных, поскольку у некоторых людей имеются определенные опасения относительно несанкционированного использования их генетической информации.

Что касается криминалистических банков ДНК, то они представляют собой собрание биологических образцов, которыми могут служить кровь, сперма, слюна, волосы, кости и прочие субстанции, как взятые специально у подозреваемых, так и находящиеся в составе вещдоков. Хранятся и уже выделенные образцы ДНК. Такие банки ДНК, помимо того, что занимают довольно большой физический объем, зачастую требуют еще и особых условий хранения в виде низкой или даже ультранизкой температуры.

Популяционная база ДНК-данных также представляет собой компьютерные файлы, несущие уже обезличенную информацию о полиморфизме ДНК населения, сгруппированную согласно их этнической принадлежности, сообщенной самим носителем такой ДНК при сдаче им биологического материала (обычно крови). Такая база данных служит подспорьем в установлении владельца ДНК, поскольку позволяет учитывать распространенность тех или иных аллелей исследуемых локусов в популяции, к которой принадлежит преступник. Также возможен обратный результат в виде предположения - к какой этнической группе относится преступник и даже определения региона его рождения или рождения его предков с понятными оговорками, поскольку перемещение людей как по стране, так и между странами уже давно приобрело совсем другой размах, нежели это было в прошлом. Физический объем хранения таких компьютерных данных также относительно невелик. Причем ценность подобной базы данных для расследования преступлений неизбежно снижается с ростом числа используемых для ДНК-идентификации личности маркерных признаков, приводящих к уменьшению вероятности случайного

совпадения ДНК-профилей разных людей, и для целей ДНК-криминалистики даже может совсем потерять свою актуальность, когда информация о полиморфизме ДНК всего населения Планеты станет известна и будет храниться в соответствующих (универсальных) базах ДНК-данных, которые могут быть организованы практически в каждой стране.

Есть также и не имеющие казалось бы прямого отношения к ДНК-криминалистике другие базы ДНК-данных. Одну группу представляют собой те, что хранят ДНК информацию медицинского плана о своих пациентах, которая может быть полезна при их дальнейшем лечении. Последние годы их стали называть биобанками, имеющими некоторое сходство с криминалистическими банками ДНК [1]. Еще одну группу составляют формируемые целым рядом коммерческих фирм, строящим свой бизнес на генеалогическом поиске родственников их клиента на основе полиморфизма ДНК. При этом генеалогические базы ДНК-данных в последние годы стали использоваться в ДНК-криминалистике при розыске опасных (серийных) преступников.

Фактически первая криминалистическая база ДНК-данных была сформирована еще в 1986 – 1987 гг. в Англии при розыске маньяка-насильника, когда в графстве Лестершир с разницей в три года были совершены изнасилования и убийства двух девочек-подростков. Тогда полиция в короткий срок собрала в двух соседних городках образцы крови всего мужского населения подходящего возраста (около 5 тысяч человек¹), согласившихся сдать ее добровольно. Это был первый случай применения на практике ДНК-дактилоскопии для поимки преступника. Однако созданные банк ДНК и база ДНК-данных не помогли тогда выявить насильника, так как он сумел обманом уклониться от сдачи крови, но стало известно, что вместо него кровь сдал другой человек, после чего взяли кровь на анализ непосредственно у него и сомнений в том, что именно этот человек совершил эти преступления уже не осталось. Этот случай показывает, что подобные базы ДНК-данных должны быть максимально большими, а точнее содержащими информацию о буквально всем населении, но до этого во второй половине 1980-х гг. было еще очень далеко. Тем не менее, понимание, что подобные криминалистические базы ДНК-данных нужно создавать и использовать их при расследовании преступлений, совершаемых, в том числе рецидивистами уже тогда сформировалось.

Учитывая важность обладания правоохранительными органами подобной информацией, в Англии, а чуть позже и в США стали формироваться и пополняться базы ДНК-данных, основанные преимущественно на так называемом однолокусном VNTR-полиморфизме, который можно условно считать первым поколением массово используемых маркерных признаков для

¹ Эти пять тысяч человек сформировали фактически банк ДНК-данных в виде биологических образцов (крови), а созданная тогда база ДНК-данных (в виде полиморфизма ДНК) содержала информацию о ДНК только приблизительно тысячи человек, поскольку остальные образцы были отсеяны с помощью предварительных анализов групп крови и одного фермента.

ДНК-идентификации личности. Постепенно на местах шло накопление информации о полиморфизме ДНК преступников и в Соединенном Королевстве к 1995 году в ряде лабораторий содержались ДНК-профили на основе VNTR-локусов в совокупности для более чем 5700 человек. В том же году в апреле месяце начала функционировать ставшая первой в мире общегосударственной базой ДНК-данных на основе явившихся фактически вторым поколением маркерных признаков STR-локусов Национальная база ДНК-данных Англии и Уэльса (National DNA Database - NDNAD). Созданию такой базы данных предшествовало принятие в 1994 году британским парламентом Закона об уголовном правосудии и общественном порядке, который стал правовой основой для NDNAD. Этот закон позволил полиции брать образцы ДНК без согласия у любого лица, обвиняемого в совершении какого-либо правонарушения, которое классифицируется как «регистрируемое», а также осуществлять информационный поиск в базе данных соответствующих ДНК-профилей. К декабрю того же 1995 года NDNAD уже содержала 19000 ДНК-профилей и при проведении поиска по ней удалось выявить более 100 преступников, благодаря совпадениям данных полиморфизма их ДНК с хранившимся в этой базе данных.

Следом за Англией в Европейском союзе и других странах стали создаваться подобные криминалистические базы ДНК-данных. Одними из первых в 1996 году такие базы данных были созданы в Северной Ирландии, в Шотландии, а также в Новой Зеландии. В 1997 году настал черед Нидерландов и Австрии; в 1998 году – Германии. В 1998 г. база ДНК данных был создана в Словении; в 1999 году – Финляндии и Норвегии; в 2000 году – Дании, Швейцарии, Швеции, Хорватии, Болгарии; в 2001 году – Франции и Чехии; в 2002 году – Бельгии, Эстонии, Литвы, Словакии; в 2003 году – в Венгрии и Латвии [2]. Интерпол стал создавать свою базу данных ДНК с 2002 года и сейчас в ней содержится более 242 тысячи ДНК-профилей, внесенных 85 странами, входящими в Интерпол.

В США процесс становления и развития законодательства в области формирования национальной базы данных ДНК протекал несколько иным образом, чем в Англии. В США в конце 1980-х гг. ряд штатов решили создавать подобные базы ДНК-данных и когда последовали их примеру некоторые другие штаты, то ФБР разработало систему CODIS (Combined DNA Index System), позволяющую обмениваться данными и использовать таковые других штатов, что впервые было применено в суде в 1991 году в Миннесоте. В 1992 г. US Armed Forces Institute of Pathology создал банк ДНК, предназначенный для установления личности погибших в Ираке военнослужащих при операции 1991 г. «Буря в пустыне». Особенностью этого репозитория является то, что в нем хранятся образцы крови военнослужащих, но не их ДНК-данные, которые получают по мере появления не установленных останков, случающихся в ходе военных операций.

Проведенный анализ действовавшей с 1990 года в пилотном режиме системы CODIS показал, что по состоянию на октябрь 1993 года в нескольких штатах, задействованных в этой апробируемой системе, собрано в общей

сложности 141870 образцов ДНК преступников, проанализированных на основе VNTR-полиморфизма. Причем явными лидерами оказались штаты Калифорния и Виржиния с 37 и 70 тысячами ДНК-профилей соответственно. К 31 декабря 1993 г. законодательные решения о функционировании баз ДНК-данных были приняты в 19 штатах США. Значительную роль в дальнейшем развитии таких баз ДНК-данных и их распространению по территории США сыграл принятый в 1994 г. DNA Identification Act. К концу 1997 г. база данных CODIS увеличилась еще на 85 тысяч образцов, представленных в виде VNTR-локусов. А к моменту перехода системы CODIS² на другой тип полиморфизма в виде STR-локусов в разных штатах США в совокупности по состоянию на июль 1998 года имелось более 230 тысяч записей VNTR-полиморфизма.

Таким образом, в США с опозданием на три года от Англии стали создаваться базы ДНК-данных на основе STR-полиморфизма. Основой для функционирования новой национальной базы ДНК-данных в США служит все тот же Закон об идентификации ДНК 1994 года (DNA Identification Act of 1994), закрепивший создание национального индекса (National DNA Index System - NDIS), состоящего из: 1) записей идентификации ДНК лиц, осужденных за преступления; 2) анализов образцов ДНК, полученных с мест преступления; 3) анализов образцов ДНК, полученных из неопознанных человеческих останков. Аналогичные базы данных были созданы также на местном уровне (Local DNA Index System - LDIS) и уровне штатов (State DNA Index System - SDIS) в соответствии с законами штатов. Все они формируют единую систему, именуемую Объединенной системой индексов ДНК - Combined DNA Index System - CODIS. С июля 2004 г. CODIS действует в США во всех 50 штатах и федеральном округе Колумбия при том, что в октябре 1998 г., когда впервые была запущена эта система на основе 13 STR-локусов, она использовалась в криминалистических целях только в 9 штатах, но содержала уже в общей сложности около 119 тысяч ДНК-профилей, часть которых была получена из ранее имевшихся образцов ДНК, проанализированных до этого на основе DQA1/PM- и VNTR-локусов.

Следом за США система CODIS на основе 13 STR-локусов в декабре 1998 г. была принята в Канаде и организована соответствующая база ДНК-данных Canadian National DNA Databank (NDDDB), однако ее первое применение на практике состоялось в середине 2000 г. При этом архитектура NDDDB сильно напоминает трехуровневую систему CODIS в США.

Первая криминалистическая база ДНК-данных в России была создана в 2006 г. в рамках экспертно-криминалистического учета данных ДНК биологических объектов, утвержденного и регламентированного Приказом МВД от 10.02.2006 г. №70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федера-

² Сейчас CODIS прочно ассоциируется с STR-локусами, тогда как изначально эта система почти десятилетие использовала данные по VNTR-полиморфизму.

ции». Ныне действующая в РФ Федеральная база данных геномной информации функционирует в соответствии с Федеральным законом от 03.12.2008 г. №242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».

Новым этапом в функционировании криминалистических баз ДНК-данных следует считать применение семейного анализа для раскрытия особо тяжких преступлений [3, 4, 5]. Но, поскольку в этом случае к исследованию привлекаются ДНК-данные людей, которые об этом могут и не знать, то правозащитные организации выражают свое несогласие с таким подходом. При этом существует другая точка зрения, что права, по крайней мере, родственников погибших людей на установление виновных и понесения ими соответствующих наказаний также требуется принимать во внимание. В Англии подобный семейный анализ по криминалистическим базам ДНК-данных был разрешен в 2002 г., тогда как в США его позволили проводить только в 2008 г. Первым успешным применением семейного анализа для поимки преступника в 2004 г. было задержание человека, бросившего кирпич в лобовое стекло движущегося грузовика, в результате чего водитель скончался. На кирпиче были найдены биологические следы бросавшего, из которых удалось выделить ДНК, построить ДНК-профиль преступника, который оказался очень похож на имевшийся в базе ДНК-данных NDNAD и принадлежавший его брату.

Семейный анализ и ДНК-идентификация личности очень тесно переплетаются с установлением отцовства и прочих родственных отношений между людьми. Фактически первое практическое использование полиморфизма ДНК было связано именно с определением родства мальчика из Ганы с его матерью и остальными братьями и сестрами, установленному А.Джеффрисом в 1985 г. При идентификации останков нацистского палача Менгеле с помощью динуклеотидных STR-локусов тому же Джеффрису с соавт. в 1992 г. пришлось прибегнуть к анализу ДНК их близких родственников.

На протяжении многих лет при проведении экспертиз по установлению личности людей, погибших при авиакатастрофах, природных и техногенных пожарах, террористических атаках, ураганах, цунами и прочих крупномасштабных бедствиях, которые не могли быть идентифицированы без исследования ДНК, требовался семейный анализ, позволяющий с высокой степени вероятности определить принадлежность останков. В подобных случаях каких-либо этических моментов не возникает, потому что родственники сдают свою ДНК осознанно. Что касается семейного подхода для ДНК-криминалистики, у общества неожиданно появляется целый ряд причин, ему препятствующих. Одна из них заключается в том, что отдельные жертвы, например при изнасилованиях могут опасаться предоставлять свою ДНК на анализ из-за боязни за своих незаконопослушных родственников и соответственно не заявлять о преступлениях против них самих. Но вряд ли подобные ситуации составляют большую долю от всех преступлений сексуального характера. При этом уже очень многие, в том числе давние преступления против личности удалось раскрыть именно благодаря семейному анализу, по-

сколько ДНК кровных родственников несет общие черты, по которым, сравнивая достаточно большое число локусов, можно идентифицировать конкретного человека. К тому же по социологическим данным родственники из неблагополучных семей чаще совершают преступления и, в первую очередь это относится к отцам, их сыновьям и братьям.

Для проведения семейного анализа по криминалистическим базам ДНК-данных требуется искать не полную идентичность маркерных признаков, допуская лишь их частичное совпадение, и специализированные компьютерные программы позволяют проводить такой поиск. В качестве примеров разной строгости поиска по базам ДНК-данных можно привести следующие ситуации. Когда для каких-то ДНК-следов обнаружены для некоего STR-локуса аллели с числом повторяющихся мотивов 9 и 10, доставшихся анонимному носителю от отца и матери, то при максимально строгом поиске в базе ДНК-данных ищутся только полные совпадения. При средней степени строгости допустимые аллели могут быть 9 или 10, свидетельствующие, что, скорее всего аноним по ним гомозиготен, т.е. несет аллели 9 и 9, либо 10 и 10. Низкая степень строгости поиска предполагает обнаружение в базе данных людей, несущих аллели, например 9 и 11. И подобные частичные совпадения должны быть выявлены для многих STR-локусов, чтобы сделать вывод о потенциальном родстве анонима с конкретным человеком из базы ДНК-данных. Так, в 2010 г. был пойман преступник, совершивший с 1985 по 2007 гг. больше 10 убийств, благодаря тому, что ДНК-профиль его сына, задержанного за незаконное хранение оружия, показал высокое сходство с имевшимся у полиции ДНК-профилем неизвестного серийного убийцы, что и вывело на него [6].

В последние годы для подобного поиска особо опасных преступников стали использовать не только криминалистические базы данных, но и так называемые генеалогические. Уже есть случаи установления по ним преступников-маньяков, которых не могли найти на протяжении десятков лет. Так, с помощью очень непростого генетического или точнее генеалогического анализа удалось задержать в Калифорнии насильника и убийцу, на счету которого было около 50 изнасилований и более десятка убийств [7]. Помогают генеалогические базы ДНК-данных и в установлении останков пропавших людей [8]. Но тут возникают не только этические, но и коммерческие вопросы, поскольку фирмы, занимающиеся ДНК-генеалогией, опасаются потерять клиентов, которые могут выбрать их конкурентов, не предоставляющих подобной информации правоохранительным органам. Недавно проведенный анализ политики 22 генеалогических фирм показал, что только 4 из 22 помогают проводить подобные расследования [9].

Однако в литературе можно встретить сожаления, что базы ДНК-данных различного толка пока все же крайне малы, чтобы по ним находить всех преступников, включая серийных. Решением этой проблемы, а также проблемы пропавших людей и неустановленных трупов может стать всеобщая ДНК-регистрация всего населения, которая рано или поздно обязательно произойдет. Так, в книге Е.Клещенко [10, с.247] прямо говорится, что «...надо

признать, что включение того или иного объема ДНК-данных в биометрию паспортов всего мира – скорее всего, лишь вопрос времени. Слишком уж удобен этот метод идентификации». Ранее мы уже уделяли этому вопросу значительное внимание [11, 12] и сейчас можем лишь добавить, что вполне вероятно будущие базы ДНК-данных всего населения будут основаны на иных маркерных признаках, в частности микродиплотипах [13], включающих в свой состав многочисленные однонуклеотидные замены, позволяющие их удобно оцифровывать [14]. ДНК-регистрация всего населения способна полностью исключить или, по крайней мере, значительно снизить число серийных преступлений, поскольку с помощью полной базы ДНК-данных виновный будет изобличен и задержан раньше, чем успеет совершить новое.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности» № 18-29-14076.

Список литературы:

1. Machado H., Silva S. Public participation in genetic databases: crossing the boundaries between biobanks and forensic DNA databases through the principle of solidarity // J. Med. Ethics. 2015. V.41(10). P.820-824.
2. Martin P.D. National DNA database-practice and practicability. A forum for discussion. International Congress Series. 2004. V. 1261. P. 1 – 8.
3. Bieber F.R., Brenner C.H., Lazer D. Human genetics. Finding criminals through DNA of their relatives // Science. 2006. V.312(5778). P.:1315-1316.
4. Gershaw C.J., Schweighardt A.J., Rourke L.C., Wallace M.M. Forensic utilization of familial searches in DNA databases // Forensic Sci. Int. Genet. 2011. V.5(1). P.16-20.
5. Debus-Sherrill S., Field M.B. Familial DNA searching- an emerging forensic investigative tool // Sci. Justice. 2019. V.59(1). P.20-28.
6. Miller G. Forensics. Familial DNA testing scores a win in serial killer case // Science. 2010. V.329(5989). P.262.
7. Wickenheiser R.A. Forensic genealogy, bioethics and the Golden State Killer case // Forensic Sci. Int. Synergy. 2019. V.1. P.114-125.
8. Kennett D. Using genetic genealogy databases in missing persons cases and to develop suspect leads in violent crimes // Forensic Sci. Int. 2019. V.301. P.107-117.
9. Skeva S., Larmuseau M.H.D., Shabani M. Review of policies of companies and databases regarding access to customers' genealogy data for law enforcement purposes // Pers. Med. 2020. V.17(2). P.141-153.
10. Клещенко Е. ДНК и ее человек. Краткая история ДНК-идентификации / Елена Клещенко. научн. ред. д-р биол. наук С. Боринская. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 314 с.
11. Чемерис Д.А., Сагитов А.М., Аминев Ф.Г., Луценко В.И., Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Васильев Р.Г., Алексеев Я.И., Сломинский

П.А., Хуснутдинова Э.К., Чемерис А.В. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. 2018. Т.10(1). С.85-140.

12. Анисимов В.А., Гарафутдинов Р.Р., Сагитов А.М., Сахабутдинова А.Р., Хуснутдинова Э.К., Аминев Ф.Г., Чемерис А.В. ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы // Биомика. 2019. Т.11(3). С. 282-314.

13. Чемерис Д.А., Гарафутдинов Р.Р., Сагитов А.М., Сагитова М.А., Михайленко К.И., Зубов В.В., Василов Р.Г., Сломинский П.А., Анисимов В.А., Хуснутдинова Э.К., Алексеев Я.И., Курочкин В.Е., Лавров Г.С., Воробьев А.А., Аминев Ф.Г., Чемерис А.В. Микродиплотипы как новые маркеры для ДНК-идентификации личности // Биомика. 2020. Т.12(2). С. 300-317.

14. Garafutdinov R.R., Sakhabutdinova A.R., Slominsky P.A., Aminev F.G., Chemeris A.V. A new digital approach to SNP encoding for DNA identification // Forensic Sci. Int. 2020. V.317. P.110520.

Чеснокова Елена Владимировна,

заместитель заведующего отделом научно-методического обеспечения производства экспертиз в системе судебно-экспертных учреждений Минюста

России ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы

при Минюсте России (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,

кандидат юридических наук, доцент,

г. Москва, Россия.

ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ И МЕСТО В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ СТАНДАРТИЗАЦИИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Стандартизация как процесс охватывает все направления судебно-экспертной деятельности в соответствии с моделью общей структуры судебной экспертологии. В настоящий период времени при осуществлении стандартизации решение возникающих задач происходит эмпирическим путем, это решение найдено экспертами, менеджерами по качеству в аккредитованных судебно-экспертных лабораториях. Подтверждением этому является деятельность по разработке стандартов различных родов, видов экспертиз, валидация методик, аккредитация лабораторий. Однако, до сих пор не сформирована частная теория стандартизации в судебно-экспертной деятельности, которая бы на системном уровне включала в себя в широком смысле методики решения имеющейся проблемы. Для формирования теоретических основ указанной теории в статье предпринята попытка сформулировать ее предмет, принципы и место в судебной экспертологии. Стандартизация в СЭД представляет собой комплексную деятельность, включающую разработку, утверждение, изменение и актуализацию, а также применение документов по стандартизации и направленную на достижение упорядоченности в отношении экспертных работ. Принципы стандартизации в СЭД базируются на

общих принципах стандартизации в Российской Федерации, перечисленных в ст. 4 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации» в пределах предмета стандартизации в СЭД. Частная теория стандартизации в СЭД, основываясь на положениях судебной экспертологии, приобретает собственное место в разделе «Судебно-экспертные технологии», а также своими положениями согласуется с разделами: «Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности» и «Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности».

Ключевые слова: частная теория стандартизации в судебно-экспертной деятельности, достижение упорядоченности в отношении экспертных работ, стандарт в области судебной экспертизы

Annotation: Standardization as a process covers all areas of forensic activity in accordance with the model of the General structure of forensic expert science. Standardization is currently being implemented, the solution of emerging problems occurs empirically, this decision is found by experts, quality managers in accredited forensic laboratories. This is confirmed by the development of standards for various types of examinations, validation of methods, and accreditation of laboratories. However, a particular theory of standardization in forensic expert activity has not yet been formed, which would at the system level include, in a broad sense, methods for solving the existing problem. To form the theoretical foundations of this theory, the article attempts to formulate its subject, principles and place in forensic expert science. Standardization in the forensic activity is a complex activity that includes the development, approval, modification and updating, as well as the application of standardization documents and is aimed at achieving order in relation to expert work. The principles of standardization in the forensic activity are based on the General principles of standardization in the Russian Federation listed in article 4 of the Federal law «on standardization in the Russian Federation» within the subject of standardization in the forensic activity. The private theory of standardization in the forensic activity, based on the provisions of forensic expert science, takes its own place in the section "Forensic technologies", and also agrees with the sections: «Legal support of forensic activity» and «Organizational support of forensic activity».

Key words: private theory of standardization of the forensic activity, achieving order in relation to expert work, standard in the field of forensic expertise

При формировании в системе судебной экспертологии любой частной теории первостепенной задачей в числе других с ней взаимосвязанных является выработка ее собственного понятийного аппарата. Процесс этот продолжительный, после определения на начальном этапе формирования частной теории некоторый объем необходимых терминов и формулировки определений, происходит дальнейшее их накопление, изменение и уточнение имеющихся. Несомненно, определение предмета частной теории, принципов, задач и других теоретических основ, должно исходить из общих положений судебной экспертологии. Не является исключением и разрабатываемая в на-

стоящее время частная теория стандартизации в судебно-экспертной деятельности (далее – ЧТС в СЭД).

Россинская Е.Р. пишет [1; с. 63]: «Поскольку частная теория является подсистемой общей, ее предметом выступает какой-то элемент, сторона предмета общей теории, т.е. определенные закономерности из числа тех, которые изучает общая теория судебной экспертологии».

Так, в подразделе «судебно-экспертные методики, их типизация, стандартизация и паспортизация, валидация экспертных методик» раздела «Судебно-экспертные технологии» модели общей структуры судебной экспертологии, указанные процессы типизации, стандартизации, валидации судебно-экспертных методик являются одними из составляющих предмета частной теории стандартизации в СЭД.

Как известно, предмет науки может выражаться посредством системы основных изучаемых этой наукой закономерностей. К основным закономерностям судебной экспертологии относятся: изучаемые общей теорией судебной экспертологии закономерности правового, организационного и экспертно-технологического обеспечения СЭД. Закономерности стандартизации применительно к СЭД расположены в комплексе закономерностей экспертно-технологического обеспечения СЭД и определены как разработка и использование судебно-экспертных методик, их апробации, стандартизации, паспортизации, валидации и на этой основе унификации и формализации заключений эксперта. Более того, поскольку СЭД реализуется через функционирование системы государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций (далее – СЭО), где внедрена система менеджмента качества или управления персоналом, включающим и экспертов, и работников, обслуживающих судебно-экспертную деятельность и осуществляющих функционирование самих организаций, то и отдельные закономерности организационного и правового блоков модели общей структуры судебной экспертологии имеют место в частной теории стандартизации в СЭД.

Следовательно, частная теория стандартизации в СЭД, основываясь на положениях общей теории судебной экспертологии, приобретает собственное место в разделе «Судебно-экспертные технологии», а также своими положениями согласуется с разделами: «Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности» и «Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности».

Для разработки определения предмета частной теории стандартизации в СЭД, необходимо обратиться к ключевому словосочетанию «стандартизация в судебно-экспертной деятельности», чтобы впоследствии выявить закономерности, составляющие данную деятельность.

В статье 2 «Основные понятия» Федерального закона от 29.06.2015 N 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стандартизации в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О стандартизации в РФ») сформулировано определение стандартизации: «...деятельность по разработке (ведению), утверждению, изменению (актуализации), отмене, опубликованию и применению документов по

стандартизации и иная деятельность, направленная на достижение упорядоченности в отношении объектов стандартизации.»¹

Исходя из данного определения, становится понятно, что законодатель выделяет два взаимосвязанных и взаимодействующих направления в этой деятельности – первое, включающее в себя все этапы создания стандартов, назовем его «деятельность по созданию стандартов», и второе – деятельность, направленная на достижение упорядоченности в отношении объектов стандартизации. То есть, иная кроме создания стандартов деятельность, направленная на создание упорядоченности. И стандартизация направлена на достижение именно оптимальной степени упорядочения в определенной области посредством установления положений для всеобщего и многократного применения в целях решения реально существующих или потенциальных задач.

Поскольку объектом стандартизации в СЭД является работа, и результатом работы – специфическая продукция в виде заключения эксперта и/или документально подтвержденное участие эксперта в процессуальных действиях, то стандартизация в СЭД представляет собой комплексную деятельность, включающую в себя разработку, утверждение, изменение и актуализацию, а также применение документов по стандартизации и направленную на достижение упорядоченности при осуществлении судебно-экспертной деятельности.

В СЭД, как области деятельности, состоящей согласно Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» , в организации и производстве судебной экспертизы, также внедряются инструменты стандартизации: аккредитация судебно-экспертных лабораторий, валидация экспертных методик, сертификация компетентности и используемых в экспертной деятельности методических материалов.²

Видный деятель науки, идеолог стандартизации в СЭД, профессор, С.А. Смирнова отмечает [2]: «...судебная реформа в государствах-членах ЕАЭС, динамика роста числа судов и судейского корпуса, развитие институтов частной собственности и частного предпринимательства привели к существенному повышению требований участников судопроизводства к качеству производства экспертиз, подготовке квалифицированных судебных экспертов, проведению экспертиз на основе единого научно-методического подхода.» В свою очередь, единый научно-методический подход, прежде всего, направлен на обеспечение использования единых экспертных методик и применении единых квалификационных требований к судебным экспертам.

¹ Федеральный закон от 29.06.2015 N 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стандартизации в Российской Федерации». Электронный ресурс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181810/ (дата обращения: 13.10.2020).

² Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N 73-ФЗ. Электронный ресурс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 14.10.2020).

В качестве примеров комплексной деятельности, характерной стандартизации в СЭД, приведем следующие.

«Деятельность по созданию стандартов» на национальном уровне. В целях реализации ФЗ «О стандартизации в РФ», повышения эффективности работ по стандартизации на национальном, межгосударственном и международном уровнях и по согласованию с заинтересованными организациями в соответствии с приказом Росстандарта от 13.05.2015 г № 561 на базе Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России создан технический комитет по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза». ³ Деятельность ТК 134 осуществляется в соответствии с положениями ФЗ «О стандартизации в РФ», правовыми актами Росстандарта и основополагающими стандартами.

Разработка национальных стандартов осуществляется в соответствии со специальным стандартом в следующей последовательности:

- организация разработки стандарта;
- разработка первой редакции проекта стандарта и ее публичное обсуждение;
- доработка проекта стандарта по результатам публичного обсуждения и его редактирование;
- подготовка окончательной редакции с учетом замечаний по результатам редактирования;
- проведение контроля проекта стандарта на соответствие правилам, установленным в национальных стандартах и требованиям к их оформлению;
- проведение экспертизы и подготовка мотивированного предложения об утверждении проекта стандарта в качестве национального стандарта, или об отклонении проекта национального стандарта;
- подготовка к утверждению, утверждение и регистрация стандарта.

Среди национальных стандартов в области судебной экспертизы, утвержденных Росстандартом и, соответственно, рекомендуемых к использованию на добровольной основе в деятельности СЭО, можно назвать следующие: ГОСТ Р 57343-2016 «Судебная молекулярно-генетическая экспертиза. Термины и определения», ГОСТ Р 57344-2016 «Судебная психологическая экспертиза. Термины и определения», ГОСТ Р 57428-2017 «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения», ГОСТ Р 58794-2020 «Судебная экспертиза маркировочных обозначений. Термины и определения» и другие. Кроме того, в соответствии с Программой национальной стандартизации на 2020-2021 годы предусмотрена разработка ТК 134 проектов национальных стандартов «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения» и «Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения».

³ Стандартизация. Официальный сайт ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. Электронный ресурс URL: <http://www.sudexpert.ru/standards/> (дата обращения: 13.10.2020).

«Деятельность по созданию стандартов» на международном уровне. Межгосударственный технический комитет по стандартизации 545 «Судебная экспертиза» (далее – МТК 545) является формой сотрудничества заинтересованных государств при проведении работ по межгосударственной стандартизации и направлен для проведения работ по гармонизации межгосударственных стандартов в области судебной экспертизы с международными и региональными стандартами, содействие внедрению межгосударственных стандартов в области судебной экспертизы в СЭД организаций стран СНГ.

В Программе межгосударственной стандартизации на 2019-2020 годы предусмотрена разработка двух межгосударственных стандартов: ГОСТ «Судебная молекулярно-генетическая экспертиза объектов дикой флоры и фауны. Термины и определения» и ГОСТ «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения». В настоящее время указанные проекты межгосударственных стандартов размещены в автоматизированной информационной системе Межгосударственной системы стандартизации (АИС МГС). Поступившие замечания и предложения от Республики Беларусь и Киргизской республики учтены при подготовке окончательной редакции стандартов.

В Программу межгосударственной стандартизации на 2020-2021 годы в организации-члены МТК 545 включена разработка проекта межгосударственного стандарта ГОСТ «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения».

Фонд стандартов, служащий базой для информационного обеспечения работ не только по стандартизации, но также и по сертификации, метрологии и управлению качеством, приобрел и межгосударственное значение для стран СНГ, что содействует развитию стандартизации в странах содружества и укреплению экономических связей между ними.

И, наконец, несомненным современным трендом деятельности по стандартизации в СЭД является активное участие России в Международной стандартизации в рамках Международного технического комитета ИСО 272 «Судебная экспертиза».

Уполномоченными представителями нашей страны в нем являются руководитель ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и один из его заместителей, которые в настоящее время принимают участие в проектировании частей международного стандарта ИСО 21043 в области судебной экспертизы. В окончательном виде разрабатываемый стандарт будет содержать положения, регулирующие различные стадии СЭД, начиная от осмотра места происшествия до участия эксперта в судебном разбирательстве.

Основной задачей на современном этапе развития отношений с международным экспертным сообществом является выработка единого технического языка, включая терминологию в области судебной экспертизы.

Примерами деятельности, направленной на достижение упорядоченности в отношении экспертных работ, можно назвать следующие:

ФМКМС. Для добровольного эффективного сотрудничества государственных СЭУ в России в июне 1996 года руководством МВД и Минюста России по согласованию с Верховным Судом и Генеральной прокуратурой

Российской Федерации был создан Федеральный межведомственный координационно-методический совет по судебной экспертизе и экспертным исследованиям (ФМКМС).

Совет был создан на общественных началах в целях координации научных исследований, совместной разработки в необходимых случаях экспертных методик и технических средств, их апробации, рассмотрения проблем экспертной практики, возможной унификации методик обучения и аттестации экспертных кадров.

На Совете рассматривались и были рекомендованы всем заинтересованным ведомствам предлагаемые к использованию экспертные методики исследования вещественных доказательств.

В качестве одного из наиболее важных достижений можно отметить то, что представители ФМКМС, в основном благодаря усилиям представителей ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, способствовали подготовке законопроекта «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Данным законопроектом предусмотрено введение механизмов валидации (оценки пригодности) методических материалов по производству судебной экспертизы и сертификации научно-методического обеспечения СЭД, представляющими фундаментальную основу для усиления взаимодействия государственных СЭО в интересах повышения их статуса и обеспечения единого научно-методического подхода к экспертной практике как в государственных, так и в негосударственных СЭО, а также негосударственными судебными экспертами.

Однако, не имея официального статуса, ФМКМС поддерживался договоренностями между руководителями экспертных служб различных ведомств и сопутствующими рабочими документами, руководители экспертных служб силовых ведомств часто вступали в коалиции, принятые решения оценивались как рекомендательные, другими словами, необязательные. Следовательно, цели договоренностей часто не достигались, что в итоге не принесло ощутимых результатов работы Совета. К настоящему времени ФМКМС прекратил свое существование.

Упорядоченность в отношении экспертных работ в аккредитованных СЭО. В качестве таких документов разработаны: «Руководство по качеству ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России», Инструкция СМК «Верификация поступающего в лабораторию оборудования (средств испытания)», Положения о лабораториях, валидированные методики, инструкции и другие документы системы менеджмента качества.

Например, в таком основополагающем для аккредитованной лаборатории и стандартизованном документе как «Руководство по качеству ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России», имеющем статус внутреннего нормативного документа, который утверждается директором, нашли свое место единообразные указания для всех работников, как разрабатывать собственные документы системы менеджмента качества, вносить в них изменения и хранить, каким образом анализировать материалы дела или заявок, приобретать средства измерения, испытательное и вспомогательное оборудование, стандарт-

ные образцы, материалы и реактивы, хранить их и утилизировать, управлять несоответствиями, проводить улучшения, корректирующие и предупреждающие действия и многое другое, что составляет каждодневную деятельность любой экспертной лаборатории или отдела.

Принципы стандартизации в СЭД базируются на общих принципах стандартизации в Российской Федерации, перечисленных в ст. 4 ФЗ «О стандартизации в РФ». Из которых в данном перечне выделим следующие, выполнимые в пределах предмета стандартизации в СЭД: 1) добровольность применения документов по стандартизации; 2) обеспечение комплексности и системности стандартизации, преемственности деятельности в сфере стандартизации; 3) обеспечение соответствия общих характеристик, правил и общих принципов, устанавливаемых в документах национальной системы стандартизации, современному уровню развития науки, техники и технологий, передовому отечественному и зарубежному опыту; 4) открытость разработки документов национальной системы стандартизации, обеспечение участия в разработке таких документов всех заинтересованных лиц, достижение консенсуса при разработке национальных стандартов; 5) установление в документах по стандартизации требований, обеспечивающих возможность контроля за их выполнением; 6) унификация разработки (ведения), утверждения (актуализации), изменения, отмены, опубликования и применения документов по стандартизации; 7) соответствие документов по стандартизации действующим на территории Российской Федерации техническим регламентам; 8) непротиворечивость национальных стандартов друг другу; 9) доступность информации о документах по стандартизации с учетом ограничений, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации в области защиты сведений, составляющих государственную тайну или относимых к охраняемой в соответствии с законодательством Российской Федерации иной информации ограниченного доступа.

Например, такой принцип стандартизации как открытость разработки документов национальной системы стандартизации выполняется при разработке стандартов в области СЭД согласно указанной выше в статье последовательности, каждый подэтап которой заканчивается информированием научного сообщества о проводимых изменениях в тексте проекта стандарта. Таким образом, любым заинтересованным лицам предоставляется возможность направить в секретариат технического комитета свои замечания или дополнения и получить в отношении них аргументированный ответ. Более того, можно говорить о том, что следствием реализации данного принципа становится соответствие положению о доступности информации о документах по стандартизации, закрепленного в пункте 9 Федерального закона.

Подводя итоги вышеизложенному, представляется достаточно убедительным утверждать, что стандартизация в СЭД представляет собой комплексную деятельность, включающую разработку, утверждение, изменение и актуализацию, а также применение документов по стандартизации и направленную на достижение упорядоченности в судебно-экспертной деятельности.

Принципы стандартизации в СЭД базируются на общих принципах стандартизации в Российской Федерации, перечисленных в ст. 4 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации» и выполнимые в пределах предмета стандартизации в СЭД.

Частная теория стандартизации в СЭД, основываясь на положениях общей теории судебной экспертологии, приобретает собственное место в разделе «Судебно-экспертные технологии», а также своими положениями согласуется с разделами: «Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности» и «Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности».

Список литературы:

1. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 368 с.

2. Смирнова С.А. Перспективы стандартизации на современном этапе развития судебно-экспертной деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (г. Алматы, 15 октября 2015 г.) Астана, 2015. Электронный ресурс URL: <http://www.zakon.kz/4752538-materialy-mezhdunarodnojj-nauchno.html> (дата обращения: 05.09.2020).

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРАВОВЫХ, НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ ОСНОВ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Уфа, 19 ноября 2020 г.)*

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 18.11.2020 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 9,66. Уч.-изд. л. 10,08.
Тираж 300 экз. (1-й завод 26 экз.). Изд. № 121. Заказ 451.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*